

МАГИЧЕСКИЙ ОЖОГ

Автор «Магического укуса»
ИЛОНА ЭНДРЮС

«Фанаты городского
фэнтези будут в
восторге от Атланты
из альтернативной
вселенной,
созданной Илоной
Эндрюс»

— Fresh Fiction

На юге Атланты температура растёт и страсти накаляются.

Работая наемником и зачищая последствия вышедшей из под контроля магии, Кейт Дэниелс понимает: её участь — ежедневно рисковать собственной жизнью. Как правило волны паранормальной энергии утихают и разлетаются по Атланте как морской прилив. Но раз в семь лет происходят вспышки — время, когда магия неистовствует. Теперь Кейт придется иметь дело с куда более серьезными проблемами: божественными.

Когда Кейт намеревается вернуть коллекцию украденных карт Стае, военизированному клану оборотней, она быстро осознает, насколько высок риск происходящего. Во время вспышки могут появиться боги и богини и начать бороться за власть. Украденные карты — только первый шаг в эпическом сражении между двумя богами, ведь каждый из них надеется на возрождение. И если Кейт не сможет остановить катастрофический поединок — город погрузится в хаос.

Илона Эндрюс

Магический ожог

Информация о переводе:

В переводе участвовали: Елена Аренгольд, *SayaPeena*, *v_e_r_o_n_i_c_a1999*

Редакторы: *Amelia*, *MzHyde*

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хочу выразить свою благодарность очень многим людям:

Спасибо тебе, Анна Совард, мой редактор, за твою мудрость, твое руководство и за всю твою веру в меня как писателя. Из неоформленного нечто ты создала книгу.

Спасибо тебе, Рейчел Ватер, мой агент, за твою неутомимую преданность к своим клиентам. Ты — лучшее, что могло случиться в карьере писателя.

Спасибо тебе, Кэм Дафти, помощник редактора в «Асе» и, вполне вероятно, самая терпеливая женщина в мире, за твою помощь в редактировании и за миллион других вещей. Я должна тебе шоколадный мартина.

Спасибо тебе, Кристин дель Розарио, дизайнер внутреннего оформления, за шикарный макет книги и за претворение книги в жизнь.

Спасибо тебе, Джуди Мурелло, художественный директор, за захватывающую обложку, а также спасибо тебе, Чад Майкл Вард, художник, за создание фантастического рисунка для обложки.

Спасибо тебе, Валери Кортес, специалист по печати и рекламе, за неутомимое продвижение книг серии «Кейт Дэниелс».

Спасибо всем тем замечательным людям, кто выстрадал все мои черновые работы и помог значительно улучшить эту книгу, по сравнению с первоначальным результатом: Шарлен Амсен, Бьянка Брэдли, Сьюзан И. Карноу, Шэннон Фрэнкс, Элизабет Халл, Джэки М., Джилл Майлс, Рис Нотли, Лизан Палмер, Мэй, С.К.С. Перри, Г. Джулс Рейнольдс, Ли Райан, Мелисса Соумиллер, Соня Шэннон, П.Дж. Томпсон, Хайди Таллентайн и Эмбер ваг Дик.

И наконец, спасибо всем тем, кто читает серию Кейт. Вам письма помогают мне, продолжать этим заниматься.

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК РАЗБУДИЛ МЕНЯ ПОСРЕДИ НОЧИ. Что было странно: это произошло в самый разгар магической волны, когда техника вообще не должна работать, но телефон не унимался, продолжая звонить снова и снова, будто возмущенный тем, что его игнорируют. В конце концов поняв, что просто так это не прекратиться, я лениво потянулась за трубкой.

— Алло?

— Проснись и пой, Кейт.

Судя по мягкому и ласковому голосу, который я слышала из динамика, мой собеседник — обаятельный и в целом приятный мужчина. Нет, это точно не Джим. Ну, по крайней мере не в человеческом обличье.

Я попыталась открыть глаза, чтобы увидеть время на часах, висевших на противоположной стене.

— Два часа ночи. Люди в это время спят.

— У меня есть кое-какая работёнка, — сказал Джим.

Это вкоре меняло дело — деньги нужны были позарез. Я резко села на кровати.

— Я хочу половину награды.

— Третью часть.

— Половину.

— 35 процентов, — голос Джима стал жёстче.

— Половину, — я стояла на своем.

Джим замолчал, обдумывая следующее предложение.

— Ну, хорошо, 40 процентов тебя устроит?

Я молча повесила трубку. Комнату вновь окутала ночная тишина. Вечером я не опустила шторы, поэтому через решётку на окне пробивался лунный свет. Он действовал как катализатор, поэтому сделанные из металла прутья отблёскивали слегка голубоватым цветом, из-за взаимодействия с защитным заклинанием. Там, за стенами, Атланта была похожа на чудовище из легенд: такая же темная громадина с обманчиво спокойным видом. Когда же магическая волна отступит, что рано или поздно случится, она проснётся от вспышки яркого света, а при определенных обстоятельствах от залпов артиллерийского огня.

Конечно, моё защитное заклинание не остановило бы пулю, но, по крайней мере, оно хорошо защищало дом от злых чар, и этого было вполне достаточно.

Снова раздался телефонный звонок. Я ответила только на третий раз.

— Ну ладно, — проворчал Джим, — отдам тебе половину.

— Ты где?

— На стоянке прямо под твоим окном, Кейт.

К слову, мой приятель звонил мне из таксофона, который, как и мой телефон, не должен был работать. Я потянулась за своей одеждой, лежащий у кровати как раз для таких случаев. Первый вопрос, который я задала Джиму при встрече:

— Ну и что там на этот раз?

— Чокнутый парень, который любит испепелять всё вокруг.

ЧЕРЕЗ 45 МИНУТ Я ШЛАю подземному гаражу, проклиная Джима. Из-за

активности магии вырубился свет, и стало так темно, хоть глаз выколи.

Вдруг из непроглядной тьмы, окутавшей стоянку, появился огненный шар. Огромный, пышущий жаром и зловеще переливающийся красно-жёлтым светом он тут же ринулся в мою сторону. В последнюю секунду я успела отскочить и спрятаться за бетонный столб. От волнения бросило в жар, а руки вспотели. Шар тем временем продолжал преследовать меня, но и во второй раз мне удалось вовремя увернуться. Огненный сгусток со всего маха врезался в стену, разлетевшись на сотню мелких искр.

В противоположном конце гаража кто-то громко хохотал. Я осторожно выглянула из-за столба и попыталась рассмотреть того, кто смеялся, но не смогла — слишком темно.

Напротив меня, тоже прячась за бетонным столбом, стоял Джим. Он поднял руку, изображая пальцами говорящий клюв. Видимо это был знак. Хм. Переговоры? Точно, мне нужно отвлечь внимание этого ненормального какой-нибудь болтовней. Ну что ж, пора начинать действовать.

— Ладно, Джереми! — прокричала я в темноту. — Отдай мне саламандру. И, так уж и быть, твоя голова останется на месте!

Джим закрыл лицо рукой и немного затрясся. Скорее всего, он смеялся, но я не была в этом уверена. В отличие от его глаз мои не видели в темноте дальше, чем на расстояние вытянутой руки.

Смех Джереми стал истерическим. Прошло около минуты, прежде чем он смог выдать из себя:

— Тупая сучка!

Джим оттолкнулся от столба и растворился в темноте, двигаясь на голос Джереми. Он отлично видел в сумерках, но в абсолютной темноте даже от его зрения было мало толку. Поэтому сейчас мой приятель полагался только на свой слух — я не могла позволить Джереми замолчать. Но не стоило забывать: пока оборотень выслеживал Джереми, тот, в свою очередь, выслеживал меня.

Повода для беспокойства не было. Подумаешь, надо всего лишь поймать пиромана, полного решимости сжечь дотла всю Атланту с помощью шара из заколдованного стекла с саламандрой внутри. Но и это еще не все: ни в коем случае нельзя было повредить шар с ящерицей, ведь если эта штука разобьётся, моё имя станет известнее, чем корова Миссис О`Лири^[1].

— Черт, Джереми. Тебе срочно нужно пополнить свой словарный запас. Существует столько оскорбительных и унижительных слов, но всё, на что ты способен, просто назвать меня сучкой? Лучше отдай мне саламандру, пока не поранился.

— Отсоси у меня, шлюха!

Слева от меня вспыхнула крошечная искра. Она зависла в воздухе, освещая чешуйчатый контур рта саламандры и побелевшие пальцы Джереми, которыми он сильно сжимал сферу. Неожиданно зачарованное стекло распалось, и изнутри выскочил маленький огонёк. Соприкоснувшись с воздухом, он превратился в огненный шар.

Слава богу, я успела нырнуть за бетонный столб: пылающий сгусток энергии разбился об него в том месте, где секунду назад стояла я. Языки пламени окутали меня с обеих сторон, а в нос ударил резкий запах серы.

— Сожри кусок дерьма и сдохни!

После такого представления Джим точно должен был быть где-то рядом с ним. Поэтому я вышла из своего укрытия.

— Эй, ничтожество, с опилками вместо мозгов! Ты хоть что-нибудь можешь сделать нормально?

И тут я увидела, как огоньки на полу начали собираться вместе. Надо мной, точно разъярённое животное, навис гигантский стусток пламени. От жара огня рукоять Убийцы нагрелась так, что обжигала пальцы. Воздух в лёгких будто превратился в лаву, глаза стали влажными. Я уткнулась лицом в бетонный пол, молясь, чтобы не стало жарче. Неожиданно всё прекратилось.

Плевать. Я мигом опомнилась, вскочила на ноги и направилась в сторону Джереми. Саламандра ярко горела внутри стеклянной ловушки. На ее поверхности отражалось все: и кривая ухмылка Джереми, и руки Джима, сомкнувшиеся на горле пиромана. Поджигатель повис в лапах оборотня, словно безвольная кукла, и шар выскользнул из ослабевших пальцев...

Благодаря молниеносной реакции я успела поймать его в трёх дюймах от земли. В этот момент наши с саламандрой взгляды встретились. Её рубиновые глаза с любопытством разглядывали меня, чёрные губы раскрылись, и длинный, тоненький язык облизал отражение моего носа. Ну, привет, ты мне тоже нравишься.

Я осторожно поднялась сначала на колени, а затем на ноги. Воспоминания об огне и том смертельном жаре всплыли в голове в виде яркой картинки. Саламандра в моём сознании нашептывала: *Давай что-нибудь сожжём...* Усилием воли, я выгнала непрошенную гостью из своей головы. Давай лучше не будем.

Джим ослабил хватку на горле Джереми, и тот, как мешок, свалился на землю. Его глаза неподвижно смотрели на потолок. Тут и пульс проверять не надо — он был мёртв. Вот дерьмо. На дополнительное вознаграждение за его поимку рассчитывать не приходилось.

— Ты говорил, что мы не будем его убивать, — пробормотала я.

Деньги нужны были обоим. А живой Джереми стоил гораздо больше, чем его труп. Конечно, нам всё равно заплатят, но, убив этого придурка, мы потеряли третью часть всего заработка.

— Так и есть. Это не мы.

Джим перевернул тело на бок, чтобы было видно спину. Тоненькая, металлическая арбалетная стрела с тремя черными перьями торчала между лопаток Джереми. И тут до меня дошло. Я сразу же кинулась на пол, прижимая к груди саламандру. Каким-то образом Джим оказался там даже раньше меня.

Мы оба уставились в темноту — ничего, кроме тишины и мрака.

Мало того, что какой-то тип с арбалетом убил Джереми — наш бонус, за который нам заплатили бы немалые деньги — так он ещё и нас мог угробить, ведь мы стояли около тела минимум четыре секунды, а этого было достаточно, чтобы сделать два выстрела. Я дотронулась до Джима и показала ему на свой нос, намекая, чтобы он начал использовать обоняние, но он лишь отрицательно покачал головой — если бы сунс сейчас дунул ему прямо в лицо, то из-за запаха серы он все-равно ничего бы и не почувствовал. Поэтому я лежала, стараясь дышать как можно тише. Оставалось только прислушиваться.

Минуты казались бесконечно долгими. Стараясь не делать резких движений, Джим начал принюхиваться к земле, после чего кивнул головой влево. Хотя у меня и было смутное ощущение, что дверь находится где-то в противоположной стороне, но в такой темноте, где нас поджидал тип с арбалетом, я всё же решила довериться Джиму.

Оборотень схватил труп Джереми, перекинул его через плечо, и мы, пригнувшись,

быстро побежали к спасительному выходу. Из-за темноты мне было трудно ориентироваться, поэтому я бежала немного позади Джима. Бетонные столбы мелькали одни за другими. Прежде чем я успела поставить свою ногу на землю, магическая волна отступила, а флуоресцентные лампы на потолке заморгали, возвращаясь к жизни, — стало немного светлее. Чёрный, прямоугольный выход был буквально в десяти шагах от нас. Джим мигом нырнул в него. Я же рванула налево за ближайший столб.

Саламандра в шаре прекратила сиять и теперь мирно спала. Так она выглядела весьма безобидной черной ящеркой. Хотя на самом деле это было живое дальнобойное оружие, которое просто выдохлось. Я осторожно положила шар на пол и вынула Убийцу из ножен. Всё-таки саламандр переоценивают.

— Он ушёл, — сказал Джим из дверного проёма и указал куда-то позади меня.

Я обернулась. В бетонной стене был узкий проход, скорее всего ведущий на улицу. Напарник был прав. Если бы лучник хотел убить нас, то у него было достаточно времени, чтобы это сделать.

— То есть он просто не дал нам получить лишних денег и свалил?

— Похоже на то.

— Я ничего не понимаю.

Джим помотал головой и сказал:

— Вокруг тебя вечно происходит какая-то странная хрень.

— Вообще-то это было твоё задание, а не моё, — парировала я.

Сотни электрических искр посыпались из таблички «ВЫХОД», когда она вновь зажглась.

Джим ненадолго уставился на неё, черты его лица преобразилось: стали более кошачьими. Он снова покачал головой.

— Чур, я понесу стрелу из спины Джереми! — выкрикнула я.

— Да пожалуйста.

Пейджер оборотня замигал. Он проверил его, и знакомое безразличное выражение вернулось на его лицо.

— О нет, ты этого не сделаешь! Я не смогу дотащить его сама.

— Тогда можешь уходить, — и он кивнул на выход.

— Джим!

Мне пришлось побороть сильное желание запустить в него чем-нибудь тяжелым. Но, с другой стороны, сама виновата — не надо было работать с парнем, который служит Совету Стаи. Хотя Джим не такой уж и плохой друг. Просто у оборотней всегда так — если ты соглашаешься с ними работать, лидерами будут они, это не обсуждается.

Я посмотрела на лежащего, как мешок картошки, Джереми. Его вес был примерно сто пятьдесят фунтов, а тащить и его, и саламандру одновременно было мне явно не под силу. Оставить шар с ящерицей тоже нельзя. Магическая волна могла в любой момент ударить вновь, а это бы освободило саламандру, что могло закончиться печально. К тому же этот лучник мог быть где-то рядом, поэтому мне нужно было как можно быстрее отсюда выбраться.

И за Джереми, и за саламандру заплатят четыре тысячи долларов, а так как я больше не работала на Гильдию, то такие прибыльные задания мне нечасто попадались. Даже если разделить эти деньги с Джимом, их всё равно хватило бы, чтобы оплатить все долги за два месяца. Поэтому от одной только мысли оставить четыре тысячи долларов лежать на полу

мне становилось дурно.

Я переводила взгляд с Джереми на саламандру, с саламандры на Джереми. Давай, Кейт, выбери уже.

НАЁМНЫЙ КЛЕРК ГИЛЬДИИ был темноволосым и опрятно одетым мужчиной маленького роста.

— А где всё его тело? — спросил он, когда я положила голову Джереми на стойку.

— Не спрашивайте. У меня просто небольшие проблемы с логикой.

Лицо клерка расплылось в широкой улыбке.

— Ааа, Джим кинул тебя, не так ли? Тогда нужно только одно свидетельство о захвате, да?

— Нет, два.

Джим может быть и козёл, но я не собиралась лишать его денег.

— Кейт, ну ты и простофиля, — сказал клерк.

Я приблизилась вплотную к нему и улыбнулась настолько безумно, насколько могла.

— Да неужели? Хочешь повторить это ещё раз?

— Нет, спасибо, — мужчина достал пачку бланков и придвинул её ко мне. — Заполни вот это.

Да-а, эта стопка бумаг, толщиной в дюйм, точно займёт меня на час-другой. У Гильдии довольно нестрогие правила — являясь организацией наёмников, они проявляют сильный интерес только к прибыли, но о смертях было необходимо сообщать копам, а это требовало огромной бумажной волокиты. Таким образом, важность жизни Джереми была снижена до цены за его голову и пачки каких-то бумажек.

Я зло посмотрела на самый верхний бланк.

— Мне не нужно заполнять P20.

— Да, верно, ты ведь сейчас с Орденом работаешь, — клерк отсчитал восемь страниц с верхушки пачки. — Вот, держи, к тебе теперь особое отношение.

— Урааа, — и я отодвинула остальные бумажки куда подальше.

— Эмм, Кейт, позволь спросить у тебя кое-что.

Вот блин, а я ведь просто хотела заполнить бланки, пойти домой и вздремнуть.

— Валяй, спрашивай.

Он полез под стойку и вынул тёмную коричневую бутылку с двумя рюмками. Наёмная Гильдия занимала старое здание отеля «Sharaton» в конце Бакхэд, а нынешняя стойка клерка раньше была барной.

— О нет, я не буду пить твоё любовное зелье.

Он загоготал:

— Это Hennessy. Хорошая штука. Я заплачу за информацию.

— Спасибо, но я не пью.

Больше. Хотя у меня в кабинете всё ещё хранится бутылочка сангрии от Boone`s Farm на самый крайний случай, но к крепкой выпивке я больше не притронусь.

— Так что ты хотел спросить?

— Каково работать на Орден?

— А что, хочешь присоединиться к нему?

— Нет, мне и здесь хорошо. Просто у меня есть племянник, и он хочет стать рыцарем.

— Сколько ему?

— Шестнадцать.

Идеально. Ордену нравятся молодые — им легче промыть мозги. Я пододвинула стул.

— Можно стакан воды?

Он принес мне его, и я сделала небольшой глоток.

— В основном, Орден делает то же, что и мы: они устраняют вред, нанесенный магической волной. Представь, что после её удара у тебя на дереве сидит гарпия. Чтобы разобраться с ней, ты сначала вызовешь копов.

— Ага, если ты совсем тупой, — усмехнулся мой собеседник.

Я пожала плечами.

— Копы скажут тебе, что заняты, потому что гигантский червь пытается проглотить федеральное здание суда. Они советуют тебе не подходить к гарпии и говорят, что приедут, когда освободятся. Всё как обычно. Поэтому теперь ты звонишь в Гильдию: зачем ждать, если за три сотни баксов парочка наёмников без проблем разберётся с гарпией и даже подарит твоему ребёнку красивое перышко из её задницы, чтобы прикрепить к шляпке. Правильно?

— Правильно.

— А теперь предположим, что у тебя нет трёх сотен баксов, или у этого дела двенадцатый код — Гильдия слишком высоко себя ценит, чтобы приниматься за такую работу. Но гарпия по-прежнему сидит у тебя на дереве и нужно от неё как-то избавиться. Теперь ты звонишь в Орден, ибо слышал, что их услуги стоят не так уж и дорого. Они просят приехать к ним. Там миленький рыцарь разговаривает с тобой, спрашивает о доходе и сообщает хорошие новости: за свою работу они возьмут всего лишь пятьдесят баксов, потому что ровно столько ты можешь себе позволить, и они это прекрасно понимают.

Клерк посмотрел на меня.

— А что там насчёт поимки монстра?

— Они дают документ на подпись: твоё прошение к Ордену. А там крупными буквами написано, что ты разрешаешь убрать любую угрозу человечеству, которая возникает в связи с этим случаем.

Орден Милосердной Помощи хорошо подобрал себе имя. Они предоставляют всем любую помощь. Но проблема в том, что иногда люди получают её в слишком большом количестве.

— Допустим, ты подписываешь прошение. Приходят рыцари и начинают наблюдать за гарпией. В то же время ты замечаешь, что каждый раз, когда появляется монстр, твоя пожилая тетка пропадает. Ты начинаешь за ней следить и понимаешь — при ударе магической волны именно она превращается в гарпию. Ты говоришь рыцарям, что больше не нуждаешься в их услугах, потому что любишь свою тётю, тем более она никому не причиняет вреда, а просто сидит на дереве. Рыцари же утверждают, что пять процентов гарпий переносят смертельный вирус на своих лапах, а это уже угроза для всего человечества. Ты злишься, кричишь, вызываешь копов, но те говорят, что тут всё законно и ничего не поделать. Тогда ты обещаешь запереть свою тетку, пробуешь дать взятку, объясняешь, как твои дети любят старушку, плачешь, умоляешь. Но всё это не помогает, — я допила воду, — вот каково работать на Орден.

Клерк налил себе рюмку и разом выпил её.

— Это произошло по-настоящему?

— Да.

— Они убили старушку?

— Да.

— О, Боже...

— Поэтому, если твой племянник думает, что сможет убивать невинных старушек — пусть поступает в Академию, он как раз хорошо подходит для неё по возрасту. Хотя учиться там тяжело — большая нагрузка и на тело, и на мозг. Но если есть желание, он со всем справится.

— Откуда ты всё это знаешь?

Я скинула свою кипу бумаг со стойки.

— Когда я была маленькой, мой хранитель записал меня в Академию. Он был Предсказателем.

— Нихрена себе. И сколько ты там продержалась?

— Два года. И со всем хорошо справлялась, кроме психологической подготовки — не люблю подчиняться.

Я помахала клерку на прощание и перенесла свои бланки на стол, находившийся в полутьме.

Сказать по-честному, со всеми предметами в Академии я справлялась не просто хорошо, а великолепно. Меня определили в рыцари и-уровня. Но я терпеть этого не могла. Орден требовал абсолютного повиновения, а у меня уже был повод не подчиняться. Я хотела убить самого могущественного человека в мире, и такое желание заглушало во мне всё остальное. Поэтому я вылетела из Академии и пошла работать на Наёмную Гильдию. Это разбило сердце Грэга.

Он был замечательным хранителем, хоть и помешанным на том, чтобы как можно лучше защитить меня. И Грэг считал Орден самым безопасным местом. Если бы тот, кого я хотела прикончить, пока училась в Академии, узнал, что я существую, он бы убил меня, и ни Грэг, ни я сама не смогли бы ему противостоять. Но если бы вступила в Орден, то любой рыцарь кинулся бы на мою защиту. Оно того не стоило.

А потом Грэга убили. Чтобы найти преступника я пришла в Орден и присоединилась к их расследованию. В итоге я нашла убийцу и покончила с ним раз и навсегда. Это была ужасная и противная работёнка, которую сейчас называют «Делом сталкера из Ред Пойнт»^[21]. В процессе расследования всплыло то, что я когда-то училась в Академии, и Орден захотел моего возвращения. Они предложили мне работу посредника между ними и Гильдией, пообещав отдать мне офис Грэга вместе с его вещами, право вести мелкие расследования и стабильную зарплату. Я согласилась. Частично из-за чувства вины перед Грэгом — после исключения из Академии я избегала его. Частично потому, что в этом был здравый смысл: на доме моего отца рядом с Саванной и на доме Грэга здесь, в Атланте, висели задолженности, а я не могла допустить, чтобы из-за нехватки средств у меня отняли самое дорогое. Гильдия платила хорошо, но я обслуживала лишь маленькую территорию рядом с Саванной, и серьёзные задания попадались раз в полгода. Соблазн получения стабильной зарплаты был слишком велик.

Моё воссоединение с Орденом вряд ли продлится долго, но пока оно действовало. За неимением денег я прекратила гасить задолженности за дома, но после заполнения всех этих бланков, смогу заплатить долги за месяц или два.

После написания моего ID-номера десять раз на каждой бумажке, я «наслаждалась» анкетой «выберите да или нет». Да, я действовала в рамках необходимой самообороны. Нет,

я не считала, что для подчинения подозреваемого была использована чрезмерная сила. Да, я воспринимала подозреваемого как непосредственную угрозу для себя и остальных. К тому времени как я достигла заданий «заполните пропуски», глаза слипались так, что хоть спички вставляй. В секции «как вы понимаете цель подозреваемого» я написала: «подозреваемый намеревался спалить весь город, потому что он полный дебил».

Когда я наконец вышла из Наёмной Гильдии, небо было бледно-серым с примесью того особенного цвета, который обычно означает восход солнца. Ну, по крайней мере, у меня была арбалетная стрела из спины Джереми. И теперь я стала ещё на три сотни баксов богаче, благодаря его голове. Остальные деньги придётся подождать — копы должны подтвердить убийство. Когда я дошла до перекрёстка, то поняла, что нечему радоваться — все деньги уйдут на оплату счетов. Хотя пока они всё ещё были со мной — если я засовывала руку в карман, то чувствовала мягкую бумагу четырёх потрепанных пятидесятидолларовых купюр и пяти двадцатидолларовых банкнот — денег, считай, уже и не было.

Великая тайна Вселенной.

ЧЕРЕЗ ДВА ЧАСА Я НЕОЖИДАННО ДОБРЕЛА Доделения Ордена. Глаза уже слипались, поэтому я купила большой стакан кофе. Загадочная арбалетная стрела была завёрнута в бумажный, коричневый пакет и лежала у меня под локтем. Офис Ордена, как всегда, приветствовал своим изобилием «ярких» цветов: длинный коридор с серым ковром, серые стены и серые светильники.

Как только я вошла внутрь, ударила магическая волна. Свет вырубился. Толстые трубки с волшебными лампочками загорелись мягким голубоватым светом, когда заряженный воздух внутри них начал взаимодействовать с магией.

Это была уже третья волна за последние двадцать четыре часа. Магия явно сходила с ума. Перемещаясь то назад, то вперед, она будто не могла выбрать, куда же ей отправиться.

Слабое шелканье старинной пишущей машинки эхом отдавалось в пустом офисе. Оно шло из секретарского уголка около двери в кабинет Покровителя.

— Доброе утро, Максин, — обратилась я к девушке.

— *Доброе утро, Кейт,* — отозвался голос Максин в моей голове, — *я смотрю, у тебя выдалась бурная ночь?*

— Можно и так сказать.

Я отперла дверь в свой кабинет. Отделение Ордена в Атланте сделало много усилий, чтобы выглядеть как можно неприметнее, но мой офис был маленьким даже по их стандартам. Он едва вмещал в себя стол, два стула, ряд картотечных шкафов и несколько книжных полок. Стены были покрашены в ещё один «блестящий» оттенок серого.

Я остановилась в дверях, не в силах переступить через порог — ведь этот кабинет достался мне после Грэга. Со дня его смерти прошло почти четыре месяца. Я должна была уже смириться со случившимся и жить дальше, но иногда, как в это утро, я просто... не могла заставить себя войти. Мне казалось, что если я зайду в кабинет, то Грэг окажется там, стоя с книгой в руке и смотря на меня добрым, но немного укоризненным взглядом. Он всегда был готов помочь: вытаскивал меня из любых неприятностей, в которые я регулярно вляпывалась. Но Грэг умер. Сначала мама, следом папа, а теперь и он. Самые дорогие моему сердцу люди погибли в ужасных мучениях. Пора с этим заканчивать. Если я и дальше буду ворошить прошлое, то завою как волк на полную луну.

Я закрыла глаза, пытаюсь успокоиться, но образ Грэга стал ещё более живым.

Я глубоко вдохнула и зашагала по коридору прочь от кабинета. Значит, я трусиха. Какой позор.

Когда я вошла в оружейную, Андреа сидела на скамейке и чистила пистолет. Она была маленького роста, но с твердым характером. Однако глядя на ее лицо, хотелось излить ей душу. Девушка знала Отделение Ордена как свои пять пальцев. Радиовещание здесь никогда не обрывалось, а магический сканер всегда отлично работал. И если ей приносили какой-нибудь сломанный гаджет, то на следующий день она возвращала его в рабочем состоянии.

Андреа подняла свою блондинистую голову и помахала мне рукой в знак приветствия. Я немного дёрнулась, чувствуя успокаивающую тяжесть Убийцы в ножнах на спине, и помахала ей в ответ. Мне были понятны её влечение и любовь к оружию. После того маленького приключения, благодаря которому эта работа стала моей, я никогда не покидала дом без клинка, потому что буквально через несколько минут начинала нервничать.

Девушка заметила, что я не свожу с неё взгляд.

— Тебе что-то нужно? — поинтересовалась она.

— Да. Узнать побольше вот об этой арбалетной стреле.

Левой рукой Андреа указала на место рядом с собой:

— Давай-ка её сюда.

Я предала ей свой трофей. Блондинка развернула бумажный пакет, достала оттуда стрелу и восхищенно присвистнула.

— А она очень даже неплохая.

Кроваво-красная с тремя чёрными перьями, стрела была примерно три фута в длину. Три чёрных дюймовых линии покрывали древко прямо перед оперением: всего получалось девять отметок.

— Эта стрела сделана из графита. Её невозможно согнуть. Очень прочная и дорогая. Похоже на 2216, специально разработанную для подстреливания дичи средних размеров, оленей, небольших медведей...

— И человека.

Я прислонилась к стене и отхлебнула остывший кофе.

— Да, и человека, — кивнула Андреа. — Это очень мощная стрела с хорошей траекторией полета и без каких-либо скоростных ограничений. Самая настоящая человекоубийца. Посмотри на её наконечник: он маленький, трехгранный и весит около ста грамм. Очень напоминает мне серию Wasp Boss. Некоторым люди предпочитают механические наконечники, но у хороших арбалетов ускорение очень резкое, поэтому лопасти лезвия раскрываются ещё в полёте, а это в свою очередь снижает точность стрельбы. Если бы мне понадобился наконечник, я бы взяла именно такой. — Она покрутила стрелу, и свет, исходящий из окна, ярко заиграл на металле. — Заточена вручную. Где ты её взяла?

Я рассказала ей о событиях прошлой ночи.

Девушка нахмурилась.

— Если ты не слышала звук, когда из арбалета выстрелили, то, скорее всего, это был рекурв^[3]. Когда стреляют из блочного арбалета, то он издаёт «памм». Могу я пульнуть стрелу?

Она кивнула на мишени, прикрепленные к стене и обернутые несколькими слоями пробкового дерева.

— Конечно.

Андреа надела перчатки, чтобы не оставить на стреле свой магический след, взяла со скамьи маленький арбалет, зарядила его, вскинула на плечо и выстрелила, вероятно, даже не прицелившись. Стрела просвистела в воздухе и попала в центр мишени. Прямо в яблочко. А я ружьём не могу подстрелить корову в десяти ярдах от меня.

Волшебные лампочки замерцали и потухли. Пыльный электрический светильник на стене вспыхнул мягким жёлтым светом. Магическая волна отступила, и всё вернулось на круги своя. Мы переглянулись. Никто не мог предугадать продолжительность магии: она приходила и уходила, когда ей самой хотелось. Но волны обычно длились по часу. А эта, что, была всего лишь пятнадцать минут?

— Мне кажется, или волны в последнее время стали слишком частыми?

— Тебе не кажется, — лицо блондинки выглядело немного обеспокоенным, она вытащила стрелу из мишени, — хочешь, я просканирую её на наличие магии?

— Да, если тебе нетрудно.

У магии есть особенность: со временем она рассеивается. И это безумно раздражает. Поэтому чем быстрее ты просканируешь улику, тем больше вероятность, что ты хоть что-то найдешь.

— Трудно? — она приблизилась ко мне. — Я два месяца ничего не делаю. Это меня просто убивает. Да на моих мозгах уже паутина образовалась.

Она прижала палец под правый глаз и опустила нижнее веко.

— Вот, сама посмотри.

Я засмеялась. Андреа проводила исследование для западного Отделения Ордена и вляпалась в неприятности со стаей диких оборотней, которая совершала налёты на животноводческие фермы. Дикие оборотни — это сумасшедшие людоеды, потерявшие внутри себя человека и навсегда превратившееся в животное. Они убивали, насиловали, в общем, творили всяческие бесчинства, пока кто-нибудь не пускал им пулю в лоб, избавив тем самым от мучений.

К сожалению, эти твари ещё и жутко заразны. Напарница Андреа подцепила от них вирус, стала дикой и умерла, получив пару дюжин пуль, которые блондинка выпустила в её голову. Есть предел тому, насколько оборотни могут вылечиться от этой болезни, а Андреа — меткий стрелок. После этого её переселили в Атланту и, несмотря на то, что у моей приятельницы не было никаких следов вируса ликантропии в крови, и она не собиралась отращивать шерсть с когтями, Тэд отодвинул её на задний план.

Девушка положила стрелу рядом с магическим сканером. Она подняла стеклянный колпак, положила трофей на керамический поддон, опустила куб и нажала на рычаг. Аппарат закружился, продемонстрировав начало работы.

— Андреа?

— Дааа?

— Техноволна в самом разгаре, — сказала я, чувствуя себя немного глупо.

Она нахмурилась.

— О Боже. Возможно, мы не получим никаких результатов. Хотя, тут нельзя знать наверняка. Иногда можно заметить следы остаточной магии даже в такое время.

Мы посмотрели на куб. И Андреа, и я знали, что это было бесполезно. Чтобы получить действительно хорошие результаты нужно сканировать что-то до предела насыщенное магией. Например, какую-нибудь часть тела. М-скан анализирует магические следы, оставленные на предмете его хозяином, и распечатывает их в определённых цветах: голубой

обозначал след человека, зелёный — оборотня, фиолетовый — вампира. Оттенки и яркость указывали на различные виды магии, поэтому правильное расшифровывание результатов сканирования — это тоже своего рода искусство. Стрелу в руках явно держали недолго, поэтому следы на ней едва заметны. Я знала человека, у которого был достаточно мощный м-сканер, способный распознать самую крохотную магию даже во время техноволны. Его звали Сайман. Беда в том, что если бы я пошла к нему, то это влетело бы мне в копеечку.

Принтер затрещал. Андреа вытащила из него распечатку и повернулась ко мне. Её лицо немного побледнело. От края до края листа располагалась широкая серебряно-голубая полоска. *Духовное лицо*. Это было совсем не здорово. Все, кто относились к религии, назывались *духовными лицами*: Папа Римский, монахи Шаолинь, даже Грэг, Оракул, и тот отмечался серебряно-голубым. Но проблема в том, что во время техноволны мы вообще не должны были получить результаты сканирования.

— Что всё это значит? На этой штуке, что, магия особенно сильна?

Андреа покачала головой.

— Магические волны в последнее время стали очень изменчивыми.

Мы посмотрели друг на друга: обе знали, что означали такие изменения — всплеск. А мне он сейчас был нужен так же, как дырка в голове.

— *К тебе пришёл проситель*, — сказал голос Максин в моей голове.

Я собрала результаты сканирования и пошла в свой кабинет.

Я СЕЛА ЗА СТОЛ В СВОЁМ КАБИНЕТЕ. ЧТО-ТО ПОДСКАЗЫВАЛО МНЕ, ЧТО НАДВИГАЛСЯ ОЧЕРЕДНОЙ ВСПЛЕСК Если обычные магические волны не причиняли много вреда, то после всплеска оставалось столько разрушения, словно по городу пролетел тайфун. Все начиналось с ряда мелких магических колебаний, быстро спадающих, а потом снова возрастающих. Но в это время магия не отступала насовсем, а возвращалась каждый раз с новой силой, пока не накрывала всех с головой.

Поговаривали, что когда-то магическая и техноволны сосуществовали в полном балансе. Они походили на маятник часов, сохранивший неизменным свой ход с течением времени. Но наступила Эра Человека, а вместе с ней и технический прогресс. Люди чрезмерно развили магию, сместив маятник в одну сторону, пока он не сорвался и не начал быстро раскачиваться взад и вперёд, принося с собой техноволны. А потом мир переполнили технологии — опять же из-за человека, и маятник снова качнулся, только на этот раз уже в сторону магии. Предыдущий Сдвиг от магической волны к техноволне случился где-то в начале Железного века. Современный Сдвиг официально произошёл почти тридцать лет назад. Он начался со всплеска, и с каждым новым появлением мир всё больше начинал поддаваться магии.

Во время всплеска всегда случалась странная хрень. Обычно он длился всего два-три дня, но они были просто убийственными. На мгновение мне захотелось снова стать просто наёмником — я могла бы пойти домой и переждать там всё это.

В дверях появилась женщина — мой проситель. Худая, высокая и шикарно одетая она была не просто привлекательна, но великолепна: красивые глаза истинной азиатки, прекрасная светлая кожа, пухлые губы и блестящие иссиня-чёрные волосы, волнами ниспадающие на плечи. Черное облегающее платье выгодно подчеркивало фигуру, а туфли настолько изящно сидели на ноге, что я даже позавидовала.

Женщина выглядела знакомо, но я никак не могла вспомнить, где мы встречались.

— Кейт Дэниелс? — обратилась она ко мне.

— Да?

— Меня зовут Мийонг Уильямс.

Мы неловко пожали друг другу руки.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — пригласила я, жестом указав на стул с другой стороны рабочего стола.

Моя гостья присела, закинув ногу на ногу.

— Чем обязана?

Она застеснялась, невольно выставив ноги так, чтобы ими покрасоваться.

— Я пришла попросить Вас об услуге.

— Какого рода?

— Личной.

Она замолчала. В воздухе повисла неловкая пауза.

Тут в моей голове что-то щёлкнуло:

— Я вспомнила, где видела Вас. Вы... — я замялась, стараясь подобрать как можно более нейтрально слово, но на ум приходили только *любовница, хозяйка, зайчонок*, — девушка Каррана.

О Боже, что подружке Повелителя Обратной нужно от меня?

— Мы расстались с ним, — сказала Мийонг.

Значит, её проблема не связана с Карраном. Это хорошо. Нет, это замечательно. Даже великолепно! Чем дальше я нахожусь от Повелителя Обратной, тем лучше для всех. Когда мы вместе работали над «Делом сталкера из Рэд Пойнт», то чуть не поубивали друг друга.

Мисс Уильямс устроилась поудобнее, поправив край платья, и нахмурила свои идеально выщипанные брови.

— Вы и Максимилиан...

Упоминание имени Макса сделало разговор несколько неловким. Я думала, что у меня с ним уже всё кончено. Мы встретились на расследовании по поводу убийства Грэга. Он был красивым, умным, иногда добрым и очень мною интересовался. А я... Я вообще не была уверена, чего хотела. Интимности. Секса. Кого-то, к кому можно было прийти домой. Но всё это плохо кончилось. Сейчас он, возможно, ненавидел меня.

— Я с Максом тоже рассталась.

Мийонг кивнула:

— Знаю, ведь мы помолвлены.

— Кто помолвлен? — переспросила я, не врубившись в сказанное с первого раза.

— Максимилиан Крэст и я. Мы скоро поженимся.

Мир как будто перевернулся.

— Позвольте мне всё прояснить. Вы и мой — «бывший бойфренд» было бы не точно, ведь фактически мы никогда не встречались, а «мог бы быть бойфрендом» звучало бы глупо — то есть, вы с Максом теперь вместе?

— Да.

Как неловко. Хотя я ни капли не завидовала Мийонг, разговор с ней по непонятной причине заставил меня почувствовать себя неуютно в собственном кабинете. Я уговорила себя улыбнуться и откинулась на спинку стула.

— Поздравляю. Так что Вы хотите от меня?

Девушка заметно смутилась.

— Помогите мне получить от Каррана разрешение на свадьбу.

— Вы имеете в виду, что он должен одобрить Ваш брак с Крэстом? Даже если Вы и Карран уже не вместе?

— Да, ведь я член Стаи.

Это всё объясняет. Карран всех в Стае держал в ежовых рукавицах: каждый оборотень на Юго-Востоке называл его Повелителем. Ну, кроме диких. В их случае Карран не церемонился — просто разрывал на куски прежде, чем они успевали сказать хоть что-то. Я повнимательнее присмотрелась к девушке, после чего удивленно приподняла брови:

— Лисица?

Она вздохнула.

— Все так думают. На самом деле я обращаюсь в норку.

Я попыталась представить вернорку, но у меня не получилось. Однако это, видимо, привлекало Крэста.

— Вы не смогли сами попросить Карана?

— Я просила Повелителя, — сказала она.

— И он сказал «нет»?

— Нет. Он вообще ничего не сказал, хотя прошло уже два месяца, — мисс Уильямс

придвинулась ближе, скрестив руки на груди, — мой альфа требует обсудить этот вопрос с Карраном, поэтому я надеялась, что Вы могли бы поговорить с моим Повелителем за меня.

— Я?

— Вы все-таки можете повлиять на него, ведь Вы спасли ему жизнь.

Ты хочешь, чтобы я попросила твоего бывшего парня — смертельно опасного оборотня, который пугает меня до чёртиков — позволить тебе выйти замуж за моего бывшего почти-бойфренда? Да ты, должно быть, шутишь.

— Я думаю, Вы переоцениваете моё влияние на него.

— Пожалуйста.

Девушка прикусила губу. Пальцы её левой руки сжимали пальцы правой, обнажая неровный белый шрам на запястье. Левша. Она пыталась покончить с собой, порезав вены на запястье. Поразительный и совершенно бесполезный поступок: чтобы у оборотней потекла кровь, трёхдюймового пореза явно недостаточно. Мийонг смотрела на меня, совершенно не осознавая, что в этот момент делали её руки.

— Макс сказал, что Вы поймете.

Вот блин. Слава богу, что он сам не явился сюда.

Я посмотрела на неё. Девушка выглядела так, будто кто-то подставил ей подножку, и теперь она падает. Такой же я видела её три месяца назад. Это случилось сразу после того, как «сталкер из Рэд Пойнт» позвонил в Стаю. Мы с Карраном, наконец выяснили, кто он, и тот был, мягко сказать, не очень рад. Упырь держал телефон у рта женщины, чтобы мы не пропустили ни единого всхлипа, пока она не умерла от обширных ран, которые он с удовольствием наносил ей. Эта женщина была одной из бывших подружек Каррана. Когда я шла обратно в свою комнату, пытаюсь не плакать, то через открытую дверь увидела Мийонг, беспомощно обнимавшую свои плечи.

От этих воспоминаний, на меня вновь нахлынули чувства. Я была слишком глупа, чтобы разглядеть то, что происходило под носом. Слишком напугана, затравлена, совершала ошибку за ошибкой, пока люди вокруг гибли. Но в тот момент Крэст предложил мне соломинку, а я чуть не утянула его за собой. К горлу снова подступил комок. Пульс участился, и я сглотнула, напомнив себе, что всё уже закончилось. Нет, Макс заслуживал счастья. Без меня.

— Хорошо, я попрошу.

Она выдохнула.

— Спасибо.

— Но я не уверена, что смогу убедить Каррана. Ваш Повелитель и я постоянно приводим друг друга в бешенство.

И каждый раз, когда мы встречались, у меня что-нибудь ломалось: рёбра, крыша, молоток...

Слава богу, что окончание предложения она не услышала.

— Я знала, что Вы поможете. Огромное спасибо. Мы с Максом Вам так благодарны.

— *Посетитель*, — предупредил голос Максина.

Знакомый, тощий человек появился в дверях. На нем были джинсы и светлая футболка. Короткие каштаново-коричневые волосы подчеркивали свежее, чисто выбритое лицо и бархатные карие глаза со слишком уж длинными ресницами. Если бы не по-мужски квадратная челюсть, его бы смело можно было назвать «хорошеньким». А если бы он оказался среди девочек-подростков, то они бы попадали в обморок от одного его взгляда.

Но эта красота вводила в заблуждение. Дерек был убийцей. В свои восемнадцать лет он уже видел больше страданий, чем многие люди за всю свою жизнь. Это закалило парня, сделало твёрдым как камень. Мы не виделись с момента окончания «Дела сталкера из Ред Пойнт», когда из-за моих необдуманных действий Дереку пришлось поклясться кровью, что он будет защищать меня. После окончания тех событий Карран всё же освободил парня от клятвы, но обет всё равно отпечатался на крови, а значит последствия непредсказуемы. Это был первый и последний раз, когда я влезла в иерархию Стаи.

— Привет, Кейт, — мягко поприветствовал меня Дерек. — Мийонг? А что ты тут делаешь?

Мийонг вскочила со стула и вся съежилась. Её плечи сжались, будто она ожидала удара, голова опустилась, а колени подогнулись. Девушка уставилась в пол. Если бы она сейчас обернулась норкой, то — я была практически уверена в этом — обмочилась бы.

Ну ладно, теперь мы знаем, кто в Стае стоит выше.

— Вам не нужно отвечать ему, — твердо сказала я. — Информация, раскрытая представителю Ордена, абсолютно конфиденциальна до тех пор, пока судебная инстанция не попросит передать её им.

Девушка просто стояла, опустив глаза. Всё. Хватит. Я уже достаточно на это насмотрелась.

— Вы можете идти, — продолжила я.

Мийонг пулей вылетела из кабинета. Секунду спустя дверь, ведущая на лестничную площадку, с грохотом захлопнулась за ней. Готова поспорить, что она сломя голову побежала вниз, стремясь как можно скорее выскочить на улицу. Надеюсь, она не переломает ноги в таких-то туфлях. Ведь в случае чего её костям потребуется целых две недели, чтобы срастись.

— Можно мне войти? — спросил Дерек.

Я указала на один из стульев для посетителей.

— Почему Мийонг тебя так боится?

Он сел и пожал плечами.

— Могу только предположить.

— Ну, так давай.

— Прямо сейчас я работаю на Каррана. Возможно, она боится, что я заложу её, поскольку, мне кажется, я знаю, зачем она приходила к тебе.

— Неужели ты и в правду это сделаешь?

Дерек снова пожал плечами.

— Это её личное дело. Пока она не начнёт вредить Стае, мне плевать. В любом случае, прийти сюда не её идея. Она ведь такая пофигистка.

— Серьёзно?

Он кивнул.

— Тот придурок заставил её это сделать. А я всегда говорил, что он просто мешок с дерьмом.

— Твоё мнение принято к сведению.

Спасибо, чудо-мальчик, за окончательное имя моему «почти мог бы быть» бойфренду. Эх, и что бы я делала без нравственного компаса вервольфа-подростка? Который, кстати, не желал униматься:

— Почему же он сам не пришёл к тебе, Кейт? Разве не он должен был здесь говорить:

«Эй, я знаю, что у нас ничего не вышло, но мне нужна твоя помощь»? Его это настолько огромно, что он послал невесту упросить свою бывшую девушку договориться о его собственной свадьбе. Насколько это глупо?

Чрезвычайно.

— Даже слов для этого не нахожу, — ответила я.

Дерек немного выпрямился. Его глаза на мгновение стали жёлтыми, а затем вновь приобрели нормальный карий цвет. И это было странно.

Я вытащила Убийцу из ножен и пробежала пальцами по всей длине лезвия. Магия клинка тут же объединилась с моей. Определенно всплеск. В этот момент оборотни плохо контролируют свои эмоции. Великолепно... Возможно, Карран сейчас немного не в себе из-за этой свадьбы? Ха! Да кого я обманываю?

— Ты хорошо выглядишь, — сказала я Дереку.

— Спасибо.

— Но обычно ты не приходишь ко мне. Вляпался в какие-то неприятности?

— Нет, ответил парень, — Эту комнату охраняют?

— Ты в Отделении Ордена. Конечно, здесь всё охраняют.

Он повернулся и закрыл дверь.

— Я пришёл, чтобы продлить прошение Стаи.

Я не хочу работать с Карраном. Я не хочу работать с Карраном. Я не хочу работать с Карраном. Я готова была повторять это бесконечно.

— Прости, я не совсем расслышала. Мне показалось, ты сказал, что Стае нужна моя помощь?

— Да, — крошечные искорки танцевали в глазах подростка. — Он поймел нас без всяких прелюдий.

— Как пошло с его стороны. А этот «он» у нас кто?

— Мы не уверены, — осторожно сказал Дерек, — но на твоём столе лежит его стрела.

Я наклонилась вперёд.

— Ну-ка, давай рассказывай все с самого начала.

— Просто скажу, что этим утром одна из наших команд наткнулась на человека, использующего именно такие стрелы. Он спёр собственность Стаи, и мы хотим вернуть украденное.

— А я здесь причём?

Я прекрасно знала, что Стая предпочитала разбираться со своими проблемами сама. Блин, да ведь они никогда и не признают, что у них есть сложности.

— У тебя есть связи, которых нет у нас, — Дерек выдавил из себя улыбку. — А ещё если мы начнём выворачивать город наизнанку, разыскивая вора, определенным людям будет интересно, зачем мы это делаем. В этом случае всплывут кое-какие факты насчёт него. А мы не хотим выставлять своё грязное бельё на публику. Орден всегда помогал нам без лишнего шума.

Замечательно. Битва проиграна. Грэг был единственным человеком из Ордена, который заслужил доверие Стаи. Теперь же, когда он умер, я заработала статус «Подружка Стаи», а доверие перешло мне по наследству. Орден хотел наблюдать за Стаей, я прекрасно это знала. Что-то подсказывало мне, что рыцари разглядели бы в этом прошение чудесную возможность для слезки.

— Что именно украл лучник?

Дерек заколебался.

— Дерек, я не собираюсь охотиться на того, кого не знаю, чтобы вернуть то, о чём не имею ни малейшего понятия. Что он украл?

— Он напал на команду исследователей и забрал карты.

Я присвистнула. Если бы мой русский отец восстал из могилы, то непременно отшлепал бы за это — плохая примета. Карты Стаи славились качеством, точностью, современностью. На них были отмечены абсолютно все новые районы, а также зоны с наиболее высокой концентрацией магической силы. Они дополнялись с каждой исследованной аллеей — всё, что могло заинтересовать, было отмечено там. Я знала по меньшей мере полдюжины людей, которые продали бы своё левое яйцо за шанс отксерокопировать их.

— У вашего вора определено должны быть яйца.

— Вообще он был похож на женщину.

— Описание есть?

— Он очень быстрый.

— И это всё?

— Нет. Ещё он очень хороший стрелок.

Я вздохнула.

— И кого он подстрелил?

— Джима.

Вот дерьмо.

— Он в порядке?

— Меньше чем за две секунды в него выстреляли четыре раза. Знаешь, по этому поводу он не очень-то счастлив. Некоторые места у него немного уязвимы. Но, в целом, с ним всё будет хорошо.

Мой мозг собирал картинку по кусочкам.

— После того, как Джереми убили, Джиму позвонила команда исследователей. Лучник сел Джиму на хвост, напал на него, обезвредил команду исследователей и стащил карту.

Лицо Дерек сморщилось так, будто он съел лайм.

Какой невероятный фокус — выследить моего бывшего партнёра.

— Просто из любопытства: сколько человек в команде исследователей?

— Четверо.

С Джимом — пятеро.

— И вы позволили ему уйти?

— Он просто исчез.

— Кажется, обоняние оборотней уже не то, что раньше.

— Нет, Кейт, ты не понимаешь. Он растворился в воздухе. Вот он тут, а через секунду его уже нет.

Я не смогла устоять:

— Как ниндзя: исчез в клубе дыма.

— Да.

— То есть ты хочешь, чтобы я выследила сверхъестественно быстрого снайпера, который может просто раствориться в воздухе, вернула ваши карты, а ещё сделала это так, чтобы никто не узнал, чем я тут занимаюсь?

— Именно.

Я вздохнула.

— Пожалуй, принесу документы.

КОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ, ВОЗВРАЩАЙСЯ в начале. У меня не было ни имени, ни описания, ни адреса места, с которого можно было начать поиски таинственного снайпера. Единственное, что оставалось — пойти в тот гараж, где Джереми чуть не поджарил нас с Джимом. В последнее время магия постоянно колебалась, а так как мне совершенно не нравилось попадать в затруднительные положения, то я решила взять лошадь из конюшен Ордена, находящихся в квартале отсюда.

Как выяснилось, я была не единственной, кто заметил это магическое сумасшествие. Конюшни пустовали. Тех лошадей, которых я брала обычно, уже не было, поэтому мне пришлось оседлать рыжую кобылку. Её звали Нинни. Она была довольно низкой: всего пятнадцать ладоней в высоту, — зато ни капли не нервничала в пробках и многолюдных местах. Теперь-то я, наконец, поняла смысл разведения мулов.

Кратчайший путь к гаражу лежал по Интерстейт 85 через центр города. В лучшие времена вид с автомагистрали, должно быть, был просто захватывающим. Теперь же Даунтаун и Мидтаун лежали в руинах. Разрушены магическими волнами. Искривлённые металлические каркасы бывших небоскрёбов торчали из обломков, точно выгоревшие окаменелые кости. Повсюду виднелись одинокие, полуразрушенные здания. Разбитое стекло, вылетевшее из сотен окон, сверкало среди кусков бетона. Не желая или не имея возможность избавиться от этого мусора, город рос вокруг него.

Тут и там вдоль шоссе с двенадцатью переулками возникали маленькие киоски и ларьки, которые продавали всё от поддельных яиц монстров до современных мини-компьютеров и огнестрельного оружия. Как ни странно, но мини-компьютеры прекрасно работали даже во время техноволн, а монстры иногда всё-таки вылуплялись.

Лошади, мулы, верблюды и причудливые автомобили — все пытались перебраться через слишком людную дорогу, превратившуюся в огромного разноцветного крокодила из путешественников. Я тоже пыталась тут проехать, задыхаясь от вони животных и выхлопных газов. Плюс ко всему торговцы кричали так громко, что закладывало уши.

— Зелья, зелья, лекарство от артрита...

— ... лучшее! Первые два бесплатно...

— ... водяной фильтр. Экономит сотни долларов в год...

— ... вяленая говядина!

Говядина. Хм, сомневаюсь.

Двадцать минут спустя мы оставили шум шоссе позади и потащились вниз по череде улиц, известных как Уоррен.

Граничивший с одной стороны с Леквуд-Парком, а с другой с Южным Кладбищем, Уоррен растянулся до самого Бульвара МакДоноха. Несколько десятков лет назад это место было включено в Южный Городской Восстановительный проект, по которому здесь переделали всё так, чтобы иметь возможность пристроить несколько больших жилых комплексов, а также парочку двух- и трёхэтажных офисных зданий.

После Сдвига, когда первая магическая волна ударила по миру, Уоррен стал беднее, жестче и отдаленнее. По неизвестным причинам магия показала «отменный аппетит». Она пережевала несколько зданий в щебень, но оставила другие совершенно неповрежденными. Когда случалось ходить по этому месту, складывалось впечатление, что это сродни попытке

пробиться через район боевых действий, в котором некоторые дома обречены, а их соседи остаются, как ни странно, нетронутыми.

Гараж, в котором Джереми расстался с жизнью, был втиснут между банком и заброшенной католической церковью. Три этажа сверху и три этажа снизу. Весь в саже и без крыши, он выглядел как обычное сгоревшее здание. Я спрыгнула с Нинни и привязала её к металлической балке, торчащей из стены. Никто в здравом уме не попытается украсть кобылу с гербом Ордена на заднице. У них есть дурная привычка помечать с помощью магии все своё имущество. Мало кто захочет увидеть на пороге своего дома рыцарей, полных праведного гнева.

Внутри гаража пахло меловым порошком, а знакомый бетон растерся в пыль из-за магического всепоглощающего колеса. Я спустилась вниз по лестнице на самый последний ярус здания. Витиеватые этажи в некоторых местах разрушились, позволяя свету разбавить эту крошечную темноту. Вонь серы ударила в нос.

Я нашла большое чёрное пятно на стене и, ориентируясь по нему, начала идти, пока не добралась до безголового тела Джереми. Серое Отделение, должно быть, было переполнено трупами этим утром, — иначе к этому времени они бы уже забрали Джереми в морг.

Я ходила кругом по комнате, пока не нашла трещину в стене, которую мы видели прошлой ночью. Я просунула в неё голову: темно и узко и пахло сырой землей. Вероятно, именно по этому пути сбежал лучник.

Я вытащила Убийцу и протиснулась в туннель.

ПРЕБЫВАНИЕ ПОД ЗЕМЛЕЙ НИКОГДА НЕ БЫЛО В МОЕМ СПИСКЕ вещей для веселья». Да и вообще шастанье под землей в темноте почти час, когда грязь сыпется прямо на голову, стены трутся о плечи, а снайпер, возможно, поджидает где-то рядом, расценивалось так же, как если бы на моё лицо снова попала рвотой гигантской жабы. Один раз я уже столкнулась с этим. Ночные кошмары снились до сих пор.

Туннель поворачивал. Я протиснулась через изгиб и увидела свет. Наконец-то. Я не шевелилась и прислушивалась. Никакого металлического щелчка, говорящего о спуске предохранителя. Никаких голосов.

Я приблизилась к свету и застыла. Передо мной была огромная пропасть, разделившая землю на две части. Как минимум милю в ширину и почти четверть мили в глубину, она начиналась в нескольких ярдах от моих ног и растягивалась на добрые две мили, где поворачивала налево. Её конец терялся за изгибом. Груды металлических отходов кучами лежали на дне. Тут и там пучки тонких металлических шипов прокалывали мусор. Острые и блестящие, они были похожи на когти какого-то громадного, зарытого в эту кучу хлама, медведя. Над этим маленьким Гранд Каньоном летали две птицы, напоминавшие аистов. Они кружили над ущельем так, будто ехали на каком-то невидимом воздушном каллиопе.

Где же, чёрт возьми, я нахожусь?

Внизу, на самом дне пропасти, какое-то огромное металлическое сооружение лежало посреди железного мусора. С этого ракурса оно было похоже на гиганта-сладкоежку, который достал коробку из ангара и сжал её с боков, чтобы проверить, есть ли там начинка. Если бы мне нужно было где-нибудь спрятаться, я бы пришла именно сюда.

Одна из птиц устремилась в мою сторону. Что-то яркое упало с её оранжевых крыльев и полетело вниз, приземлившись с тяжелым металлическим лязгом несколькими футами ниже. Я взобралась на кучу из ржавых кривых труб, чтобы выяснить, где находится этот

таинственный предмет. Перо. Птичье перо идеальной формы, красное у корешка и изумрудно зелёное на конце. Я постучала пальцами по его стержню. Оно зазвенело. Ох ты ж блин! Твердый, в форме ножа и острый, как скальпель. Перо Стимфалийской птицы, — птицы из греческих мифов. Ну, по крайней мере, это не гарпия.

Я вытащила свой нож и поддела перо, постаравшись не порезаться, после чего засунула его в ножны. Далее решила продолжить обзор, поэтому начала спускаться по склону. Мифические существа никогда не жили вдали от себе подобных: если в лесу прятался русский леший, то в ближайшем пруду, скорее всего, находился ещё и русский водяной. Если в воздухе летала греческая птица, то какая-нибудь другая греческая тварь сейчас точно собиралась наброситься на меня. С моей-то удачей это явно будет не греческий полубог, который ищет любовь всей своей бессмертной жизни. Ну, или хотя бы любовь на несколько часов. Нет, это будет что-то противное, например, Цербер или Медуза Горгона. Я подозрительно взглянула на ангар. Все, что мне было известно наверняка, так это то, что он был битком набит людьми, отращивающими змей вместо волос.

На полпути вниз Вселенная наградила меня ещё одной магической волной. Ветер принёс слабый запах резкой и горькой вони. Неподалеку что-то периодически ударяло так, будто кувалдой били по барабану: ву-ум, ву-ум, ву-ум.

Пятью минутами позже я — вся потная и в ржавчине — добралась до ангара. Мягкие голоса были слышны даже сквозь железные стены. Я не смогла различить слов, пока не приложила ухо к стене.

— А что насчёт моей мамы?

Голос был тонкий и высокий. Молодая девочка, возможно, подросток.

— Я сматываюсь.

Намного более грубый, мужской. Где-то я его уже слышала.

— Но ты обещал!

— Магическая волна приближается, понимаешь? Нужно убираться отсюда.

Молодые голоса, — мальчик и девочка что-то обсуждали.

Единственная дверь была слишком кривой и наделала бы много шума, если бы я попыталась её приоткрыть. Поэтому я просто вышибла её и зашла внутрь.

Ангар был пуст. Здесь находилась только огромная куча поломанных деревянных ящиков; солнечный свет пробивался через дыры в крыше. В ангаре не было пола, а погнутый металлический каркас покоился в старых кучах грязи. В самом центре едва белело идеальное кольцо из камней. Они слегка поблескивали, при этом теряясь на общем фоне.

Экологическая защита. Неплохая, однако.

— Есть кто дома?

Ребёнок вышел из-за ящиков, держа дохлую крысу за хвост. Он был низким, истощенным и очень грязным, а рваная, как попало зашитая одежда висела мешком. Каштановые волосы мальчика торчали во все стороны, как иголки на шипящем еже. Он поднял правую руку, указав на связку пеньки, с которой свисали десятков костей, перья и шарики. Его вид не внушал страха: тонкие руки, костлявые плечи, но в глазах я увидела вызов.

— Рэд, — сказала я, — какая необычная встреча.

Мальчик узнал меня и опустил руку.

— Всё нормально, я знаю её.

Грязная головка показалась над башней из ящиков, после чего её обладательница —

миниатюрная девочка десяти или одиннадцати лет — полностью вылезла. Она была похожа на брошенную и, очевидно, не ела ничего уже очень давно. Дымка грязных волос обрамляла её узкое лицо, отчего круги под глазами казались ещё больше. Испорченная взрослым скептицизмом, но пока ещё не побежденная им. Жизнь поиздевалась над ней: не доверяя никому, девочка сначала кусала руки, а потом уже смотрела, была ли в них еда.

Девочка сжимала огромный нож. А по глазам читалось, насколько она хотела его использовать.

— Кто ты такая?

— Наемник, — ответил вместо меня Рэд.

Он полез под рубашку и вытащил оттуда стопку бумаг, перевязанную нитью. Мальчик покопался в ней чумазыми пальцами и положил маленький прямоугольник в мою руку. Моя визитная карточка, запачканная коричневыми завитками отпечатка пальца.

След был моим; кровь принадлежала Дереку. Моему удивительному подростку-вервольфу.

Дерек и я пытались добраться домой после большого боя, который прошёл не очень хорошо. К сожалению, ноги Дерек были сильно изранены, и вирус ликантропии, которому оборотни и обязаны своим существованием, решил закрыть Дерек в его животном обличье, чтобы восстановиться. Когда мы встретили Рэда, я безуспешно пыталась остановить кровотечение. Он и его маленькая банда детей-шаманов помогли мне. А я дала Рэду свою карточку и обещание, что помогу, если ему это будет нужно.

— Ты сказала, что поможешь. Ты мне должна.

Не самое удачное время, но мы ведь не выбираем, когда нам расплачиваться с долгами.

— Да, верно.

— Хранитель Джули, — он повернулся к девочке, — прикрой её, ладно?

Он метнулся в сторону и исчез за дверью. Я проследила за ним и увидела, как он стал карабкаться вверх по склону так, будто стая волков кусала его за пятки.

— УБЛЮДОК! — КРИКНУЛА ДЕВОЧКА. — Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!

— Есть какие-либо предположения, почему он свалил в такой спешке?

— Нет.

Она села, закинув ноги на деревянный ящик. При этом на лицо её выражало крайнюю степень страдания.

Вот и славненько.

— Я так понимаю, ты Джули.

— А ты такая умная. Сама догадалась?!

Я вздохнула. Что сказать, она дитя улицы. Но так было даже проще.

— Я не собираюсь тебя слушать, даже несмотря на мнение моего парня. И каким образом ты собираешься меня защищать? У тебя даже пистолета нет.

— Мне не нужен пистолет.

Краем глаза я заметила какой-то металлический отблеск со стороны ящиков, и подошла поближе.

— Есть предположения, от чего я охраняю тебя?

— Неа.

Я всмотрелась в пространство между ящиками. Сломанный наконечник стрелы застрял в доске, — кроваво-красной стрелы. Остальная ее часть отсутствовала, но, бьюсь об заклад, на ней было три черных пера. Разыскиваемый мною лучник уже побывал здесь, оставив свою визитную карточку.

— Что ты делаешь? — спросила Джули.

— Охочусь.

— Охотишься на что?

Я подошла ближе к камням, выложенным в форме круга, присела и коснулась ближайшего из них. Гладкий — пальцы соскользнули с поверхности. Кто бы ни оставил это охранное заклинание, он явно не хотел, чтобы его потревожили. Однако вся проблема состояла в том, что с их помощью не просто скрывали что-то, но и сдерживали. Так что заклинание такого масштаба просто обязано было нести в себе какую-нибудь гадость.

— Где мы?

— Ты тупая?

Я смотрела на девочку пару секунд.

— Я прошла через туннель от Уоррена. Я не знаю, в каком районе мы сейчас находимся.

— Это место — Разлом Осиного Гнезда. Раньше здесь был Южный Парк. Теперь — хранилище железа, в которое его стаскивают со всего Блэр Вилладж, Гилберт Хитс и Планкет Таун. Такие заводы как «Форд Моторс» и «Автомобили от Джошуа Джанкьярдс» тоже им пользуются... Разлом прямо над нами. Неужели ты не чувствуешь вонь?

Разлом Осиного Гнезда. Какого черта это именно он?

— Что ты здесь делаешь?

Она шумно втянула носом воздух.

— Я не обязана отвечать.

— Тебе же хуже.

Я вынула Убийцу из ножен.

— Вау! — Джули вскарабкалась на самый высокий ящик и плюхнулась на живот для лучшего обзора.

Я взяла клинок в руку. Магия потекла по коже, пронзив ее тысячами маленьких иголок. Я вложила немного собственной магии в металл и попыталась коснуться поверхности камня кончиком Убийцы. В двух дюймах от камня сила вгрызлась в край лезвия. Тонкие бледные струйки стали виться по нему, оставляя испарину. Я добавила еще немного силы. Клинок продвинулся еще на полдюйма и остановился.

— Я ищу свою маму. Она не пришла домой в пятницу. Она — ведьма. В ковене.

Может, в ковене дилетантов. Дочери профессиональных ведьм не так костлявы и лучше одеваются. Нет, скорее всего, это какой-то кружок любителей. Какие-нибудь женщины из бедного района, мечтающие о власти и лучшей жизни.

— Как называется ковен?

— Сестры Ворона.

Нет, ну точно кружок любителей. Ни одна прирожденная ведьма не стала бы называть ковен подобным образом. Мифология была полна воронов. А практика показывала: магия расставляла все точки над «i» всегда. Чем конкретнее, тем лучше.

— Они встретились здесь, — добавила Джули.

— Именно здесь?

Я еще немного усилила давление магии. Посторонних сил не ощущалось.

— Да.

— А ты не спрашивала других ведьм о том, куда твоя мама могла пойти?

— Какие мы сообразительные! Знаешь, я бы с радостью, но вот беда: никто из них не вернулся.

Я остановилась в замешательстве.

— Ни одна?

— Неа.

Дело дрянь. Не мог целый ковен взять и бесследно исчезнуть.

— Я собираюсь разрушить это заклинание. Если оттуда выпрыгнет какая-нибудь гадость — беги. Не смотри на него и, тем более, не пытайся заговорить. Просто беги. Ты поняла меня?

— Конечно.

Тон Джули предельно четко отражал её мысли: «Надо быть сумасшедшей, чтобы прислушиваться к словам идиотки, у которой нет даже пистолета».

Я присела на колени и сосредоточилась. Клинок задрожал от напряжения. Все это выглядело так, словно я собиралась запустить бейсбольный мяч в стену из плотной резины. Если бы я передала еще больше своей силы, то истощила бы себя окончательно и вряд ли смогла бы противостоять магической атаке.

Испарина выступила на лбу. К черту все!

Одним мощным толчком я провела всю свою силу через клинок. Невидимый барьер пал. Стальное лезвие с громким лязгом ударило по белому камню, сдвинув тот на целый дюйм.

Дрожь пробежала по камням, после чего они реалистично замерцали. Я вскочила на ноги. Из разрушенного круга, струясь по воздуху, исходил яркий свет. Это серебристое сияние указывало на то, что сокрытые в плену силы вырвались наружу. Неожиданно весь рассеянный свет устремился к земле. Заклинание было разорвано. Ответный удар не

заставил себя ждать: здание содрогнулось, а мне показалась, что я попала в какую-то бешеную водяную воронку. Зубы стучали, колени дрожали. Я ухватилась покрепче за рукоять меча, но дрожащие пальцы слушались плохо. Джули закричала.

Ошеломляющая сила...

Вязкие капли потекли по металлу, быстро испаряясь и превращаясь в огромные клубы пара. Я чувствовала, как зловонное липкое вещество окутывало здание — магия неумерших. Такой смеси было бы достаточно для новичка, чтобы его стошнило.

Я повернулась к кругу. Черная зияющая воронка возникла на месте камней. Я склонилась над краем бездны, морщась от вони гниющей плоти, исходящей от влажной земли.

Глубокая.

Настолько глубокая, что я не видела дна.

Стены её были гладкими и ровными, а воронка очерчена по краям. Я подняла один из камней и провела большим пальцем по его поверхности. Круглый, бледный, словно галька.

Ни отметин, ни символов, никаких признаков заклинания. Сестры, должно быть, впустили что-то в этот мир. Что-то очень темное и злое, сразу поглотившее их.

Джули втянула в себя воздух. Облако темного света поднялось из расщелины. Со слабым жужжанием муха приземлилась на ближайшее пятно. Кровь. Земля насквозь пропиталась ею. Когда я смотрела на кровавый круг, то заметила три небольших следа, отпечатавшихся в лужах с грязью. Мысленно соединив их, я увидела равносторонний треугольник, внутри которого и располагалась впадина. Они явно собирались призвать кого-то. Но сами-то куда делись?

Груда ящиков позади отверстия, задрожала, словно собиралась рухнуть и утащить Джули вслед за собой. Однако вместе с этой магической встряской появилась и опора: четыре арбалетные стрелы, торчащие из неопознанного скелета, пригвоздили ящики к земле.

— Страшновато, — присвистнула девочка.

Действительно. С одной стороны, у скелета было слишком много ребер, но только пять из них присутствовали в грудной части, с другой, ни намека на мышечную ткань, лишь пожелтевшие кости. Если бы я не знала лучше, то сказала бы, что он так пролежал год или два на открытом воздухе. Я наклонилась ближе, чтобы изучить руки. Мелкие углубления в кости. Я не была экспертом, сведущим в подобных делах, но догадывалась, что эта часть была локтевым суставом. Я бы, наверное, вывихнула его бедра одним ударом.

— Твоя мама что-нибудь упоминала об этом?

— Нет.

Стрелы, пронзившие скелет, были красными и с черными перьями на концах. Одна проткнула череп через левую глазницу, еще две прошли между ребер в области сердца, последняя — между ног. Работал профессионал. Впрочем, человекоподобным всегда простреливают яички, чтобы они не смогли уйти.

Я вытащила ящик из кучи и, поставив перед скелетом, встала на него, чтобы лучше рассмотреть находку. Шейных позвонков меньше, чем у человека. Более того, человеческая шея более гибкая, а эта хрупкая. Ни клыков, ни резцов. Вместо этого я увидела три ряда зубов: длинных, собачьих, острых. Их явно использовали для удержания сопротивляющейся жертвы.

Ящик треснул подо мной с громким хлопком. Я рухнула с грацией мешка картошки, зацепив по пути скелет. Мои пальцы прошли кость насквозь и налетели на стрелу. Я

приземлилась на задницу, окруженная грудой осколков, со стрелой в руке и светлым порошком на пальцах.

Дыра зияла в левой части скелета, между третьим и четвертым ребром. Она продержалась недолго, затем начала увеличиваться — кости рассыпались. Вскоре скелет представлял собой простую кучку пыли, которая, поднявшись в воздух еще на мгновение обрела форму, точно насмехаясь надо мной, а затем растворилась.

— Дерьмо!

Это была моя зацепка. Спокойно, Кейт, просто успокойся.

— Так должно было произойти?

— Нет, — зарычала я.

За моей спиной послышались восторженные аплодисменты. Я резво подскочила и развернулась. Прислонившись спиной к стене, напротив меня стоял мужчина. На нем была кожаная куртка, напоминающая кожаные доспехи. Из-за левого плеча виднелся арбалет.

Ну, здравствуй, господин Лучник.

— Хорошие манеры. Феерическое приземление.

— Джули, — твердо сказала я, — оставайся на месте.

— О, нет нужды беспокоиться. Я бы не причинил вреда маленькой девочке. Это не в моих правилах. Ну может только, если я буду очень голодным. Хотя, она такая тощая, что мне бы пришлось бы выковыривать ее кости из своих зубов весь день. Оно того не стоит.

Я не могла понять, шутил ли он.

— Чего тебе?

— Пришел, чтобы посмотреть, кто тревожит мои стрелы. И что я вижу? Мышку, — он подмигнул Джули, — и женщину.

Он произнес «женщина» так, словно подразумевал: «мммм, десерт...». Так обычно говорит человек после пробуждения, когда, чувствуя болезненный голод, находит плитку шоколада в пустом холодильнике. Я отвела меч немного в сторону, поскольку зияющая дыра находилась по правую сторону. Если он меня туда закинет, то я потрачу уйму времени прежде, чем смогу выбраться оттуда.

Мужчина приближался. Он был высоким, как минимум шесть футов и три-четыре дюйма. Широкоплечий, с длинными ногами, обтянутыми в черные штаны. Его темные спутанные волосы ниспадали до плеч. Они выглядели так, словно он самостоятельно подрезал их ножом, а затем стянул кожаным ремешком, создав подобие порядка. Я посмотрела ему в лицо. Красивый, ублюдок. Симметрично очерченные скулы, полные губы. Глаза, словно черный огонь. Такие обычно сбрасывают женщину с небес на землю ранним утром после жаркой ночи.

Он оскалился:

— Нравлюсь, голубка?!

— Неа. Просто у меня не было секса уже восемнадцать месяцев. Так что, извини. Мои гормоны на пределе.

Если его побрить и расчесать, то, боюсь, ему придется отмахиваться от женщин собственным арбалетом. Он выглядел так, словно бродил в самых жутких местах, где все разбегались лишь, услышав его шаги. Любая женщина, у которой была хоть капля здравого рассудка, схватилась бы за нож, увидев его.

— Не переживай. Я не причиню тебе вреда, — пообещал он, обходя меня по кругу.

— Я не беспокоюсь, — я тоже начала кружить.

— А стоило бы.

— Сначала ты говоришь «должна», затем «не должна». Определись уже.

Капли воды стекали по его куртке. Судя по просветам в щелях крыши, небо было ясным. Ни намёка на сырость в воздухе. Скорее всего, разведка Дерека оказалась права. Возможно, он телепортировался. И как мне удержать его так, чтобы он не исчез?

Мужчина развел руки в стороны. Мне не понравился этот жест точно так же, как и свечение на его ногах.

— Что за прелестный шнурок от кроссовок на твоей головке?

— Этот? — он подцепил кончик верёвки пальцем.

— Да. Рембо звонил и просил вернуть ему бандану.

— Этот Рембо, он твой друг?

— Какой такой Рембо? — влезла Джули.

Имело ли смысл им что-то объяснять, если они не знали эталона настоящего мужчины? Я так и не успела посмотреть фильм полностью — магия всегда мешала мне, а вот книгу прочла. Возможно, если свершится чудо, и технологии вернут свое господство в течение нескольких последующих недель, то я с радостью возьму мини диск и посмотрю эту треклятую картину от начала до конца.

Лучник сделал шаг, и я выставила ему навстречу клинок.

— Больше ни шагу.

Еще маленький шажочек:

— Прости, нога соскользнула.

Еще один.

— Прости, я просто не могу сдерживать этих кровавых педерастов под контролем.

— Следующий шаг станет последним.

Он качнулся вперед, и я едва не кинулась на него.

— Ах, ах, ах! — он покачал головой в притворном разочаровании. — Я не делал шагов, видишь?

Джули хихикнула.

Он выставил руки в примирительном жесте.

— Тебе нужно немного успокоиться, голубка. Бери с Мышки пример. Ты ведь мне доверяешь, а, Мышка?

— Нет!

— Ах, я так несчастен. Я никому не нравлюсь.

Я знала, он выбирал подходящий момент для того, чтобы атаковать. Его выдавал взгляд. Так и случилось: он прыгнул и потерпел неудачу, встретившись спиной с острием моего клинка.

— Шевельнись, и я покрюсаю твою печеньку.

Он резко развернулся ко мне, и мой меч скользнул по металлу. Кольчуга под курткой. Дерьмо. Пальцы стальной хваткой сжали мою руку, держащую оружие. Он повернулся и его жесткие пальцы врезались в мою грудную клетку. Я уклонялась от ударов, хотя грудь адски болела. Схватив его за запястье правой руки, я дернула его на себя. На секунду его вес переместился на левую ногу, и я пнула по ней, буквально выбивая почву из-под ног.

Лучник повалился на пол и потянул меня за собой, умудрившись при этом удержать мою руку, в которой был зажат меч. Я рухнула на землю, упустив оружие. Зато моя рука оказалась на свободе.

Один маленький вдох, и мы уже оба на ногах.

— Красивый меч, — сказал он, пытаясь поймать на лезвие солнечные лучи. Свет заплясал на черной кольчуге, находящейся под курткой.

— Почему без охраны?

— Не нуждаюсь.

— По-твоему, это хорошо?

Я пнула кусок кожи, которую успела срезать.

— Сам скажи.

Его рука дернулась, чтобы проверить кольчугу, и в этот момент я пнула его ногой, целясь в горло. Он со стоном поймал мою ступню и отбросил меня на пол, затем коленом придавил шею. Лучник расставил для меня ловушку, и я с треском в неё вляпалась. Чертенята в его глазах плясали перед лицом. Я не могла дышать.

— Ты пинаешься, как мул, — он скривился и нажал коленом сильнее.

Мне не хватало воздуха. Он держал только мою правую руку, однако про левую, похоже, забыл. Я согнула ее, а острый кусок серебра скользнул в ладонь из кожаного браслета.

— Долго тренировалась....

Я вонзила серебро ему в правое бедро. Он крякнул и отодвинулся, дав тем самым мне прекрасную возможность вскочить на ноги и пнуть его в лицо. Это был четкий удар, достигнувший своей цели. Он упал на спину; кровь хлынула из носа. Я села верхом, блокировав его руки. Лучник зарычал. Все, что я могла сделать, это поработать ногами, сродни тискам, хотя мои руки все еще оставались свободными. Я растянула его куртку, чтобы рассмотреть кольчугу.

— Не тот замок. Попробуй ниже, — выдохнул он.

— Мечтать не вредно.

Я залезла во внутренний карман его куртки и вытащила полиэтиленовый пакет.

Карты.

— Воровство — это преступление. Благодарю за возвращение собственности Стаи. Твое сотрудничество было зачтено.

Он посмотрел мне прямо в лицо, улыбнулся и исчез. Красная стрела воткнулась в грязь между ног, когда я вставала. Это заставило меня медленно распрямиться. Он стоял в нескольких шагах, направив заряженный арбалет в мою голову. Рука у него была набита: я не смогла бы увернуться от стрелы и в девяти футах. Сегодня явно не мой день.

— Руки. И так, чтобы я их видел, — приказал он.

Я показала ему свои ладони. Карты по-прежнему были сжаты в правой руке.

— Ты сжульничал! — раздался сверху возмущенный голос Джули. — Оставь ее в покое!

Нос лучника больше не выглядел сломанным. И крови тоже не было. Замечательно. Он мог не только телепортироваться, но и регенерироваться. Если бы он начал плевать огнем, я бы, пожалуй, не удивилась. Все еще держа наставленный на меня арбалет, он дотянулся до серебра, воткнутого в бедро, и, вздрогнув, извлек его.

— А это больно.

— Поделом тебе, — прокричала девочка.

— Я так полагаю, болела ты все же за нее?

Брови Джули презрительно изогнулись:

— Да-а.

— Не заставляй меня подниматься вверх, — в его голосе прозвучала сталь, поэтому

Джули нырнула за ящик.

— Оставь ребенка в покое.

— Ревнуешь? Не хочешь меня ни с кем делить? — он отвел арбалет немного вправо. —

Повернись.

Я развернулась к нему спиной, ожидая того, что он выстрелит мне меж лопаток в любой момент.

— Очень мило. Теперь повернись снова.

Я глазами поймала его хмурый взгляд.

— Не могу решить, какой ракурс мне нравится больше: спереди или сзади.

— Как насчет того, чтобы поближе рассмотреть мой меч?

— Это моя игра, голубка.

Его хитрый прищур красноречиво говорил о том, какую «игру» он вел.

— Повернись снова. Какая хорошая девочка.

Я слышала, как он приближался ко мне. *Вот так, еще ближе. Ох, я очень беспомощна, друг мой. С поднятыми руками и все такое.*

— Ничего смешного. Или в следующий раз ты услышишь «чик», и я пригвозжу твою девочку к тем ящикам, — предупредительно зашептал мне на ухо Лучник.

Я сжала зубы и замерла.

— Ты разрушила мое заклинание. Я расстроен. Тех сук сложно приструнить, и теперь, по твоей милости, мне придется сделать это снова. Твою милую шейку определенно надо проткнуть стрелой.

Его пальцы прошлись сзади по затылку. От этого мурашки побежали по спине.

— Ну, я хороший парень. Я дам тебе вместо этого совет: забирай своего ребенка и топай домой. Я даже позволю тебе забрать карты, раз ты так отчаянно в них нуждаешься. Но больше не переходи мне дорогу. Это не твоя битва. Выше головы не прыгнешь.

— Какая битва? Против кого? Кто ты?

— Я Брэн. Герой.

— Герой? Смирение — это добродетель?!

— Это терпение. И если ты окажешься терпеливой и удачливой, то можешь просто побыть девушкой, оказавшейся на лопатках в моей постели, ночью, в городе.

Его рука сжала мою задницу. Я дернулась, намереваясь ударить его кулаком в нос, но на его месте уже никого не было. Только легкий туман. Он задержался на несколько секунд, а затем растворился в воздухе.

Я боролась с непреодолимым желанием что-нибудь сломать. Джули таращила на меня с высоты ящиков.

— Он просто — Пуф!

— Да, я знаю.

— Ты ему нравишься. Он схватил тебя за задницу.

— В следующий раз, когда я его увижу, то отрежу его руку к чертям. Посмотрим, отрастет ли она снова.

Я невольно взглянула в сторону, где ранее был скелет. Стрела исчезла. И как, черт возьми, ему это удалось?

Все мои драгоценные доказательства исчезли. У меня даже не осталось шанса проверить, какого рода магия использовалась. В целом, все прошло не очень хорошо. Я не знаю, что случилось, ведь все, что у меня было — это разговор с парнем, у которого есть

ответы на мои вопросы. Но я ничего так и не выяснила. Исключением является моя задница. Здоровая самооценка — это хорошая штука. Если бы у меня ее не было, я бы уже билась своей глупой головой о первую попавшуюся твердую поверхность.

— Ты уходишь? — спросила Джули, по-прежнему сидя на ящиках.

Черта с два. Нет ничего, что бы указывало на причастность пропавших без вести женщин. Бездна, окропленная кровью, и нечеловеческий скелет, который, возможно, причастен ко всему этому. А еще «Задолбивый Мистер», который хотел держать меня подальше. Настолько дальше, насколько это возможно. Интересно: почему?

— Ты все еще хочешь найти свою маму?

— Да.

— Тебе все еще нужна моя помощь?

— Конечно.

— Ты знаешь, кто был главой ведьм в ковене?

— Эсмеральда.

Эсмеральда. О боже.

— Где она живет?

— Разлом осинового гнезда.

Все лучше и лучше.

— Спускаемся вниз. Мы нанесем ей визит.

МЫ С ДЖУЛИ ВЗБИРАЛИСЬ ПО ГРУДЕ МЕТАЛЛОЛОМА Она держалась немного позади. Дыхание девочки сбилось, стало частым и неглубоким. Слишком худенькая. Джули была не сильнее комара. Складывалось ощущение, что ударяся о нее что-нибудь потяжелее насекомого, она бы упала. Однако девочка не жаловалась. Только на полпути она, не выдержав, сдалась.

— Долго еще?

— Не останавливайся.

— Я просто хочу знать, как долго нам еще идти.

— Не заставляй меня переворачивать этот автомобиль, мисс.

— И что это значит? — она еще что-то пробормотала себе под нос, но продолжила двигаться.

Приближался конец Разлома. Ритмичное «бум, бум, бум» становилось все громче. Должно быть, Маяк. Или что-то в этом роде. Я взобралась на узкий выступ и протянула руку Джули.

— Давай.

Она протянула свою тощую ручонку. Я крепко ухватила её и подняла над зубчатыми частями холодильника, поставив на выступ рядом с собой. Она была легкой словно пушинка.

— Здесь мы передохнем немного.

— Я могу идти дальше.

— О, я уверена, что ты можешь. Однако Осиное Гнездо не самое радужное место. Возможно, кто-то уже знает, что мы находимся здесь, и приготовил дружелюбную встречу.

— О, черт! Они бросят нам вызов! — она плюхнулась в грязь.

Хех. Я присела рядом с ней.

— Ты часом не оттуда?

Она покачала головой.

— Нет. Я с Уайт-стрит.

Уайт-стрит получил свое название во время снегопадов четырнадцатого года, которые не таяли в течении трех с половиной лет. Когда на улице сугробы высотой в три дюйма при жаре в тридцать восемь градусов, понятно, что без магии здесь не обошлось. Любой мог сделать это.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать. Я только два года болею за Красных.

Глядя на нее, я бы дала не больше одиннадцати.

— Сколько лет твоей матери и как она выглядит?

— Ей 35. Она как я, только старше. У меня есть фотография дома.

— Тебе известно что-нибудь о ковене? Кому они поклоняются? Какого рода ритуалы используют?

Джули пожала плечами. Ущелье перед нами простиралось вдаль, вздыбив свои ржавые железные шипы. Тонкие клубы тумана цеплялись за крутой склон. Грозный рык эхом разнесся по округе. Но он был слишком далеко, чтобы представлять угрозу. Стемфалийские птицы ответили криком.

— Ты знаешь, что у этих птиц металлическое оперение? — поинтересовалась Джули.

Я кивнула:

— Они родом из Греции. Ты знаешь, кем был Геркулес?

— Да, самым сильным мужчиной.

— Когда он был молод, ему пришлось пройти двенадцать испытаний.

— Почему?

— Однажды мачеха наслала на него безумия, под действием которого он убил свою семью, и в искупление должен был служить королю. А тот очень сильно желал смерти мужчины, поэтому придумывал все больше и больше заданий для Геркулеса. В общем, Стемфалийские птицы были одним из них. Их крылья подобны стрелам, а клювы могут пробить даже самую крепкую броню. Он должен был отогнать их от озера.

Девочка пристально посмотрела на меня:

— И как он это сделал?

— Боги создали для него кроталы. Он облачился в неуязвимую шкуру льва и шумел, пока птицы не улетели.

— Почему в подобных историях боги вечно вытаскивают чью-либо задницу из неприятностей?

Я поднялась с земли.

— Они помогают, только в том случае, если твой папаша — главный среди богов Олимпа. Пойдем. Нам нужно взбираться наверх дальше, поскольку твой отец богом не является, не так ли?

— Он умер.

— Мне жаль. Мой отец тоже умер. Давай, кузнечик, поднимайся, можешь как раз отработать свое кун-фу, чтобы оно не было таким жалким.

Она храбро смяла первую попавшуюся жестяную банку.

— Ты такая странная.

Ты даже не представляешь, насколько.

В ДВАДЦАТИ ФУТАХ ОТ ПРОПОСТИ Я ПОЧУВСТВОВАЛА Двиное Гнездо. Магия витала, сплетаясь в узоры над нами. Она кипела, пребывая в хаотичном безумии. Ее интенсивность буквально обжигала. Магическое поле, почувствовав меня, вышло за границы, послав тонкие струйки, словно невидимые лассо. Они облизали меня и потерпели неудачу. Вот так. Никаких касаний.

Магия ждала, словно зная. Я могла бы достойно ответить ей, не почувствовав особого вреда. Разлом Осиного Гнезда не мог коснуться меня, но все равно пытался, что ужасно мне не нравилось. Чем быстрее я свалю отсюда, тем лучше.

Я переступила через водонагреватель, который напоминал смятую алюминиевую банку, и шагнула через границу. Передо мной находились прицепы, искореженные от ударов, прижатые друг к другу. Некоторые были объединены в группы. Три высоких трейлера и еще пара присоединенных друг к другу казались идентичными. Некоторые были установлены друг на друге в сомнительной конструкции, и выглядели так, будто висели в воздухе. И при этом были весьма устойчивыми. Длинные веревки были натянуты меж ними, а на них, слегка покачиваясь, висела постиранная одежда.

Я подтолкнула Джули вперед. Она вздрогнула, когда поток магии прошел сквозь ее тело. Он взвился вокруг нее... А затем успокоился. Это выглядело так, словно она вдруг исчезла. Интересный ребенок.

— Ты уже бывала здесь?

Она покачала головой.

— Не настолько глубоко.

— Иди там, где и я. Избегай границ. Особенно если ты видишь, что они становятся нечеткими.

Мы пошли по лабиринту из трейлеров. Много лет назад Разлом был передвижным парком для пенсионеров и назывался «Счастливый Путь», или как-то так. Он располагался над гольф клубом Браун Миллс через Джонсборо Роуд. Сначала парк переносил волшебные волны довольно спокойно, пока дешевые квартиры в восточной стороне не разрушились. Тогда толпа бездомных людей поселилась здесь. Люди ставили палатки на подстриженных газонах, купались в общественном бассейне и готовили на уличных грилях. Копы часто выгоняли поселенцев, однако те все прибывали.

Затем, однажды ночью, магия ударила особенно сильно, и самодельные дома деформировались. Одни раздуло, как стеклянные пузыри, другие скрутило, а третьи застряли, слившись вместе словно соты. Появилось еще больше группировок. И вот, когда магическая пыльца наконец осела, пятая часть жителей растворилась в стенах. *Внешняя сторона*. Никому не удавалось выяснить, что из себя представляла эта *Внешняя сторона*. Абсолютно точно, что это место не являлось обычным в нормальном мире. Пенсионеры покинули эти места, а вот беженцам пойти было некуда. Они вернулись в трейлеры и остались там жить. Время от времени кто-то исчезал, поскольку каждый новый поток магии ураганом сносил какой-нибудь улей. Иными словами, более забавного местечка для жилья и не придумаешь.

— Как мы выясним, где живет Эсмеральда? — Джули пыхтела как паровоз. — Мне лишь известно, что она живет в Осинном Гнезде. Я не знаю, в каком именно.

— Ты слышишь эти стуки? Осинное Гнездо все время меняет свое место расположения, поэтому у них должен быть какой-нибудь маяк. Вероятно, он располагается у входа, который должен охраняться кем-то. Мы пойдем туда и очень дружелюбно поинтересуемся, где живет Эсмеральда.

— А они ответят?

— Я им заплачу.

— А-а.

А если они не расскажут, то мой меч даст им понять, что лучше меня не игнорировать.

Я и так была не в восторге от того, что направилась в Улей вместе с маленькой девочкой. С другой стороны, учитывая некоторые обстоятельства, ей было безопаснее со мной, чем без меня. Я только задавалась вопросом, как она добралась до места, где я нашла её...

— Как ты очутилась в Разломе?

— Мы шли пешком от Уоррена. По следу.

Её взгляд потускнел.

— Но сейчас я, вероятно, уже не найду его. Так что если ты вздумаешь отправить меня назад, то я заблужусь без еды и воды.

Почему я?

Тропинка немного свернула, представив нашему взору широко открытые ворота, связанные цепями. Перед ними на опрокинутой металлической бочке сидел мужчина в потертых джинсах и кожаном жилете поверх голого торса. Незажжённая сигарета торчала во рту. По левую сторону от него находился военный грузовик, кузов которого был направлен в

сторону ворот. Несмотря на ржавчину, тронувшую металл, и вмятины, его шины вкупе с брезентовой крышей были в хорошем состоянии. Ткань, вероятно, скрывала какое-то сверхмощное оборудование, наподобие шестиствольного пулемета или небольшого блокирующего устройства.

По другую сторону от мужчины стоял огромный бак. Мягкие изумрудно-зеленые водоросли окрашивали стеклянные стены, скрывая мутную воду. Длинная металлическая труба тянулась от бака и исчезала под искривленными останками прицепа.

Мужчина, сидящий на бочке, направил в мою сторону арбалет. Его оружие выглядело старомодным и плоским, как Фламандский тип. Зубцы отливали голубовато-серой сталью. Такой алюминий обычно бывает у дешевых луков, весом приблизительно в двести фунтов. Он наставил на меня стрелу, находясь на расстоянии 75 ярдов, и хотел, чтобы я знала это.

Бум. Бум.

Арбалет был достойным оружием, однако требовал времени на перезарядку.

Мужчина следил за нами.

— Вы чего-то хотели?

Сигарета все еще свисала с его нижней губы, извиваясь, когда он говорил.

— Я наемный агент. Расследую исчезновение ведьм, принадлежащих ковену Сестер Ворона. Мне сказали о том, что глава ковена живет здесь.

— А это кто? — указал он на Джули, стоявшую позади меня.

— Дочь одной из ведьм ковена Эсмеральды. Её мать пропала. Вы ничего не знали об этом, не так ли?

— Нет. У вас есть при себе документы?

Я сняла кожаный бумажник с шеи и вынула удостоверение. Он жестом подозвал меня ближе, потом, когда я выполнила просьбу, взял карточку в ладонь. Маленький прямоугольник из серебра в правом нижнем углу карты переливался в лучах солнца.

— Это настоящее серебро? — спросил он.

Сигарета выпала у него изо рта, замысловато изогнувшись во время полёта.

— Да.

Серебро привлекало к себе внимание лучше любого другого металла. Мужчина мельком взглянул на меня и потер пластиковое покрытие, скрывающее серебро.

— Какова его стоимость?

Началось.

— Вы задаете неправильный вопрос.

— Да?

— Следует спросить, стоит ли ваша жизнь квадратного кусочка зачарованного серебра.

Он повернул карту, чтобы рассмотреть её с другого ракурса.

— Много болтаешь.

Я дала ему затрепину. Мужчина шарахнулся, а я невозмутимо протянула ему его сигарету:

— Эта вещь может убить тебя.

Он сунул окурок в рот и вернул удостоверение.

— Меня зовут Кастер.

— Кейт Дэниелс.

Брезент, закрывавший кузов грузовика, сместился, открыв взору худую латиноамериканку, сидящую рядом с черной баллистой. Это сооружение напоминало

гигантский арбалет, настроенный с удивительной точностью. Болт мог вынести дверь с близкого расстояния. Латиноамериканка одарила меня тяжелым взглядом. Такой взгляд бывает только у тех, кто уже растерял по жизни всю мягкость. Я выдержала его. Наши гляделки напоминали поединок.

— Я заплачу за информацию.

— Сотня.

Я протянула две пятидесятидолларовые купюры. Прощай оплата за телефон.

— Трейлер номер двадцать три. Желтый. Поверните налево, затем направо на развилке, — сказала она.

— Если я предприму что-нибудь, то обязательно напишу расписку.

— Это ваше дело, оно касается только вас. Мы не хотим вступать в дерьмо.

Я протянула еще двадцатку.

— Знаешь что-нибудь об Эсмеральде?

Женщина кивнула.

— Она была жадной до власти. Ей нравилось пугать людей. Я слышала, она пыталась войти в старший ковен, но вела слишком много грязных игр. Её вышвырнули оттуда. С тех пор она угрожала им «показать все, на что способна». Последнее, что я слышала: что она создала свой собственный ковен. Я не знаю, как ей это удалось — она никому не нравилась.

Латиноамериканка взяла двадцатку и закрыла брезент.

Кастер бросил мне моток телефонного провода.

— Воспользуйся этим. Предметы здесь имеют обыкновение меняться. Не так давн здесь были люди из университета Джорджии, желающие изучить этот «феномен.» Не все так просто. Они зашли внутрь и больше не смогли выбраться наружу.

Его глаза странно блеснули.

— Иногда мы слышим их стенания и мольбы из стен. Они ищут путь к *Внешней стороне*.

— Когда-нибудь пытались отыскать их?

— Ты задаешь неправильный вопрос.

На лице Кастера появилась довольная ухмылка. Сигарета выполнила пирует.

— Вопрос, который тебе следует задать: на что они похожи, когда мы их слышим.

Вот это да. Я кинула ему провод обратно.

— Благодарю, но нет нужды. Я могу услышать треклятые звуки, даже после смерти. От чего такой шум?

Кастер подошел к баку с левой стороны и пнул его по стеклу. Тень мелькнула в мутной воде. Что-то глухо ударило в дальнюю стенку, а затем огромная и круглая, как тарелка, голова стала биться о стекло. Позвоночник существа был, как у жабы, в черных пятнах и склизкий. Монстр сунул свой нос в водоросли. Крошечные глазки смотрели тусклым, ничего не выражающим взглядом сквозь меня.

Голова разделилась надвое, открыв огромный белый рот. Складки вокруг пасти задрожали и низкий звук прокатился по Разлому. *Бум!* Тварь припала широким носом к стеклу, а потом начала кружиться с невероятной скоростью. Я с трудом различила когтистые лапы и блестящий мускулистый хвост.

Японская Саламандра. Большая, размером с Джули, не меньше.

— Он и создает шум, — сказал Кастер, пренебрежительно махнув рукой.

ИЗВИЛИСТАЯ ТРОПИНКА ЛАБИРИНТА, ПОСТРОЕННОГО СОЕДИНЕННЫХ МЕЖДУ СОБОЙ ТРЕЙЛЕРОВ, ВЕЛА НАС В ОСИНОЕ ГНЕ

Когда я проходила мимо, то кожей чувствовала, как люди наблюдали за мной из окон. Никто не выходил, чтобы поздороваться. И никто не отваживался даже поинтересоваться, что я тут делаю. Складывалось ощущение: остановись я и спроси дорогу, ответа бы не последовало. Если бы кто-нибудь решился подстрелить меня из окна своего кривого домика, я бы ничего не смогла сделать. Джули чувствовала то же самое. Она молча шла за мной по пятам, всё время настороженно поглядывая в сторону трейлеров.

Впереди наша тропинка упиралась в огромную кучу строительных обломков, огибая ее с обеих сторон. Эта груда из мусора и металлолома, достигшая сорока футов в высоту, всем своим видом напоминала скрюченное чудовище. Коническая верхушка была футов пять в ширину, а вот основание — куда больше и квадратной формы. Когда я остановилась поглазеть на это «чудо», двое мохнатых животных — величиной с обычную кошку, но мордочки были как у землероек, а хвосты как у шиншиллы — стремительно бросились бежать к ближайшему булыжнику, а потом юркнули в нору.

Я продолжила свой путь, хотя мысленно снова и снова возвращалась к той дыре, что образовалась на месте сбора Сестер. Яма беспокоила меня. Любая бездонная дыра под землей была бы поводом для волнения, особенно в моменты приближения всплеска. Я боялась, что из расщелины могло выползти существо не отличающееся дружелюбием.

Сестры Ворона нарушили первое правило ведьм: не играть с огнем. Либо делай правильно, либо не делай вообще. Прежде чем испытывать новое заклинание, нужно подготовиться к возможным последствиям.

Если бы они поклонялись Богине — воплощению природы, представляющему сочетание доброжелательных женских божеств различных популярных культов, то все было бы в порядке. Богиня, как и христианский Бог, вездесуща и великодушна. Но эти же решили поклоняться Ворону, который нес в себе определенную темную силу. А чем конкретнее божество, тем меньше выбор у почитателей. Это как разница между тем, чтобы сказать ребенку «не делай ничего плохого, пока меня не будет» и «если ты тронешь эту вазу, я запру тебя на три дня.»

До тех пор, пока не найду ворона, я буду действовать вслепую. К сожалению, у всех, начиная от Викингов и до Апачи, фигурировали вороны в мифологии. Они создавали или поглощали мир, были посланниками богов, служили пророкам, вытворяли фокусы. А если бы они были китайцами, то жили бы на солнце с тремя ногами. На месте исчезновения не было ни единой подсказки касательно истока мифа. Ни единой зацепки: ни акцента, ни приметных особенностей одежды, вообще ничего.

Всё, что мне было нужно, — конкретная подсказка. Какое-нибудь магическое письмо. Божество, которое разложило бы мне все по полочкам. Черт, я даже была согласна терпеть назойливую и ворчливую старуху, ловкую до решения мистических тайн.

На секунду я остановилась, словно ожидая, что подсказка упадет мне под ноги прямо с неба. Но у Вселенной были другие планы.

Двадцать третий трейлер стоял первым по левую сторону от горы. Его цвет, любезно описанный женщиной как «желтый», больше был похож на цвет мочи в пасмурную ночь. И

вонял, кстати, соответственно. Я не смогла точно определить, идет ли вонь от самого трейлера или же от мусорной кучи, окружающей его.

Письмена, состоящие из черных и коричневых рун, тянулись по стенам трейлера. Присмотревшись, я заметила, что коричневый цвет местами был неровным и шелушился. Кровь. Мне стало интересно, кому из бедных бродяг пришлось расстаться с жизнью ради декораций, украшавших жилище Эсмеральды.

Ржавое металлическое крыльцо, служившее в прошлом канализационной решеткой, сейчас вело к двери. Оно прогнулось под моим весом, но выдержало, поэтому я смогла добраться до входа.

— Подожди, а как же они? — Джули указала на руны.

— А что «они»?

— Они разве не магические? Мама говорила мне, что у Эсмеральды есть заклинание, которое может отрезать пальцы, словно стекло.

Я вздохнула.

— Это отрывок баллады с последней страницы «Кодекса Руникус» — известного древнего скандинавского юридического документа. Здесь сказано «прошлой ночью мне снился сон, сотканный из шелка и тонкой шерсти». Поверь мне, если бы на трейлере было защитное заклинание, Разлом Осинового гнезда уже поглотил бы его.

Я осмотрела замок. Ничего особенного, однако я не обладала талантом вскрывать двери отмычками.

Послышались чьи-то шаги. Судя по звукам в нашем направлении двигались три пары ног. Но было и что-то еще. Что-то, посылающее импульсы сквозь магию Осинового гнезда. Джули, очевидно, тоже это почувствовала и придвинулась поближе ко мне.

Шаги приближались. Я медленно повернулась. Трое мужчин двигались в нашу сторону. Один коренастый спереди и двое худощавых на шаг позади него. Тот, что повыше, тащил длинную цепь, обернутую вокруг его руки. Другой конец цепи скрывался между двумя другими трейлерами. Троица выглядела весьма угрожающе. Тот, что нес цепь, обошел вихрь магии и остался поодаль, начав дергать металлические путы.

Местные вымогатели. Трое плюс неизвестно что, которое, возможно, находилось на цепи. Они знали обо мне все: куда я направляюсь, на кого работаю и что у меня есть деньги. В противном случае они бы не пришли втроем, чтобы запугать одну женщину.

Ну спасибо, Кастер. Я это запомню.

— Ларри, Мо и Керли?

— Заткнись, сука, — гаркнул худощавый.

— Ну-ну, — толстяк смело улыбнулся. — Давайте будем вежливы. Я Брайс. Это Мори, а парень с цепью — Джереми. Мы здесь лишь для того, чтобы убедиться, что ты оплачиваешь свой путь. Или он станет опасен. А ведь этого никто не хочет.

— Шагай дальше. Я уже оплатила необходимую мне информацию.

— Я заместитель того парня. И ты заплатила недостаточную сумму денег. Давай два полтинника: за вход и нам за то, что бродишь здесь. — Брайс положил руку на полицейскую дубинку, которая висела у него на поясе. — Не усложняй, ведь с тобой ребенок. Ты же не хочешь, чтобы с ней что-нибудь случилось?

Джули спряталась за меня.

Брайс оскалился, словно питбуль перед боем.

— Чем дольше мы ждем, тем большей будет плата. Пришло время быть умницей.

Цепь задрожала. Послышался жуткий металлический скрежет со стороны трейлеров. Джереми отклонился назад и резко дернул цепь. В ответ послышалось хриплое рычание. От напряжения цепь лопнула, а парень чуть не упал.

Судя по взгляду Брайса, они бы не ушли, пока кто-нибудь не обзавелся бы кровотокающими ранами. Но попытка не пытка.

— Вы думаете, что крутые. Я уважаю это. Но я занимаюсь этим дерьмом ради выживания. У меня достаточно практики. Вы не получите от меня ни копейки.

— Оно здесь, — улыбнулся толстяк и притопнул ногой, чтобы до меня в полной мере дошел смысл сказанных им слов. — Эта чертова территория наша. Продолжай болтать, сука, и я найду способ, чтобы заткнуть твой чудный ротик.

Натяжение ослабло, и металлические звенья цепи с грохотом упали на землю. Что-то огромное топало к нам. Когтистая лапа, чей размер был больше моей головы, появилась из-за трейлера, предоставив отличную возможность рассмотреть готескную мускулатуру. Вслед за первой появилась вторая лапа, и вот я могла лицезреть собаку целиком. Рост составлял около тридцати футов в холке, а грудная клетка была настолько мощной, что бедра казались непропорционально узкими. Квадратная голова прикреплялась сразу к плечам, из-за чего складывалось впечатление, что шеи попросту нет.

Пес бежал в нашу сторону, и каждое его движение сопровождалось слабым металлическим звоном, похожим на дребезжание мелочи в кармане. Длинные сине-серые шипы торчали из-под его подбородка. Еще один ряд шипов простирался вдоль позвоночника, формируя своеобразный гребень.

Пес остановился и уставился на меня своими зеленовато-голубыми глазами. Плоская морда тряслась от ярости. Тело было напряжено до предела: лапы прямые как опорные балки, грудь выпячена. Он с щелчком поднял шипы, похожие на взъерошенные перья, и утробно зарычал, обнажив крупные, похожие на лезвие пилы, блестящие зубы.

Ничто не могло так испортить вечеринку, как наличие у кого-нибудь из присутствующих крупногабаритного ножа.

Брайс и Мори отошли в сторону, дав тем самым Джереми и его щеночку место для работы. Мори был недостижим для меня, но Брайс находился всего лишь в восьми футах. Ну почему они не сделали этого раньше?! В их рассуждениях был один изъян: собака стояла в тридцати пяти футах от меня, и цепь могла существенно замедлить животное.

Пес мотнул головой и зарычал.

— Деньги, шлюшка, — сказал Джереми.

— Нет.

Джереми пожал плечами и отпустил цепь. Она упала в грязь с глухим стуком.

Собака оказалась на свободе.

Я быстро вынула меч из ножен. Рукоятью ударила по горлу Брайса и, одновременно с этим, пнула под левое колено своей правой ногой. Соперник не устоял. Прежде, чем он коснулся земли, я, развернувшись, зажимая пальцами металлические перья, которые успела выдернуть из дополнительных ножен. На все ушло доли секунды. Я не могла позволить себе порезаться: только не при магии Осинового гнезда, которая витала вокруг нас. Я поймала пса уже в середине прыжка, вонзила клинок ему в глаз, и, увернувшись, пнула Джереми в живот. Он попытался шагнуть вперед, но я, оббежав его сзади, схватила за горло, приставив к нему меч.

Все было окончено.

Пес испустил шумный удивленный выдох и завалился на бок с таким звуком, как если бы на землю бросили мешок монет. Брайс корчился на земле, пытаясь заново научиться дышать. Мори уставился на меня с открытым ртом. Джереми медленно сглотнул, чтобы острое лезвие меча его не поцарапало. Джули ошеломленно замерла на крыльце.

— Какого хрена? — сказал изумленно Мори. — Что это, на хрен, было?

— Случилось то, что по вашей вине мне без причины пришлось убить собаку.

Капля пота обогнула правую бровь Джереми и по щеке устремилась к подбородку. Сдвинь я лезвие Убийцы на пару миллиметров, и Джереми бы обзавелся крылышками. Я была зла как черт, поэтому держать руку в устойчивом положении помогала лишь выдержка.

— Я заплатила взнос, а вы, жадные засранцы, решили вытрясти его с меня дважды. Запугивали ребенка, пока пес был при вас. Что, на хрен, с вами такое? Вы люди вообще? Или это место пиявкой высосало из вас все приличия?

Мой голос был низким и рычащим. Я знала, что попусту трачу время.

Брайс наконец вздохнул, откашлялся и недоверчиво пропищал:

— Ты убила мою собаку! Мою крошку! Святые угодники, ты убила мою собаку?!

С ними было покончено. Я настолько неожиданно убрала оружие в ножны, что Джереми осел в грязь. Оставшись без поддержки. Его лицо вытянулось; а глаза он прикрыл рукой. Я прошла мимо него к трупу собаки. Она лежала в блестящей металлической куче. Огромные лапы были неподвижны, а проткнутый глаз кровоточил. Пф, какая потеря.

Брайс, пошатываясь, поднялся на ноги.

Я достала кусочек марли из кармана и вытерла лезвие.

— Я собираюсь зайти в этот трейлер, потому что могу найти там мать вот этой девочки, а также Эсмеральду, или как ее там зовут на самом деле. И пока я это буду делать, почему бы вам не пойти и не поискать помощи?! Нет, вы, конечно, можете натворить дел и тут, но знайте, я буду прямо вот здесь. И в следующий раз я убью уже человека, а не собаку. И да, буду наслаждаться этим. По сути вы даже сделаете мне одолжение.

Они отступили назад. Я же посмотрела на Джули:

— Идем.

Она первой понеслась к двери. Я потопталась на тесном крыльце и пнула замок. Тот с громким треском развалился на части, и дверь распахнулась.

Джули шагнула внутрь, а я последовала за ней в мрачный дом главной ведьмы.

ВНУТРИ ТРЕЙЛЕРА ВОНЯЛО ПРОТУХШИМИ ЦИТРУСОВЫМИ ПЛОДАМ СТАРЫМИ носками. Джули зажала нос рукой.

— Что за запах?

— Экстракт валерьяны, — я указала на темное пятно на стене. Под ним на полу лежала груда осколков, похоже Эсмеральда разбила флакон. — У нашей главенствующей ведьмочки проблемы со сном.

Узкая и маленькая комната, погруженная во мрак, вызывала чувство клаустрофобии. Кроваво-красные оборванные занавески скрывали окна. Джули взяла мухобойку с узкой барной стойки, которая отделяла маленькую кухню от остального пространства, и с её помощью раздвинула портьеры. Умный ребенок. Черт знает, кто к ним прикасался до нас.

В свете дня трейлер выглядел еще более печально. Видавший виды холодильник занимал почти все кухонное пространство. Я открыла его. Несколько лет назад я купила похожую вечно холодную штуку, напоминающую по форме яйцо, — продавец обозвал это яйцом ледяного эльфа. Я никогда этих эльфов не видела, хотя ходили слухи о поселениях в Канаде. Эта покупка влетела мне в копеечку, но я убрала яйцо в мешочек и повесила в одном из углов холодильника, благодаря чему еда оставалась замороженной даже во время магических волн. Эсмеральда пользовалась более дешевой версией холодного хранения: магически замороженными кусками льда, который продавался за небольшую плату в Департаменте Воды и Канализации. Такой лед нагревался в двадцать раз медленней обычного. Единственный минус заключался в том, что в конечном итоге он все-таки таял. В этом холодильнике все растаяло давным-давно; особенно грустно выглядела ритуальная черная курица, лежащая на средней полке. Тошнотворно-сладковатая вонь разложения ударила мне в лицо.

Я закрыла рот рукой и захлопнула дверцу прежде чем меня стошнило на тушку птицы. При поклонении пернатым отрубание головы во время жертвоприношения давало несколько баллов. Либо это, либо Эсмеральда была явным дилетантом и пробовала на стороне другую магию.

На кухне не оказалось ничего необычного, и я направилась в противоположный конец трейлера. Прошла в небольшую комнатку слева, где стояла пустая кровать и никакой одежды, разбросанной рядом. Далее была такая же нетронутая ванная. Так я дошла до последнего помещения.

Осиное гнездо тянулось по последней комнате, возвышая потолок и расширяя стены. Комки грязи на полу вели к центру, где располагался железный котел. Из-за кривого пола и скругленного закопченного потолка создавалось ощущение сферы.

С противоположной стороны от меня, позади котла, стоял плетеный сундук. За ним находился стол для пикника, весь испачканный кровью.

Джули, оказавшись за моей спиной, переминалась с ноги на ногу.

Магия плотным большим узлом витала над котлом, однако я не чувствовала защитных заклинаний. Я сделала шаг, наступив в грязь. Комната немного замерцала, но осталась такой, какой была.

Подойдя к котлу, я подняла крышку. В нос ударила вонь от тухлого жира и прогорклого бульона.

— Фууу! — Джули отскочила назад.

Мои глаза заслезились. Желудок скрутило, а желчь подступила к горлу. Я сглотнула, взялась за ручку железного ковша, торчащую из котла, и перемешала тошнотворное варево. Кусочки гнилого мяса все еще находились на куриных костях. Не человечина. И на том спасибо.

Магическая волна исчезла. Технологии вновь обрели главенство, задув узелок магии над котлом, как свечку.

Я захлопнула крышку и подошла к возведенному рядом алтарю. Несколько черных перьев застыли в крови. Длинный изогнутый нож, острый как бритва, лежал на рядом. На его рукоятке виднелись черные руны, выгравированные раскаленной проволокой. Кусочки гололомок стали собираться. Мне стало понятно, для чего была использована ритуальная курица.

В конце концов Джули осмелилась войти в комнату:

— Это человеческая кровь?

— Куриная.

— Так она, что, занималась чем-то типа Вуду?

— Вуду не единственная религия, приветствующая куриц в качестве жертвоприношения. Европа полна древних традиций гадания на куриных внутренностях.

Девочка выглядела озадаченной.

— Курица обезглавливается, вскрывается, а затем по ее внутренностям предсказывается будущее. А иногда, — я при помощи ножа подняла с алтаря окровавленную веревку, — курицу убивают не сразу.

— Это отвратительно. Кто так делает?

— Друиды.

Джули быстро заморгала.

— Но друиды милые.

— Современный Совет Друидов милый. Однако начинали они совсем с другого. Ты когда-нибудь видела девушку-друида?

Она покачала головой:

— Они все парни.

— Тогда почему Эсмеральда возится с ритуалами друидов?

— Я не знаю.

— Вот и я не знаю.

Что-то подсказывало мне, что Эсмеральда это делала под чьим-то чутким руководством. Чем больше я узнавала, тем меньше все это мне нравилось. Дурное предчувствие с новой силой давало знать о себе.

Я склонилась к сундуку и открыла его, ожидая узреть еще больше отвратных останков курицы. Но, нет. Тут были книги: *Словарь Кельтской Мифологии* МакКиллопа, *Мифы и Легенды Древней Ирландии* МакКлина, *Возрождение Кельтов* Визарда Сумары и *Мабиноген*. Три книги о кельтских ритуалах и одна о короле Артуре.

Я подала *Возрождение Кельтов* Джули. Эта книга читалась легче остальных и содержала в себе картинки. Сама же взяла *Мифы и Легенды*, надеясь, что Эсмеральда выделила важные пункты. Я остановилась на странице с тремя кровавыми отпечатками пальцев. Эсмеральда окунала пальцы в кровь курицы, но даже не удосужилась вымыть их перед прочтением книги. Она была помазана? Я прочитала отмеченные пункты: Монган,

Монгфайнд, Морк, Морриган... Вот, дерьмо! Я грубо перелистала том по заголовкам, начинающимся с буквы М. Пожалуйста, только не Морриган, ну, только не Морриган... Большой жирный кровавый отпечаток красовался на уровне Морриган.

Почему это происходит со мной?

В этот момент мне хотелось швырнуть книгу в стену! Нашла кому поклоняться.

— *Бестолочь!*

— И что это значит? — спросила Джули.

— «Идиотка» по-русски. Похоже, клан твоей мамы поклонялся Морриган. Не лучший выбор божества.

Девочка придвинула раскрытую книгу ко мне.

— Что с ним не так?

На странице был изображен великан, размахивающий огромным мечом. Его тело представляло собой сплошные мускулы. Колени и ступни были отведены назад, а огромные руки могли бы пробить землю; рот был широко раскрыт, а левый глаз излишне выпучился. Свечение, изображенное чернильными штрихами пера, исходило от головы.

— Это Кухулин. Он был величайшим героем древней Ирландии. Как-то он по-настоящему взбесился во время боя и превратился в это. Его прозвали *пес Куланна*.

— Почему у него голова светится?

— Видимо, он так был горяч в бою, что люди выливали воду ему на голову, чтобы остудить. В одном рассказе даже упоминается о том, что он как-то прыгнул в чан с водой. Но тот, не выдержав, раскололся...

Я уставилась на котел, стоящий посреди комнаты.

Джули потянула меня за рукав:

— Что?

— Подожди минутку.

Я подошла к котлу и взяла его за железные ручки.

— Слишком тяжелый, — заметила девочка.

Я хмыкнула, подняла и отставила его в сторону. Крышка немного сползла, пролив прогорклый бульон, к счастью, не на меня. Под котлом была небольшая яма. Узкая, едва пропускающая в себя небольшое животное, размером с бигля. Края были гладкие, окружность ровная, словно ее выпилили ножом. Я заглянула в яму, но не увидела ничего, кроме тьмы. Зато прекрасно почуяла смешанный с землей приторный смрад тления.

Дежа вю.

Джули взяла комок грязи и кинула его в сторону ямы. Я поймала его.

— Но я хочу знать, насколько она глубокая.

— Нет, не хочешь.

Она бросила комок с насмешкой. Похоже, в ее глазах я свалилась с пьедестала «крутых ребят».

Три маленькие отметины вокруг ямы образовывали равносторонний треугольник, — следы от ножек котла. То же самое, что мы обнаружили на месте собрания ковена. Правда, та яма была больше этой, и в Разломе не было котла.

БРАЙС И КО. РЕШИЛИ НЕ ВЫЗЫВАТЬ МЕНЯ НА РЕВАНШ поэтому мы спокойно покинули Осиное Гнездо, забрав с собой книги Эсмеральды. Кастер принял мудрое решение не высовываться. По пути от трейлера двадцать три до ворот нам не встретилось ни одной живой души.

Потребовался почти час, чтобы добраться до Уоррена, где Нинни терпеливо ждала меня возле кучи своих какашек. Я усадила Джули на мулицу. Уайт Стрит была в пятнадцати минутах езды, но складывалось такое ощущение, словно мы ехали вечность.

— Куда мы направляемся? — спросила девочка.

— Домой. Какой у тебя адрес?

Джули поджала губы и опустила взгляд на седло Нинни.

— Джули?

— Там никого нет. Мама ушла. Она все, что у меня есть.

О, боже! Могла ли я оставить бродить по вечерним улицам уставшего, голодного и чумазого ребенка, который потерял мать? Дайте-ка подумать....

— Мы зайдем к тебе домой, чтобы посмотреть, не вернулась ли твоя мама. Если нет, то ты сможешь переночевать у меня.

Матери на месте не оказалось. У Джули был крошечный домик, спрятавшийся на одной из мелких улочек, ответвляющихся от Уайт Стрит. Внешне он выглядел старым, однако внутри было чисто. Исключение составляла только кухонная раковина, доверху заставленная грязной посудой. По плану дом должен был быть двухкомнатным, однако кто-то — вероятно, сама мама Джули — достроил деревянную перегородку, разделив гостиную пополам. В итоге в маленькой третьей комнатке стояли старая швейная машинка, пара шкафов и крохотный столик. На нем лежало недошитое голубое платье. Я нежно коснулась его. Сколько бы недостатков не было у матери Джули, она очень любила свою дочь.

Девочка взяла фоторамку, стоящую у кровати. На снимке я увидела истощенную и ослабленную женщину со светлыми волосами, едва тронутыми сединой, и карими глазами, такими же как у Джули. Они сильно выделялись на фоне бледного лица. Глядя на неё, я бы сказала, что ей явно было за тридцать пять.

Я помогла Джули управиться с грязной посудой. На дне раковины я обнаружила бутылочку Уайлд Айриш Роуз с белой этикеткой. От неё несло медицинским спиртом. Этот напиток был популярен: он приводил выпившего в неистовую ярость.

— Твоя мама когда-нибудь кричала на тебя или била, когда выпивала?

Джули шокировано уставилась на меня.

— Моя мама хорошая!

Я кинула бутылку обратно.

Два часа спустя мы вернула Нинни в конюшню Ордена. После короткой передышки, всего несколько часов, магия вновь начала атаковать Атланту кратковременными всплесками. День клонился к вечеру. Я изрядно устала и проголодалась. Минуя череду улиц, мы шли в северную часть города, где у меня была небольшая квартира. Раньше она принадлежала Грегу, теперь же в ней ночевала я, когда мне приходилось задерживаться в Атланте.

Я ПОДНЯЛАСЬ ПО УЗКОЙ ЛЕСТНИЦЕ НА ТРЕТИЙ ЭТАЖ

Жда за собой Джули. Магия всколыхнулась в тот момент, когда я взялась открывать дверь. Вокруг все вспыхнуло голубым. Моя подопечная сильнее сжала мою руку. Впустив Джули в квартиру и заперев дверь, я сняла обувь.

В это время девочка прошла вглубь комнат.

— А здесь мило. Решетки на окнах...

— ... которые держат плохих парней снаружи. — Недостаток сна давал о себе знать. Я чертовски устала. И вымоталась.

— Сними свою обувь.

Она послушалась. Я порылась в шкафу и нашла там коробку с моей старой одежды, которую Грег хранил с тех времен, когда я жила у него после смерти отца. В свои пятнадцать я явно превосходила по габаритам тринадцатилетнюю Джули, но выбирать было не из чего.

Я вытащила треники и футболку.

— Иди в душ.

— Я не принимаю душ.

— Ты хочешь есть? Нет душа, нет еды.

Она выпятила нижнюю губу:

— Ты зануда. Знаешь об этом?

Я скрестила руки на груди.

— Мой дом — мои правила. Если тебе что-то не нравится, ты знаешь, где выход.

— Отлично! — она направилась к двери.

— Скатертью дорога!

Я стиснула зубы, надеясь, что не сказала это вслух, и пошла на кухню. Вымыла руки с мылом и в поисках чего-нибудь съестного открыла дверцу холодильника. Единственное, что я нашла — большая чашка кантри холодного кипения — полуфабрикат. Что касается меня, я бы съела его и холодным: кукуруза и креветки были хороши в любом виде, а я была настолько голодна, что мой желудок с радостью бы принял даже замерзшую картошку с колбасой, которые тоже присутствовали в блюде. Однако Джули, скорее всего, захочет съесть его теплым и сдобренным маслом.

Горячее или еле теплое? Вот вопрос.

Звук льющейся воды оповестил меня: душ включили. Она все-таки решила остаться. Я поставила кастрюлю с водой на плиту. Магия вырубала многие разновидности техники, но на природный газ, к счастью, это не распространялось. Так что, если у меня не будет другого выхода, то на помощь всегда придет нагреватель для пикника, стоящий на холодильнике, в комплекте с бутылкой керосина.

Я уже почти отобрала все креветки, когда очень хрупкий и ангельский на вид ребенок зашёл в мою кухню. У неё были карамельные волосы, разлетающиеся на ветру, и большие карие глаза на суровом лице. У меня ушла целая минута на то, чтобы узнать Джули. После я сложилась пополам от смеха.

— Что?

Маленький ребенок, похожий на эльфа, выглядел озадаченным.

— Ты очень чистая.

Джули подтянула спортивные штаны прежде, чем они сползли с её задницы.

— Я голодная. У нас был договор.

— Пригляди за водой. Когда начнет закипать, закинь туда все. Кроме креветок. Не ешь их, они вкусные в теплом виде, и не позволяй воде выкипать и расплескиваться по газовой плите. Я пока сама приму душ.

Я скинула всю одежду и залезла в ванну. Нет ничего лучше горячего душа, смывающего усталость после длинного дня. Разве что горячий душ, сопровождаемый ярким сексом. Однако по этому поводу моя память выдавала крайнее нечеткие картинки.

Понадобилось много времени, чтобы вымыть всю грязь из моих волос, поэтому, когда я вернулась в кухню, вода уже кипела. Я зацепила несколько кукурузных зерен из початка большой вилкой. Готово. Забросив креветки в кастрюлю, проварила четверть минуты или около того, выключила газ и вытряхнула все содержимое в дуршлаг.

Магия стихла. Появится, пропадет, появится, пропадет. Да определись уже!

— Когда-нибудь ела кантри холодного кипения?

Джули покачала головой.

Я поставила дуршлаг в центр стола, посолила и добавила сливочного масла.

— Креветки, сосиски, кукуруза и картошка — все варится в кастрюле. Попробуй. Сосиски из индейки и оленины. Я лично присутствовала при их изготовлении, так что мяса собак и крыс там нет.

Джули взяла кусочек сосиски, пробовала его на вкус и начала есть так жадно, словно оголодавшая стая волков.

— Так вкусно! — пробормотала она с набитым ртом.

Я едва успела покончить со своей порцией еды, когда стук в дверь эхом разнесся по квартире. Я посмотрела в глазок. Рэд.

Я открыла дверь. Он взглянул на меня, при этом его глаза напоминали две узенькие щелочки.

— Еда?

Кейт Дэниелс — смертоносный мечник и спаситель голодных сирот.

— Входи. Только вымой руки.

Джули примчалась из кухни и кинулась парню на шею. Рэд напрягся, но все же приобнял её.

Она положила голову на плечо парня, и по лицу было видно: Джули мечтала о чем-то своем. Исчезновение матери стало для неё ударом, но если бы исчез Рэд, то она бы уже не оправилась.

— Я скучала по тебе, — сказала она мягко.

— Да. — Ни один мускул не дрогнул на его лице. — Я тоже.

Двадцать минут спустя дети были сыты, а у меня не осталось никакой еды. Это значило: утром мне придется готовить. Ой!

— Давайте-ка поговорим.

Я пронзила сидящего в кресле Рэда. Я становилась невменяемой, когда того требовали обстоятельства. Однако большинство моих противников не теряли сознание и не падали в обморок от этого, но Рэд был молод и привык к издевательствам. Он замер. Мне не нравилось запугивать юных уличных подростков, но складывалось ощущение, что он убежал бы при любой малейшей возможности, если бы я была только помягче.

— Расскажи мне все, что знаешь о ковене.

— Ничего.

— Ты забрал Джули с места собрания. Как ты узнал о её местонахождении?

— Я ничего ей не сказала, клянусь, — оправдывалась Джули. Я заметила, как она побледнела.

Рэд пристально посмотрел на меня.

— Так же, как и нашел это место. Взял в доме немного волос с расчески её матери. Добавил каплю крови и создал заклинание. Оно и привело меня.

Мама Джули должна была быть жива на момент, когда он читал заклинание. Шаманская магия завязана на живой крови: работа с мертвым телом требует гораздо более сложных ритуалов и силы. Рэду это было не по плечу. По крайней мере пока.

— Ты прибыл туда раньше меня. — Это была догадка, однако я увидела подтверждение в его глазах. — Что ты там увидел, Рэд?

Его пальцы дернулись. Он отвернулся, скрывая от меня правую половину лица.

— Позволь мне взглянуть.

Он сглотнул.

— Сейчас же.

Рэд повернулся. От мочки уха до воротника лохмотьев, в которые он был одет, тянулись три полосы. Края ран покраснели и отекли, а местами даже нагноились.

Нехорошо. Я протянула руку и коснулась его головы. Парень дернулся назад.

— Сиди спокойно, олух.

Его лихорадило. Я подошла к холодильнику и достала банку Rmd3^[4] со средней полки. Взгляд Рэда прошелся по коричневой пасте в банке, затем он уставился на меня.

— Что там? — спросила Джули.

— Rmd3. Более известный как Лекарство.

— Эта штука для людей. Мне оно не нужно. — Рэд заерзал в кресле.

Я посмотрела ему в лицо: парень стиснул зубы — типичный упертый подросток. Никакой логики. Я повернулась к Джули.

— Это паста, созданная на основе трав. Она поможет против раневой инфекции. Я беру Южно-Тихоокеанский вариант, здесь он самый лучший. Может вылечить даже от заразы, внесенной нежитью.

Я поставила банку на стол. В состав мази входили настоящий корень кавы^[5] и сосновый лист джибанга^[6], а еще много различных укрепляющих трав. Дорого, но действительно.

— Мне это не нужно, — повторил он.

— Шаман, свалившийся посреди улицы от лихорадки, никогда не вырастет.

— Возьми Лекарство, Рэд, — Джули протянула ему банку.

Он уставился на неё так, словно девочка держала в руке змею, но все же взял немного пасты и намазал её на свою шею. Лекарство проникло в раны, и парень сморщился.

— Что тебя оцарапало?

— Существа какие-то. Странная форма жизни. Неправильная. Они очень *мощные*.

Рэд произнес слово «мощные» с уважением, я бы даже сказала с благоговением, окрашенным тоской. Словно алкоголик, который заказал свой любимый яд после длительного воздержания, и теперь смаковал его вкус.

— Жажда власти — опасная вещь, — сказала я.

Он оскалился, дико сверкнув глазами:

— Ты так говоришь только потому, что сама ею владеешь. Люди, у которых есть власть, не желают делиться ею с другими.

Джули потянула его за рукав:

— Но у тебя есть власть. Ты — шаман.

Он развернулся к ней.

— А что в этом хорошего? Плохие ребята могут выбить мне все зубы и отобрать еду. Что с того, что я смогу заставить их ссать кровью на следующий день? В следующий раз они просто убьют меня, и все будет кончено. Я хочу реальной власти. Силы. Тогда никому не придется возиться со мной.

— Я могу отдать тебе ту, что есть у меня, — едва слышно сказала Джули.

— Не сейчас. Пусть она вырастет.

Что происходит между этими двумя? То, как они смотрели друг на друга, наводило на меня страх.

— Расскажи мне о существах, которые тебя поранили.

— Они были быстрые и с длинными волосами. Волосы хватали меня, словно жили собственной жизнью. Существа испугались лучника.

— Расскажи мне о котле.

Рэд дернулся так, словно его ударило током, подорвался со своего места и выбежал через дверь. Джули сидела ближе всех к выходу, поэтому смогла задержать меня у лестницы секунды на четыре. Она помчалась вниз, вынудив меня остановиться.

Они были детьми.

Жизнь была их до тех пор, пока они не одичали. У них не было прибежища, они не доверяли никому кроме друг друга. Будь я проклята, если бы пошла туда и стала угрожать Рэду выбить из него правду! Хватит — значит, хватит. Если они захотели бы вернуться, то сделали бы это. А могла бы и сама с этим разобраться.

Я вернулась на кухню и доела кусок сосиски, который остался в тарелке. Через окно я видела Рэда и Джули. Они стояли близко друг к другу. Его темноволосая голова напротив её светловолосой. Пока я наблюдала, техника вновь возобновила работу. В комнате зажглась электрическая лампа, осветив квартиру мягким, приглушенным светом. А вниз по улице стоял один единственный уцелевший фонарь, освещавший детей с высоты. Они отошли влево, туда, где была тень. Вот они лица нового мира: уличный шаман и его девушка. Оголодавшие, одичавшие и наполненные магией.

Пока они разговаривали, я покончила с едой и выпила воды. Наконец Рэд вытащил что-то из кармана и одел на шею Джули. Может быть, это заклинание.

Джули обняла его. Его выдержка была безукоризненной, хотя руки девочки обвили его шею. Возможно, он просто не хотел выглядеть слабаком. Мне стало не по себе. Отчего так вышло, что, наблюдая за ними издали, у меня возникло плохое предчувствие?

Картина возникла перед глазами: я и Макс Крэст.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Если бы Грег был жив, я бы даже не взглянула на Макса. Но смерть Хранителя ударила по мне сильнее, чем я могла предположить. Одинокая, напуганная и лишенная тепла возлюбленного, я осталась без всяческой поддержки. Определенно, Макс оказался не в то время и не в том месте. Наши отношения были обречены с самого начала, потому что основывались на скорби, а не на любви. А горе в конечном итоге прошло. Теперь уже, когда время все расставило на свои места, я не чувствовала ни ревности по отношению к Мийонг, ни тоски по Максусу. Я не скучала по нему. И все же, всякий раз, как его имя приходило на ум, появлялось какое-то странное и неприятное ощущение: не вина, скорее смущение.

Ах, мне хотелось собрать весь этот багаж, свернуть и запихнуть в коробку, а затем

сбросить её с пирса куда-нибудь поглубже. Если бы я никогда в жизни не наткнулась на Макса Креста, то определенно была бы счастливее. Однако сейчас мне нужно было организовать его свадьбу. Как, черт возьми, я попадаю в подобные истории?

Кстати, о свадьбе. Я проверила телефон. Услышав гудки, набрала номер Дерек, который тот дал мне.

— Юго-Восточный офис, — ответил женский голос.

То ли у меня был неправильный номер, то ли чудо-мальчик преуспевал в мире.

— Дерек, пожалуйста.

В трубке послышался щелчок, а затем Дерек возник на линии:

— Да?

— У тебя есть личный секретарь?

Он рассмеялся.

— Нет, это Мила. Она сортирует звонки. Чем могу помочь?

— У меня есть пакет.

— Потрясающе! — Он тут же спохватился и продолжил беседу более спокойным тоном:

— Когда я смогу забрать его?

— Я сама заброшу тебе его завтра.

— Ты выбила все дерьмо из него?

Ха! Дерек оставался самим собой, несмотря на образ Крутого Волка Стаи.

— Что-то в этом роде. Ты прав, он исчезает. А так же самоисцеляется во время телепортации.

Джули вернулась в квартиру. На ней было монисто^[7]: ожерелье из монет на тонкой металлической леске. Она притормозила в коридоре, прощупывая почву на предмет того, буду ли я злиться, затем скользнула обратно на свой стул. Из еды остался только картофель; она взяла его руками и съела, облизнув пальцы.

— Могу я попросить об услуге? — я придвинула масло и соль ближе к ней.

— В пределах моих возможностей, — ответил Дерек.

Джули тайно за мной наблюдала, вероятно, силясь понять, будет ли ссора.

— Мне требуется аудиенция с его Пушистым Величеством. *Не могу поверить, что говорю это.*

— Не могу поверить, что ты говоришь мне это, после всех мега-воплей по поводу приглашения на Весеннюю Встречу. Я отчетливо помню: «Не хочу больше видеть этого высокомерного мудака» и «только через мой труп.»

— Весенняя Встреча была необязательной.

После работы со Стаей по «Делу сталкера из Ред Пойнт», я обзавелась статусом друга, с которым, видимо, появились и такие преимущества, как посещение церемоний. Черт возьми, да если я бы зашла на их территорию, оборотни без колебаний за пару секунд нарубили бы из меня Кейт-суши.

— Мийонг? — неодобрительные нотки появились в голосе подростка.

— Дерек, да или нет?

— Конечно, да, — мгновенно отозвался он. — Я сообщу тебе место и время.

Мы попрощались, и я повесила трубку.

— Кто это был? — спросила Джули.

— Мой закадычный друг — оборотень-подросток. Мы навестим его завтра.

— Ты знаешь кого-то из Стаи?

— Ага. И там, в тщеславии, есть запасная зубная щетка для меня...

— Что за тщеславие?

— Тщеславие — это гордость за свою внешность. В том числе это шкаф в ванной, в котором есть раковина и выдвижной ящик, где и находится зубная щетка.

Её лицо вытянулось.

— Я тоже должна такой иметь?

— Держу пари.

Я УЛОЖИЛА ДЖУЛИ В КРОВАТЬ, ОТДАВ ЕЙ СВОЁ ОДЕЯЛО Сама же устроилась на полу, предварительно расстелив старый армейский спальный мешок. Город снова был во власти магии. Я уже затушила фейлантеры, и в квартиру освещал исключительно уличный свет: серебристое сияние молодого месяца смешивалось со слабым свечением, исходящим от прутьев оконных решеток, которые находились под покровом защитных чар.

Где-то вдалеке завыл волк. Я всегда могла отличить его от бездомной собаки — от такого воя по спине пробегал холодок. В этот момент я подумала о Карране. Мой интерес относительно нашей с ним завтрашней встречи, однако, пугал.

Да что со мной не так? Видимо сказывается отсутствие секса — физиология, что поделать. Гормоны плещут через край, затуманивая рассудок, — от них и все проблемы.

— Я могу поспать на полу, — сонным голосом предложила Джули.

Я пожала плечами.

— Спасибо, но я привыкла. Когда была маленькой, отец заставлял меня спать на полу. Боялся, что будут проблемы с позвоночником, как у мамы.

Я расстегнула молнию на спальнике и расправила его насколько смогла. Охранные заклинания и решетки на окнах превращали мою квартиру в маленькую крепость, но всякое бывает. Кто-то может телепортироваться и набить меня арбалетными болтами, до того как успею выпутаться из спального мешка.

— Она красивая?

— Кто?

— Твоя мама?

Я замерла, сжав плед руками. В грудь будто всадили маленький нож.

— Не знаю. Она умерла, когда я была совсем маленькой. Видимо, да — отец любил ее.

— Значит, твои родители мертвы? И у тебя совсем никого не осталось?

— Да.

— Как и у меня, — прошептала она.

Бедное дитя. Я подошла и присела на край кровати.

— Я знаю, что моя мама умерла, потому что папа видел её смерть собственными глазами. И знаю, что отец умер, потому что была там, на холме за домом, когда его хоронили. А теперь постоянно хожу на его могилу. Но про твою маму наверняка ничего не известно: её тела я не видела. А ты?

Она отрицательно покачала головой и уткнулась лицом в подушку.

— Пока нет тела — нет доказательств, что она мертва. Может тот идиот, Бран, как-то телепортировал её в неизвестный район города, и она сейчас идет домой. А, возможно, она уже там. Нам нужно лишь продолжать искать.

Джули жалостливо пискнула, словно котёнок.

Что же мне делать?

Я сгребла её в кучу вместе с одеялом и подушкой и притянула к себе. Джули всхлипнула.

— Братство могло обратить её в вампира.

Я погладила девочку по волосам.

— Нет, Джули. Братство не хватает людей на улице, чтобы обратить их в вампиров. Это незаконно. Если они начнут так поступать, полиция и военные уничтожат их в мгновение ока. Они должны отчитываться за каждого вампира, и им для этого нужны особые люди. Не переживай, твоя мама не вампир.

— А что, если вампир?

Тогда я пойду в Казино, и они заплатят за это.

— Она не вампир. Если хочешь, я завтра позвоню в Братство и проверю.

— А если они тебе соврут?

Боже, этот ребенок повернут на вампирах.

— Послушай и запомни: вампиры — существа бессознательные, как тараканы. Это просто средство для Мастера Мертвых. Если ты видишь вампира, и он не рвет никого на части, значит, его сознанием управляет реальный человек. И у этого человека есть семья, вероятно, дети, такие маленькие малыши Мастерята Мертвых.

Она вытерла слезу и попыталась слабо улыбнуться.

— У Братства десятки вампиров. Им не нужно никого похищать. У них есть лист с заявками длиной в милю.

— Почему кому-то хочется стать вампиром?

— Из-за денег. Скажем, ты неизлечимо больна. Вампиризм вызывается бактериальной инфекцией, которая настолько сильно изменяет тело жертвы, что большинство подобных болезней не приживаются в организме, трансформировавшемся в вампира. Другими словами, абсолютно неважно есть у тебя рак прямой кишки или нет: через месяц после обращения твоя кишка все равно усохнет и превратиться в шнурок. И ты подаешь заявку, чтобы стать вампиром. Если тебя выберут, то предложат контракт, в котором Братству дается право заразить тебя *Vampirus Immortuus*. В принципе, ты позволяешь им убить тебя и использовать тело после смерти. В обмен на это Братство выплачивает вознаграждение указанным тобой выгодоприобретателям. Многие бедняки считают это хорошим способом оставить денег своей семье после смерти. Требуется целая неделя и куча бумажной работы, чтобы создать нового вампира. К тому же действия Братства строго контролируются: обо всем докладывается в Государственный Комитет Учета Нежити. Обратить человека его воли — незаконно, а Мастера Мертвых не будут подвергать себя риску попасть за решетку из-за одного вампира. Послушай, почему бы тебе не рассказать о маме? Возможно, это поможет найти её.

Джули обняла подушку.

— Она хорошая. Иногда читает мне книги. Только от выпивки становится уставшей, и в эти моменты я оставляю ее одну. Ухожу гулять или что-то типа того. Она не алкоголик, нет. Просто скучает по папе. Выпивает только по выходным, когда не надо на работу.

— А где она работает?

— В Гильдии Плотников. Когда-то она была поваром, но то место закрыли. Она пока в подмастерьях. Говорит: как только станет плотником, мы увидим настоящие деньги. То же самое она говорила про ковен, а теперь её нет. Она всегда переживает из-за денег. Мы уже давно живем бедно: с тех пор как умер папа.

Она нарисовала рукой маленький круг на подушке — круг жизни. Что-то похожее делали шаманы, когда говорили о покойниках. Девочка явно перенимала привычки Рэда.

— Когда папа был жив, он возил нас на побережье. В Хилтон Хэд^[8]. Там было хорошо. Мы плавали, а вода была совсем теплой. Папа тоже был плотником. На него упал кусок

виадука^[9]. Просто раздавил его. От папы ничего не осталось.

Иногда жизнь продолжала «бить» по зубам, и не важно, сколько раз до этого ты уже поднимался.

— Со временем боль притупляется, — сказала я ей. — Все равно больно, но немного меньше.

— Все так говорят, — Джули не смотрела на меня. — Вероятно, мне с этим не везет.

Худшее, что может случиться с ребенком, — потеря родителя. Когда умер отец, мой мир перестал существовать. Это как смерть бога. Часть меня отказывалась верить в произошедшее. Мне отчаянно хотелось вернуть всё, что было прежде. Я бы отдала что угодно за ещё один день с папой. И была очень зла на Грега: он не мог одним взмахом руки все исправить. Потом, мало-помалу, до меня дошло: папа умер. Навсегда. Он не вернется. И никакая магия не смогла бы это исправить. Но как только я решила, что боль утихла, меня подвело мое подсознание: вернуло папу к жизни в снах. Иногда я даже не понимала, что его больше нет, пока не просыпалась. Тогда это было как удар в солнечное сплетение. Но иногда уже во сне понимала, что это просто сон, и тогда просыпалась в слезах.

Но тогда у меня все еще был Грег. Грег, который посвятил свою жизнь тому, чтобы у меня всё было в порядке. Грег, который забрал меня к себе. Мне не пришлось жить на улице. И не нужно было переживать из-за денег.

У Джули и её мамы не было такой поддержки. Квалифицированным плотникам платили хорошо, потому что деревянные конструкции не разрушались магией. Смерть отца Джули, вероятно, разрушила их жизнь. Произошедшее сбilo их с ног, и они просто продолжали падать все ниже и ниже. Это так просто — опуститься на самое дно. Я обняла Джули сильнее. Ее мать, вероятно, очень любила дочь, раз взяла себя в руки и начала карабкаться вверх. Она пробилась себе дорогу в Гильдию Плотников, что было нелегким делом при их конкурсе на место, и стала подмастерьем — трудный шаг вверх от уровня ученика. Она пыталась уберечь свою дочь от улицы.

— Ты никогда не говорила, как зовут твою мать.

— Джессика, — сказала Джули, — её зовут Джессика Олсен.

Держись, Джессика. Я найду тебя. Твой ребенок будет в безопасности. С Джули ничего не случится.

Будто поняв, о чем я думаю, Джули теснее прижалась ко мне. И мы тихонько сидели, окруженные теплом ночи.

— Расскажи мне про ковен. Твоя мама долго в нем состояла?

— Нет. Пару месяцев. Она говорила, что они поклоняются великой богине и мы все скоро будем богаты.

Я вздохнула. Когда мы найдем Эсмеральду, у нас будет приятный и долгий разговор.

— Ты не станешь богаче, поклоняясь кому-то. Особенно Морриган.

— Что это за богиня?

— Кельтская. Если быть точной, то древнеирландская. Есть несколько версий легенд о ней, но я расскажу ту, которую считаю наиболее близкой к истине. Морриган — триипостасная богиня. Она меняет облик в зависимости от своих намерений. Словно примеряет разные наряды. Это называется «обладать божественными ипостасями». Иногда она богиня плодородия и процветания, и имя её Аннан. Полагаю, именно этой ипостаси поклонялась твоя мама. Аннан также провожает умерших к их пристанищу в Другом Мире: месте обитания умерших кельтов. Вторая ипостась — Маха. Она покровительствует

королевским особам, правительству и лошадям. Третья — Бадб, огромный воинственный ворон.

Я замаялась. Учитывая пропажу матери Джули, упоминание того, что Бадб пила кровь и наслаждалась убийством, было не лучшей идеей.

— Я забыла, как звали первую? — В голосе Джули появились легкие нотки сонливости. Отлично. Ей нужно было поспать, и мне тоже.

— Это не особо важно. Они все Морриган.

— А с кем она сражалась?

— С фоморианцами. Про богов нужно помнить одно: они всегда с кем-то сражаются. Греческие боги бились с титанами, боги викингов — с ледяными великанами, а ирландские — с фоморианами и морскими демонами. Морриган много кому надрала задницу, и, в конце концов, фомориан загнали в море.

Мои знания кельтской мифологии слегка заржавели. Нужно будет освежить их при первой возможности. Не то чтобы кто-то надеялся запомнить всех значимых мифологических героев, нет. Фокус не в том, чтобы знать все. А в том, чтобы знать, где найти недостающие фрагменты.

— Так почему нельзя разбогатеть, поклоняясь ей? — Джули зевнула.

— Потому что Морриган не исполняет желания. Она заключает сделки. Это значит, ей нужно что-то взамен.

Только дураки идут на сделку с божеством.

Она закрыла глаза. *Хорошо. Спи, Джули.*

— Кейт?

— Ммм?

— Как умерла твоя мама?

Я уже открыла рот, чтобы соврать. Так было всегда: я скрывала свою кровь, свою магию и правду о корнях. Но по какой-то причине солгать не получилось. Мне хотелось рассказать правду. Или как минимум часть правды. Я никогда об этом не говорила, но сейчас слова были готовы сорваться с языка.

И что в этом могло быть плохого? Она всего лишь ребенок. А моя история — увлекательная сказка на ночь. Она забудет её на следующее утро.

— Мне было всего несколько недель от роду. Папа и мама бежали. Их кое-кто преследовал. Он был очень сильный и злой. Мама знала, что из них двоих папа был сильнее. А она задерживала его.

Мой голос слегка дрогнул. Не ожидала, что говорить об этом будет так трудно.

— Поэтому мама отдала меня папе и велела ему бежать. Сказала, что задержит преследователя. Он не хотел уходить, но понимал: это единственный способ спасти меня. Злодей поймал маму, они сражались. Она проткнула ему глаз, но он был настолько могущественным, что мама не смогла убить его. И погибла.

Я подоткнула одеяло вокруг Джули.

— Грустная история.

— Да.

К тому же, незавершенная. Совсем не завершенная.

Она погладила по пледу, который все еще был у меня на коленях.

— Это ты сделала?

— Да.

— Красиво. А можно мне его взять?

Я накрыла ее. Она скинула одеяло и закуталась в плед, свернувшись так, точно мышка в норке.

— Мягкий, — сказала она и тотчас уснула.

КВАРТИРУ ЗАПОЛНИЛ ГОЛОС ЧИСТЫЙ как хрустальный колокольчик, сладкий, как мед, и мягкий, как бархат.

— *Девочку... Хочу девочку.*

Я открыла глаза. Город всё ещё был во власти магии: решетка на окне светилась небесно-голубым светом. Я видела, как Джули выскользнула в коридор, словно тихий призрак, бродивший по квартире, погружившейся в ночную темноту.

— *Девочку...* — повторилось. Звук доносился снаружи.

Мои пальцы нащупали рельефную рукоять Убийцы. Я взяла меч, поднялась и последовала за Джули.

— *Нужно девочку... Девочку... Хочу девочку...*

За кухонным окном на расстоянии дюйма от стекла, где проходил охранный контур, парила бледная тень. Женщина с утонченным, почти эльфийским, лицом, лавандовыми глазами и умопомрачительной фигурой, заглядывала в комнату, изучая обстановку. Её кожа отливала еле заметным серебряным сиянием. А невероятно густые и длинные волосы ниспадали вниз, извиваясь, точно щупальца.

— *Девочку-у-у-у,* — пропело существо, протянув руки к окну. — *Нужно... Где? Где?*

Привет. И что ты за чертова тварь?

На кухонном столе, облокотившись коленями на смятую занавеску, сидела Джули. Она открыла защелку на окне и пыталась сломать замок на железной решетке.

Я положила Убийцу и обхватила Джули за талию. Та вцепилась в решетку.

Тварь зашипела, приоткрыв рот, обнажившиеся ряды зубов напоминали пасть морского чёрта^[10]. Прядь волос, нацелившись на ребёнка, хлестнула по окну. Охранка отреагировала выбросом грозного карминового^[11] света. Тварь дернулась от боли.

Я потянула девочку:

— Джули, пойдём.

Джули яростно прорычала что-то неразборчивое. Приложив всю свою силу и вес, я уперлась пятками в пол и потянула сильнее. Пальцы Джули соскользнули, и мы чуть не рухнули на пол. Она пиналась и боролась, как бешеная кошка. Оттащив ее в ванную комнату, я захлопнула за нами дверь. Джули с воем бросилась на меня и расцарапала ногтями руку. Я схватила ее за волосы на затылке и, запихнув в ванну, включила кран с холодной водой. Девочка извивалась у меня под рукой, плевалась, кусалась. Я подставила её голову под струю и держала.

Постепенно конвульсии прекратились. Она захныкала и обмякла.

Я убавила воду до тонкой струйки. Джули глубоко и прерывисто вдохнула, всхлипнула. Её мышцы начали расслабляться.

— Я в порядке, в порядке, — прошептала она.

Я оттащила ее от ванны и накинула полотенце на голову. Джули обхватила себя руками и дрожала.

Я приоткрыла дверь и осмотрелась. Тварь с лавандовыми глазами всё ещё висела у кухонного окна. Она увидела меня и снова зашипела:

— Девочку... Пойдем... Хочу...

Джули опустилась на плитку в попытке забиться в узкое пространство между ванной и унитазом. Спустя какое-то время оттуда торчали лишь её ноги, тонкие как палки.

— Она была у меня в голове. Она снова пытается туда залезть прямо сейчас.

— Попробуй её заткнуть. За охранным контуром мы в безопасности.

— А если магия перестанет действовать? — глаза Джули в панике округлились.

— Тогда я снесу ей голову.

Легче сказать, чем сделать. Эти волосы завьются вокруг меня, словно сеть вокруг рыбки. А резать ненатянутые волосы чертовски сложно.

— Девочку?

— Заткнись, нахрен!

Почему Джули? Почему сейчас? Может, эта тварь была её матерью, а потом обратилась в нечто из-за магии ковена?

— Джули, это существо похоже на твою мать?

Девочка отрицательно помотала головой, потом обхватила её руками и начала раскачиваться. Она могла сдвинуться лишь на один-два дюйма в этом узком пространстве.

— Серая, грязная, склизкая, двигающаяся, мерзко фиолетово-серая.

— Что?

— Серая, как скелет. Мерзкая...

— Джули, что серая?

Она измученно посмотрела на меня.

— Её магия. Её магия серая.

О, Боже!

— Какого цвета магия оборотней?

— Зеленая.

Чувствующая. Живой м-сканнер, который различает магию. Очень редкий, очень ценный дар. Она все это время была со мной. Я знала, что в ней есть какая-то магия, но спросить об этом в промежутке между боем с железными псами и больными друзьями просто не было шанса.

— Это существо, она серо-фиолетовая? Ты говоришь фиолетовая? Как вампир?

— Более тусклый. Бледно-фиолетовая.

Фиолетовый — цвет нежити. Если эта тварь и впрямь нежить, у нее не может быть сознания. Кто-то её контролирует, как Мастера Мертвых контролируют вампиров.

— Джули, тебе придется вылезти. Я не смогу защищать тебя, если ты будешь обнимать унитаз. Поднимайся.

— Она войдет сюда. Она меня убьет. Я не хочу умирать.

— Ты умрешь, если останешься здесь. — Я протянула руку. — Пойдем.

Она всхлипнула.

— Пошли, Джули! Покажи этой твари, что ты не трусиха.

Она прикусила губу и взяла меня за руку. Я потянула её вверх.

— Мне страшно.

— Используй это. Это поможет тебе быть настороже. Там, в Осинном Гнезде, почему магия не схватила тебя?

Хватило секунды, чтобы переключить её внимание.

— Я слилась с ней. Заставила думать, что я такая же, как она.

— Тогда слейся со мной.

Подражание другому типу магии замаскирует сознание Джули, заставив эту тварь вместо неё сконцентрироваться на магическом предмете. Все равно что спрятать слабое свечение в пламени более сильного. Эта тварь не сможет выследить её сознание, если не сможет его почувствовать.

Она отрицательно покачала головой.

— Я не могу. Я уже пробовала. Твоя магия слишком странная.

Черт, еще один побочный эффект моего гребанного наследия. Мало того, что я должна сжигать все окровавленные повязки, чтобы никто не мог меня распознать, теперь еще не могу защитить маленького ребенка. Почему она не может слиться со мной? В коллекции Грега полдюжины зачарованных артефактов, но ни один из них не источает достаточно магии, чтобы скрыть девочку.

Убийца.

— Оставайся здесь.

Я бросилась на кухню, схватила Убийцу со стола и помчалась обратно в ванную. Лицо Джули ничего не выражало. Я вложила ей в руки Убийцу и рывкнула:

— Сливайся!

Осознание снова появилось в её глазах. Я почувствовала, как магия подбирается к лезвию. Дыхание Джули стало прерывистым.

Изменение в магическом поле было едва ощутимым. Она глубоко вдохнула.

— Все, — сказала она, — готово.

Тварь разочаровано завизжала.

Я прижала Джули к себе. Я справилась бы с физической опасностью, но превратись Джули в зомби — это было бы не исправимо. Пока мы могли держать эту тварь подальше от головы моей девочки, у нас был шанс. Она взялась за меч обеими руками и сосредоточилась на клинке, от чего её лицо скривилось.

Я направила её к двери.

— Пойдем.

Глаза твари были нацелены на Джули. Она лизнула охранный контур, обожгла язык алыми всполохами и отпрянула.

Я попробовала позвонить. Тишина. И почему это происходит со мной?

— *Де-евочку-у-у. Хочу, хочу, нужно...*

— Ты в порядке?

Она кивнула.

Волна магии утихла. Я забрала Убийцу у Джули и попробовала позвонить ещё раз. Телефон по-прежнему молчал. Черт меня подери!

Волосы твари безжизненно повисли. Она вцепилась в решетку, чтобы не упасть. Ага! Захлебнись волной технологии ты, кусок дерьма! Никаких волос-щупалец тебе!

Тварь уперла ноги в стену и подтянулась. Решетка прогнулась, издав долгий измученный скрип.

Джули метнулась в спальню. Не лучшее время, чтобы прятаться. Первое правило телохранителя: всегда знать, где находится охраняемое «тело».

Тварь поднатужилась еще. Решетка поддалась.

Я вошла в кухню. Сначала нужно было разобраться с новым украшением на окне, а потом пойти и вытащить Джули из-под кровати.

Однако Джули вернулась сама, в её руке был нож. Пальцы девочки дрожали, заставляя танцевать кончик лезвия. Она встала за мной и прикусила губу.

Они *не* получают эту девочку. Не сегодня. Никогда.

Бум!

Что-то твердое ударило в дверь. Джули подпрыгнула.

— Спокойно! Дверь крепкая. Выдержит.

Как минимум несколько минут. Я прошла внутрь кухни и отодвинула стул, освободив себе пространство для действий.

Тварь, повисшая на решетке, попробовала воздух свои длинным, похожим на змеиный, языком и просунула голову в щель.

Бум!

Я запрыгнула на стол и снесла ей голову классическим ударом палача.

Голова глухо ударилась о стол и покатилась по полу. Туловище застыло в решетке на полпути в комнату. Густая красноватая слизь медленно стекала с обрубленной шеи. Смерд протухшего рыбьего жира и горькой застоялой морской воды распространился по комнате.

Я подняла голову за волос-шупальце и приставила Убийцу к левой щеке. Плоть немного провисла, плаваясь под магией меча. Соприкосновение с лезвием не привело к той реакции, как если бы это был вампир, но магия Убийцы действовала на него. Вверх поползли тонкие дымчатые усики. Однозначно, нежить, но не такая, как вампир. Возможно, она в основном была нежитью. А так бывает?

Бум!

Дверь разлетелась, и куски дерева усыпали ковер в коридоре. Я бросила голову, схватила Джули за плечо и выпихнула её за стену слева.

Последний кусок дерева выпал из рамы. Двойник той твари, которую я только что укоротила на голову, вошел в квартиру. Его тело скрывалось за свисавшими до лодыжек черные волосы.

Магическая волна снова накрыла город, вырубив всё, связанное с технологиями. Мой охранный контур вспыхнул через две секунды после того, как монстр переступил порог дома. Жизнь несправедлива.

Бледные серебряные всполохи пробежали по волосам непонятного создания. Блестящие пряди задрожали, потянулись...

Я схватилась за Убийцу.

Локоны рванулись к двери, ведущей в ванную. Волосы медленно раздвинулись, показав плоть, светившуюся словно маяк. Кожа существа еле уловимо мерцала. Это завораживало, как свет в болотной трясине, как мелькнувшая в волнах русалка. Тварь протянула руки. Пульсирующие сияние спустилось до пят и превратилось в подобие призрачного рыбьего хвоста, сотканного из легкой паутины.

— *Девочка?* — лился бархатный голос. — *Девочка?*

— Никаких девочек! Убирайся из моего дома, сумасшедшая дрянь.

Тварь наклонилась вперед с распростертыми для объятий руками. Её глаза наполнились холодным аметистовым огнем. Тонкая, гибкая... Уверена, арбалетные болты Брана я вытащила из скелета её сестренки.

Грязная жидкость растеклась по столешнице у меня под ногами. Я бросила взгляд на тело позади. От него осталась только лужа. Такого я никогда прежде не видела. Знала, что Убийца превращал вампирскую плоть в жижу, но не так быстро.

Тварь раскинула руки. На кончиках пальцев показались изогнутые когти, с которых на пол капала красная слизь. Такими когтями можно оставить длинные порезы, точь-в-точь такие, как были на шее Рэда. Видимо, его просто пощекотали, потому как, судя по размеру этих когтей, она могла запросто снести голову. Волосы захватывали, когти рубили, а ряды иглообразных зубов довершали начатое. Полный боекомплект.

Тварь медленно продвинулась вперед — она не торопилась. А зачем? Я была загнана в угол. Некуда бежать, разве что спрыгнуть вниз с третьего этажа. Я сделала шаг назад и ударила локтем о стену возле холодильника.

Прядь волос щелкнула словно кнут и ухватила меня за бедро. Я рубанула по ней мечом, схватила бутылку с керосином, которая стояла на холодильнике, и окатила тварь горячим с ног до головы.

Тварь зашипела. Я бросила меч и свела руки вместе. Волосы обхватили меня и потащили вниз со стола через всю кухню, неумолимо приближая к когтям. Тварь не видела спичек в моих руках, пока запах серы не известил её о зарождающемся пламени. В панике волосы заметались, сдавив меня сильнее. Я бросила спичку в самую их гущу.

Четко в цель. Горячее ярко-оранжевое пламя весело заиграло вокруг. Оковы спали.

Тварь визжала и билась в агонии. Раздался треск, похожий на шипение сала, капающего в огонь. Она попятилась назад, ударила о дверь ванной комнаты, разнеся ее в щепки, и по коридору бросилась к зеркалу. Она билась об него снова и снова, раскалывая на все более мелкие осколки, пока они не посыпались из рамы.

Я подняла Убийцу. Замри на секунду, и я решу все твои проблемы.

Пламя изрыгнуло облако дыма, и вонь жаренного сала заполнила комнату. Я зажала рот. Роскошные волосы твари превратились в пепел, серыми хлопьями осыпались на ковер и закрутились вокруг меня, подхваченные сквозняком из подъезда. Тварь содрогнулась. А сумасшедшее пламя почти погасло.

Джули выскочила из кухни с ножом в руке и нырнула в огненные всполохи, погрузив лезвие в живот твари. Чудовище, охваченное волной спазмов, затряслось. Девочка наносила удар за ударом, замахиваясь так, что умудрялась вырвать куски плоти из ещё горящего тела. Остатки выдержки исчезли из её глаз.

Я схватила её и потянула подальше от огня.

— Хватит!

Джули поднялась, хватая ртом воздух.

Тварь в последний раз треснулась о стену. Её спина хрустнула как ломающаяся ветка. Струйки серой жидкости брызнули из-под обуглившейся оболочки. Лужа растеклась, и тут же начала высыхать. Я открыла шкаф, вытащила оттуда пробирку для образцов, и собрала немного мерзкой жидкости. Закупорила заполненную примерно на треть пробирку. В пробе плавали частички пепла. Загрязнение, вероятно, хуже, чем в городской канализации. Не мой день.

Я положила образец на стол рядом с мечом и повернулась к Джули.

— Дай посмотреть на твои руки. О чем ты думала?

О чем она думала, я знала точно: либо я, либо меня. Тварь внушала ей страх. Но она не сбежала. Она не спряталась. Она приняла осознанное решение принять бой. И это было правильно. За исключением того, что нападение Джули на подобного монстра равносильно попытке остановить обученного добермана мухобойкой.

Обласканные языками пламени пальцы Джули покраснели. Ожог, вероятно, несильный.

Могло быть и хуже.

— На холодильнике тубик с мазью A&D. Смажь руки...

На секунду магия ушла и вернулась снова. Я посмотрела в дверной проем, с целью убедиться, что ничего не произошло внутри. За охранным контуром стоял высокий субъект. Рослый и слегка ссутулившийся, он был одет в белые тонкие одежды. Глубокий капюшон свисал почти до груди, скрывая лицо. Он был похож на покойника, завернутого в белое покрывало и готового к погребению.

Из-под капюшона раздался мужской голос: холодный, скрипучий, сухой, как звук ракушек, раздавленных тяжелой ногой.

— Отдай мне ребенка, человечешко.

Я столкнулась с марионетками и убила их, поэтому кукловод решил появиться сам. Как лестно. Я указала Джули на стену позади себя. Пусть она будет подальше от его глаз.

— Что ты можешь предложить ребенку?

— Жизнь.

— Это включает право на условно-досрочное освобождение?

Это выбило его из колеи, но всего лишь на мгновение.

— Отдай ребенка.

— Жизнь, хм? Это не очень хорошее предложение. Не должен ли ты как минимум предложить какие-нибудь сокровища и кучку симпатичных парней в придачу?

— Отдай мне девочку, — скомандовал он шелестящим голосом. — Ты — ничто, человечешко. Ты не представляешь угрозы. Мои ривы обглодают мясо с твоих костей.

Так у лохматых дам есть название! Я оскалилась.

— Ну, так зачем тратить время на болтовню. Давай, снимай капюшон и начнем.

Он отклонился назад и вскинул руки вверх. Ткань, раздуваясь пузырями и извиваясь, заскользила по его рукам. Призрачный ветер шевелил его одеяния. Ткань распахнулась, и я увидела его мерзкое лицо: узкая клыкастая морда цвета заживающих синяков, два огромных круглых глаза — мертвых, холодных и чужих, как глаза кальмара. В середине лба располагалась большая бледно-зеленая шишка, пульсировавшая так, точно какое-то уродливое сердце. Из шишки потекли две дорожки серой сукровицы, прокладывая свой путь меж жестоких глаз.

Из рукавов одеяния вырвались зеленые плетения, разделились на щупальца, которые сомкнулись над дверью и подняли Балахона в воздух. Он завис в сети из щупалец. Шишка начала пульсировать быстрее. Его шепот наводнил квартиру настолько, что я чувствовала его на коже.

— *Помоги-и-и...*

Его магия рванула пушечным выстрелом. Охранный контур на двери порвался как папирусная бумага, а волна прошла по мне и вылетела в кухонное окно. Если бы магия была материальной, она снесла бы стены. Пораженный этой силой, мой мозг потратил целое мгновение, чтобы осознать: охранный контур больше не защищает ни дверь, ни окно за спиной.

Вьющаяся прядь черных волос схватила меня за талию и с ужасающей силой и скоростью потащила к сломанному окну. Я ударилась о развороченную решетку. Боль огнем обожгла спину. Внутри стало горячо. Я вскрикнула.

Еще один черный локон обвил мою руку. Джули замерла с широко распахнутыми от ужаса глазами. Волосы стягивали меня сильнее и сильнее, сжимая грудь. Я не могла и

мускулом пошевелить. Стальной обруч сдавил легкие. Если бы я вырубилась, он бы забрал Джули.

-Убей... — проскрипел Балахон.

Челюсти прокусили мое плечо, но тут же разжались. Рива захрипела, обожженная моей кровью.

Она — нежить. Ей можно управлять, как и вампиром. Я потянулась к ее сознанию и ударилась о защитную стену Балахона. Непроницаемая.

Волосы снова крепко сжали. Без вариантов.

Боль пронзила спину. Я напряглась и произнесла одно единственное слово:

— *Amehe*. Повинуйся.

Слово силы далось неожиданно тяжело: возникло чувство, что внутренности вырвали из живота. Я заметалась в агонии. К счастью, стена, закрывавшая сознание ривы, рухнула. Теперь в сети из щупалец взвыл Балахон.

Передо мной, как зияющая дыра, открылось сознание ривы. Я собрала его в кулак и сжала. Аркан из волос ослаб. Они все еще держали меня, но удушающего сдавливания уже не было.

Я смотрела и глазами ривы, и своими собственными. Этим двойным зрением я увидела Джули, свернувшуюся на полу крошечным комочком. Балахон уставился на меня. Я чувствовала: он затаился в самых укромных уголках сознания ривы и выжидал. Переполненный ненавистью не просто ко мне, а к тому, кем я была, он кипел, едва сдерживая ярость. Мерзкая и озлобленная тварь, желающая покончить со всем родом человеческим. Во мне разрослось отвращение — инстинктивная реакция сродни ксенофобии. Столь сильная, что грозила затмить рассудок.

Я заставила волосы размотаться. Они медленно и неохотно отпустили меня. Даже со словом силы я не смогла бы долго удерживать риву. Стоит замешкаться и Балахон перехватит контроль.

Я отступила и втянула риву на кухню через решетку на окне.

Смотри сюда, сукин сын.

Повинуясь моей бессловесной команде, рива ударилась головой о стену.

Удар. Гипсокартон раскрошился и показался кирпич.

Удар. Растеклось красное пятно.

Удар. Ее череп лопнул, словно упавшее яйцо.

Ты не получишь моего ребенка, слышишь меня?

Рива размахнулась для финального удара, с её головы стекала красно-серая слизь. Присутствие Балахона в разуме твари пропало. Секундой позже я парировала её удар, и по-быстрому слиняла, пока умирающее сознание не утянуло меня за собой.

Удар.

Поток мерзкой жижи залил стену.

Спина вспыхнула, будто на раны налили раскаленное стекло. Комнату слегка качнуло. Я сжала зубы и подняла меч.

Балахон ждал у порога. Дорога была открыта. Меж нами не было магических стен.

Я медленно улыбнулась, обнажив зубы.

— Трои́м — крышка. Один на один. Ну, давай.

Щупальца сделались тоньше, сильнее натянув сеть. Стоя на носочках, я слегка подалась вперед, готовая мгновенно кинуться в бой.

Тут, к моему удивлению, щупальца отцепились, втянулись в рукава и под полы одежды. А сам Балахон сбежал. Его словно сдуло порывом ветра.

Я опустила глаза и успела заметить, как ноги Джули скрылись под столом.

Я нырнула под стол и чуть не упала! меня закружилась голова. От резкой боли, которая обожгла спину, перед глазами поплыли фиолетовые круги: я не могла рассмотреть обстановку. Нехорошо.

— Джули, мы должны убираться отсюда.

Она ударилась спиной о стену.

— Ты похожа на них. На людей из Братства.

— Нет. Ни капельки. — *Именно на людей из Братства. Я настолько похожа на них, что, если бы вы узнали, вы бы с воплями убежали прочь.* — Мы должны идти, Джули. Мы не можем оставаться здесь. Здесь может быть еще много этих тварей, а у нас вынесена дверь и выбиты окна. Нам придется уйти.

Она покачала головой.

Боль вновь пронзила позвоночник, и слезы потекли из глаз. Я не могла вспомнить случай, когда мне было настолько больно в последний раз. Пришлось приложить все усилия, чтобы тон моего голоса оставался мягким:

— Джули, это все еще я. Клянусь, что сделаю все возможное, чтобы ты оставалась в безопасности. Но сейчас мы должны бежать прежде, чем он вернется с подкреплением из нескольких рив. Давай же, милая, пойдем отсюда. Пожалуйста!

Она сглотнула и взяла меня за руку. Я помогла ей вылезти из-под стола.

— Вот это моя девочка! Пойдем.

— Что это была за магия?

— Запретная. Никогда и никому не говори, что я её использовала, иначе у меня будут серьезные проблемы.

Слова власти повелевают самой магией, они основные. Но недостаточно просто знать слова, ими нужно владеть, ведь нет возможности ошибиться: либо подчиняйся, либо умри. У самых опытных магов было по два или по три слова. У меня — шесть, но я не хотела объяснять, почему. Они являлись моим оружием на крайний случай.

— Твоя спина...

— Я знаю.

Было лишь одно единственное место поблизости, которое имело большую защиту, нежели моя квартира — Орден. Под ним пролегало хранилище. Его охранка не поддавалась чьему-либо воздействию, а для того, чтобы вынести бронированную дверь, понадобился бы огонь из гаубицы.

Я проверила телефон. Отключен. До Ордена не дозвониться.

Пятнадцать минут бегом до здания Ордена. Двадцать — с ребенком на буксире. Супер, я вполне смогу сделать это! Мне всего-навсего нужно что-нибудь принять, чтоб притупить боль. Хотя бы немного. Тогда будет легче.

В ванной был регнабор. Я шагнула по направлению к двери. Полоса жара поднялась вдоль позвоночника и взорвалась острой горячей болью у основания шеи. Она разрывала кости, выкручивала сухожилия и, не выдержав, я рухнула на колени и сильно ударилась об пол. Сжав рукоять меча изо всех сил, я постаралась вогнать его в деревянный пол, — мне нужно было как-то принять вертикальное положение. Я была обязана защитить ребенка!

Перед глазами все поплыло. Стены покачивались, как волны, грозясь утопить меня. Я

чувствовала запах собственной крови. Джули схватила меня за руку и всхлипнула:

— Ты должна встать. Давай же! Не смей умирать! Не умирай!

— Все будет хорошо, — прошептала я. — Все будет хорошо.

Магия отступила. А пробуждение техники принесло новую порцию боли.

Я должна была охранять дверь. Это все, что я могла сделать.

Я ТО ОТКЛЮЧАЛАСЬ, ТО ПРИХОДИЛА В СЕБЯдытаясь побороть туман в голове, когда почувствовала чье-то присутствие. Инстинктивно ударила и промахнулась.

— Ты чертово недоразумение, — донесся будто издалека голос Каррана.

Спасена Царем Зверюшек. Какая ирония.

— С ней все будет в порядке? — спросила Джули.

— Да.

Я почувствовала, как Карран поднял меня с пола. Ох уж это блаженное чувство невесомости!

— С ней все будет хорошо. Пойдем со мной. Теперь ты в безопасности.

КРОВАТЬ БЫЛА НЕВЕРОЯТНО УДОБНОЙ течение длительного времени я блаженствовала, наполовину утонув в роскошных мягких перинах. Благодаря действию исцеляющей магии боль отступила, и взамен ей пришло успокаивающее тепло. Небольшой дискомфорт еще оставался, но тот факт, что я была жива, делал меня невероятно счастливой. Стоило мне вжаться поглубже в подушку, как я увидела часть стального лезвия, лежащего рядом со мной на одеяле. Протянув руку, коснулась Убийцы.

— Проснулась, моя госпожа? — произнесли знакомым голосом.

Дулиттл, самопровозглашенный врач всех оборотней Стаи и чудовищ^[12], сидел в кресле рядом с настольной лампой, а на коленях лежала старинная потрепанная книга. Он ни капельки не изменился: та же черно-голубоватого оттенка кожа, те же седые волосы и та же полуулыбка на губах. Он заштопал меня дважды во время осады сталкера из Рэд Пойнт. Лучшего мага-целителя не найти во всей Атланте.

Я обняла свою подушку.

— И вновь мы встретились, Доктор.

— Действительно.

— Со мной там была девочка?

— Она внизу. Дерек развлекает её. Полагаю, она получает огромное удовольствие, находясь в его компании.

Дерек — обладатель больших карих глаз и сногшибательной улыбки. У Рэда не было ни единого шанса против него.

— Что со мной было?

Я не хотела оскорблять Дулиттла, спрашивая о своей окровавленной одежде. Знала, что он уже сжег её.

— Тебя отравили. Каждый раз с нашей первой встречи, ты испытываешь мои навыки на прочность.

— Извини. Спасибо, что спас меня.

Он покачал головой:

— Не я спас тебя, а всплеск. Мощные потоки магии усиливают заклинания. В том числе и те, которыми орудовал ваш покорный маг-целитель.

Холодок пробежался по спине.

— Неужели я была на волоске?

Он кивнул.

Я практически умерла. Я могла припомнить несколько моментов, когда была на грани смерти, но еще ни разу в подобных ситуациях от меня не зависел ребенок. *Молодчина, Кейт. Угораздило же тебя стоять именно у окна. Тупица!*

Как только я смогу ходить, то должна буду найти безопасное место для Джули. Мысли о том, что эти длинные когти разрывают ее, доводили меня до паники.

— Где я?

— В Юго-восточном офисе Стаи. Была мысль отвезти тебя в Сторожевую башню, но, посоветовавшись, мы решили не делать этого.

Это напомнила мне разговор, состоявшийся около десяти недель назад: он повторялся слово в слово. Разве что в прошлый раз я обрушила полуразвалившийся небоскреб и, в придачу, привлекла несколько сотен вампиров.

Я усмехнулась:

— Как я сюда попала?

— Его Величество принес тебя, — ухмыльнулся он в ответ. Эта часть так же повторялась.

— Что на этот раз? Он сгорел дотла, или его разрезали напополам?

— Ни то, ни другое, — послышался голос Каррана.

Если бы я стояла, то подпрыгнула бы от неожиданности. Карран застыл посреди комнаты. Молодая женщина рядом с ним держала поднос с четырьмя мисками.

— Однако он очень расстроен, так как был разбужен, чтобы спасти одну дуру, которая всегда откусывает больше, чем может прожевать.

Дулиттл поспешно встал, поклонился и вышел. Карран указал на стол у подножия кровати, и женщина, поставив туда блюдо, так же удалилась. Дверь с щелчком закрылась, оставив меня наедине с Царем Зверюшек.

Ой, радость-то какая! Я не хотела видеть Каррана. По крайней мере предпочла бы лицезреть его, находясь в лучшей форме. Этому злобному и порочному сукину сыну доставляло удовольствие наблюдать за моими мучениями.

Сейчас я была беспомощной и валялась в постели на территории Стаи, куда он собственноручно принес меня! Я хотела провалиться сквозь перины. Может, я могла бы притвориться засыпающей, а он просто бы ушел?

Карран посмотрел на меня и вынес вердикт:

— Дерьмово выглядишь.

— Спасибо, я стараюсь.

Он же, напротив, выглядел хорошо. На пару дюймов выше меня, широкоплечий, с отлично развитой мускулатурой, отчетливо проглядывающей через футболку, Карран двигался с природной грацией. Очень сильный и естественно быстрый, он создавал впечатление урагана, который, если разыграется, сможет с легкостью разрушить все вокруг. Когда я видела его в последний раз, светлые волосы были очень коротко острижены; сейчас он отрастил их, и они стали завиваться. А я и понятия не имела, что у Каррана были волнистые волосы.

Повелитель Обратней поднял одну из мисок и рассматривал её в течение пары секунд, словно решал вопрос особой важности, затем протянул её мне. Аромат был неземным.

Внезапно меня одолел дикий голод. Я села и схватила миску обеими руками. И в этот же момент отпустила её, — температура напоминала раскаленную лаву.

— Идиот!

Он поставил миску на одеяло передо мной и протянул мне ложку.

Бывают же в жизни моменты, когда нет ничего лучше, чем тарелка куриного супа.

— Спасибо. За суп и за спасение моей задницы. Снова.

— Пожалуйста.

— Ты получил доказательства? Они были...

— На комод. Заткнись и ешь свой суп.

Карран взял стул, на котором до этого сидел Дуллитл, и поставил рядом с кроватью. Если бы я протянула свою ногу, то могла бы коснуться его. Слишком близко, чтобы чувствовать себя комфортно. Я пододвинула меч поближе к себе.

Карран наблюдал за мной, пока я ела. Сидя вот так просто, в расслабленной позе, он казался почти обычным человеком: мужчина чуть старше меня и, на вид просто красавец. За исключением глаз. Они всегда отталкивали. У него был взгляд альфы — убийцы и защитника, для которого жизни Стаи значили всё, а жизни отшельников — ровным счетом ничего. Карран не одаривал меня своим фирменным пристальным взглядом; он просто наблюдал. Но меня так просто не одурачить: я знала, насколько быстро эти глаза могли превратиться в смертоносное золото, и видела, что происходит, когда это случается.

Карран держал в подчинении более пятисот оборотней. Полтысячи душ, застрявших между зверем и человеком. И каждый из них — серийный убийца, ждущий своего часа. Волки, гиены, крысы, кошки и медведи, — их всех объединяли лишь две цели: желание остаться человеком и преданность Стае. А Карран был этой самой Стаей. Они преклонялись земле, по которой он ступал.

— Так вот в чем секрет, — сказал Повелитель Оборотней.

Я замерла, так и не поднеся ложку ко рту. Вот оно. Он выяснил, кем я являлась, и собирался играть со мной.

— Ты в порядке? А то побледнела.

Он в любую минуту мог прекратить весь этот фарс и разорвать меня на куски. Если повезет.

— Какой секрет?

— Секрет, как заткнуть тебя. Мне придется избивать тебя до полусмерти, а потом протягивать куриный супчик, но, вуаля, — он развел руки, — блаженная тишина.

Я вернулась к поеданию супа. Ха-ха. Как смешно.

— А ты о чем подумала?

— Не знаю, — пробормотала я. — Пути Повелителя Оборотней неисповедимы для такого скромного наемника, как я.

— Ты не скромная.

По крайней мере он по-прежнему относился ко мне так, словно я была на ногах, готовая в любой момент защищаться, а не валялась в постели, поедая куриный супчик. Кстати, суп... Я отставила миску в сторону и с тоской взглянула на поднос. Однозначно хотела еще. Маг-целитель заставил мое тело сжечь множество калорий в ускоренном темпе, поэтому я была жутко голодна.

Карран взял миску с голубой каймой и подал её мне. Его пальцы не просто коснулись моих, когда я потянулась, чтобы взять добавку, а задержались. Я посмотрела ему в глаза и

увидела крошечные золотые искры, пляшущие в серых тучах. Его губы разомкнулись, открыв взору узкую полоску зубов.

Я схватила миску и по возможности отодвинулась от него подальше. Намек на улыбку появился на его лице. Он нашел меня забавной. Это определенно не та реакция, которую ожидала, учитывая мою репутацию в Ордене.

— Почему ты спас меня?

Он пожал плечами:

— Я ответил на звонок и услышал голос ребенка, который бился в истерике на другом конце линии и кричал, что ты умираешь. Девочка говорила еще что-то про то, что осталась одна среди нежити. Я подумал: это может быть интересным концом скучного вечера.

Чушь. Он пришел из-за Джули. Вервольфы страдали от ужасно высокого уровня детской смертности: половина рождалась мертвой, а еще четверть убивали до того, как они успевали стать подростками. Как и все оборотни, Карран боготворил детей и ненавидел вампиров. Возможно, он решил убить двух зайцев одним ударом: спасти Джули и приблизить её к своему народу.

Я нахмурилась:

— Откуда Джули узнала, как позвонить сюда?

— Нажала кнопку «повторный вызов», я полагаю. Умный ребенок. Ты расскажешь мне, во что вляпалась.

Это был не вопрос, но я приняла его как таковой.

— Нет.

— Нет?

— Нет.

Он скрестил руки на груди, благодаря чему его бицепсы стали еще больше. Я живо вспомнила, как схватилась за эти стальные мышцы, когда Карран поднимал меня с пола за горло.

— Знаешь, что мне в тебе нравится? У тебя напрочь отсутствует логика. Ты находишься в моем доме, едва можешь ложку держать в руке и при этом говоришь мне «нет». Ты дернула бы смерть за бакенбарды, если бы смогла до них дотянуться.

На самом деле смерть была не такой уж и недостижимой: если бы я могла вытянуть ноги, то уже пнула бы Его Величество.

— Я спрошу еще раз: что ты натворила?

Это была бессмысленная битва. У Джули не было никаких шансов против Дерека. Она расскажет ему все, что знает, а тот, в свою очередь, передаст это Каррану. Но будь я проклята, если позволю этому оборотню запугать меня и заставить прогнуться!

— Понятно. Я получаю сведения от Стаи, которые утекают словно сквозь пальцы. В ответ на это ты приносишь меня сюда против моей воли, допрашиваешь и угрожаешь физической расправой. Я уверена: Орден будет удивлен, узнав, что Стая похитила своего представителя.

Карран задумчиво кивнул:

— Ага. И кто им об этом скажет?

Хм... хороший вопрос. Он мог просто убить меня, и никто и никогда не нашел бы мое тело. Орден даже не будет расследовать что-то столь сложное; они могут списать это на безумный всплеск магии.

— Я полагаю, мне придется надрать тебе задницу и выкинуть тебя отсюда.

Я, оставив все приличия, мужественно допила остатки бульона из миски. *Наверное, не стоило этого говорить.*

— Мечтать не вредно.

— У нас так и не было реванша. Я могла бы победить. — *Наверное, и этого тоже не стоило говорить.* — Ванная?

Карран указал на две двери слева от него.

Я выбралась с постели. Мне необходимо было принять ванну. Вопрос был только один: удержат ли меня мои ноги?

Карран улыбнулся.

— Что тебя так рассмешило?

— У тебя трусики с бантиком.

Я посмотрела вниз. На мне была надета короткая майка — не моя — и мои голубые трусики с узкой белой полоской кружева и маленьким белым бантиком. Интересно, если бы я не вылезла из-под одеяла, убил бы он меня прежде, чем проверил, во что я одета?

— И что не так с бантиками?

— Ничего, — теперь он улыбался во весь рот. — Я ожидал увидеть колючую проволоку. Или одну из тех стальных цепей.

Умник.

— Я достаточно уверена в себе для того, чтобы носить трусики с бантиками. К тому же они очень мягкие и удобные.

— Готов поспорить, — он почти мурлыкал.

Я сглотнула. Итак, я должна была либо ползти обратно в постельку и накрыться одеялом, либо свалить в ванную. Поскольку писать на себя в мои планы не входило, оставался только один вариант.

— Я думаю, ты будешь не против моего уединения?

— Ничуть.

Я попыталась встать с постели. Все было под контролем до тех пор, пока вес тела не переместился на ноги: они, не выдержав, подогнулись, а комната поплыла перед глазами. Карран поймал меня. Его руки подхватили меня под спину. От его прикосновения тысячи электрических разрядов прошли по моей коже. *О, нет.*

— Нужна помощь, надирательница задниц?

— Я в порядке, спасибо.

Я оттолкнула его. Он держал меня еще секунду, давая понять, что может это делать со смехотворной легкостью и против моей воли, а затем отпустил. Я стиснула зубы. *Наслаждайся, пока можешь. Я скоро вновь встану на ноги.*

Я отошла от него, успешно удерживая вертикальное положение, и нацелилась на ближайшую дверь.

— Это шкаф.

Почему я?

Я изменила направление, вошла внутрь ванны и выдохнула. Определенно, он был слишком близко для того, чтобы я могла чувствовать себя комфортно.

— Ты там в порядке? — спросил он. — Тебе нужна моя помощь? Я мог бы поддержать тебя или сделать что-нибудь еще.

Я заперла дверь и услышала его смех. Ублюдох.

К счастью, в ванной нашелся белый халат, который помог мне появиться перед ним

вновь, но уже с чувством собственного достоинства и недоступности. Карран поднял брови, однако промолчал.

Я добралась до постели, улеглась и обняла свой меч. Пока я была в ванной, у меня отняли мой суп. Я его даже недоела.

За окном было темно.

— Сколько времени?

— Раннее утро. Ты была в отключке на протяжении шести часов. — Неожиданно его взгляд стал тяжелым: — Чего ты хочешь?

Я моргнула:

— Извини?

Он заговорил медленно, растягивая слова так, словно у меня были проблемы со слухом:

— Зачем тебе понадобились карты?

Я захотела с размаху ударить его по губам.

— Один из членов Стаи пришел ко мне за помощью. Если я расскажу тебе, ты пообещаешь мне не наказывать вовлеченных?

— Я не могу давать обещаний, потому что не знаю, что ты скажешь. Но ты должна мне рассказать в любом случае. Я любопытный, и мне не нравится находиться в неведении.

— И ты не придешь в кровавое буйство?

— Я начинаю уставать от твоей болтовни.

Он сжал челюсти. Ноздри расширились. Когти выросли, а верхняя губа приподнялась, обнажив огромные зубы. Я уставилась на кошмарное лицо, ужасающую комбинацию человека и льва. Если создание, которое весило более шестисот фунтов в облике животного, можно было назвать львом. Части тела — руки, ноги, даже его волосы и кожа — сейчас были человеческими. Но его глаза никогда не менялись.

У оборотней есть три обличия: животное, человек и своего рода переходное состояние. Они могли принимать любую из трех форм, однако всегда меняли форму полностью. Большинству приходилось как следует напрягаться, чтобы удерживать получеловеческую форму. Умение говорить считалось огромным успехом. Только Карран мог делать это: изменять части своего тела, удерживая при этом человеческое обличье.

Обычно у меня не возникало проблем с полулицом Каррана. Оно было пропорциональным, — многие оборотни страдали синдромом «мои челюсти слишком большие и не смыкаются». Но я уже привыкла к этому пушисто-серому полулицу. Вид натянутой кожи вызывал тошноту.

Он заметил мои героические усилия, когда пыталась не блевануть.

— Что теперь?

Я провела рукой около лица.

— Мех.

— Что ты имеешь ввиду?

— На твоём лице нет меха.

Карран коснулся своего подбородка. И в этот же момент все следы зверя в нем исчезли. Он сидел передо мной в облике человека.

Карран помассировал челюсть.

Зверь становился сильнее во время магического всплеска. Раздражение Каррана вызвало ослабление контроля над шерстью.

— Возникли технические неполадки?

Спросила я и тут же пожалела об этом. Указывать любителю покомандовать на его потерю контроля, было не самой блестящей идеей.

— Тебе не следует провоцировать меня, — его голос стал низким. Мужчина выглядел голодным. — Ты ведь не знаешь, что я мог бы сделать, не контролируя себя полностью.

Помогите! Помогите!

— Я содрогаюсь от одной лишь мысли.

— Обычно я произвожу такое впечатление на женщин.

Ха!

— Это происходит до или после того, как они писают под себя и показывают тебе свои пушистые животики?

Он наклонился вперед.

— Я ухожу. Последний шанс.

— Мийонг пришла, чтобы повидаться со мной.

— Ох, — сказал он. — Это.

Мышцы на его лице натянулись. Мы сидели в мрачной тишине в течение нескольких минут. Я ждала до тех пор, пока терпение не помахало мне ручкой.

— Мийонг, — сказала я мягко.

— Ты знаешь за кого она хочет выйти замуж?

Она хочет выйти замуж за «моего возможного бывшего» парня, которого я обвинила в похищении, сексуальных пытках и каннибализме.

— Да.

— И ты с этим соглашаешься?

— Да.

— Чушь собачья.

— Возможно, я не соглашаюсь с этим в той мере, в какой хотелось бы. Но и на расстоянии друг от друга я их тоже держать не хочу.

Мне было не очень приятно видеть Мийонг. Её появление ударило по самолюбию. Меня не особо волновало, что она считала себя явно лучше меня. И все же это немного беспокоило. Она, без сомнения, была красивее, элегантнее и изысканнее. Но так же была как... как умирающий лебедь. Она относилась к тому типу женщин, которые, если попросить их сделать чай, возвращаются из кухни и говорят, что вода закипела. В этом случае они ожидают, что на это отреагируют незамедлительно, точно на чрезвычайную ситуацию. Они же будут скромно стоять и ждать.

— Думаю, я повел себя разумно в данной ситуации.

— Как ты догадался?

— Они все еще дышат, не так ли?

Может он действительно её любил и потерять её было больно. Но возможно, это было его эго, говорящее: гордый альфа, брошенный красивой женщиной ради обычного слабого человечка, который не нравился ни одному оборотню из тех, что пересекались с ним. При желании я могла бы сделать лучше, как для меня, так и для него. Но этот единственный способ означал бы их освобождение.

— Прошу, отпусти их.

Он поднялся.

— Мы поговорим об этом позже.

— Карран?

— Что?

— Ты почувствуешь себя лучше, если отпустишь их.

— Что заставляет тебя думать, что меня это беспокоит?

Он хотел сказать что-то еще и почти сделал это, но за долю секунды передумал и ушел.

Я почувствовала себя очень одинокой, сидя на кровати. Последний раз я ощущала себя подобным образом, когда умер Грег.

Развязав пояс халата, улеглась на постель. Поход в ванную и напряженный разговор вымотали меня. Я хотела, чтобы Карран дал им возможность пожениться. Тогда я смогла бы покончить со всем этим.

Что-то пошевелилось с внешней стороны окна. Я подняла голову. Ничего. Просто прямоугольный вид светлеющего неба перед восходом. Мы были на втором или на третьем этаже. Поблизости ни одного деревца. Я легла обратно на подушку. Чудесно, у меня галлюцинации!

Тук-тук-тук.

Ривы? Нет, — эти дамы не стучат. Я выскользнула из постели и подошла к окну. Ни заборов. Ни сигнализации. Когда есть возможность учуять каплю крови в пяти литрах воды, вы явно не станете заморачиваться с сигнализацией. Надо быть полным психом, чтобы рискнуть вломиться в дом, полный монстров. Я отвернулась.

Тук-тук-тук.

Ну ладно, хорошо. Я поиграю. Щеколда на окне была старого типа, тяжелая и металлическая. Я положила меч на подоконник, так как необходимо было задействовать обе руки, чтобы отодвинуть щеколду и открыть створку.

За окном простиралась пустая неосвещенная улица. Подо мной был небольшой выступ из стены, отделанной облицовочными кирпичами.

Бран вскочил на выступ прямо передо мной. Его руки сжали мои, прижав их к подоконнику.

— Привет голубка, — он оскалился. — Смотри-ка, у тебя нет твоего милого ножичка, а у меня твои руки. И что же ты будешь делать?

Я ударила лбом по его носу.

— Ау!

Он потерял равновесие, выпустил меня и стал размахивать руками, а я резко ухватила его за куртку, когда он едва не упал. Моя рука нащупала знакомый пластиковый пакет. Невероятно.

Я затащила его в комнату, украв карты из-за пояса его кожаных штанов. Эти усилия едва не стоили мне падения на пол. Я зарычала:

— Ты опять украл карты? У тебя есть предсмертное желание?

Небольшое количество крови вытекло из его носа.

— Я не могу в это поверить, на хрен. Сломала мой нос дважды за один день. Ты должна мне за это.

Он вскочил на ноги и бросился на меня. И остановился, когда лезвие меча коснулось его груди. Я была слаба, но в то же время оставалась быстрой.

— Кто ты, что ты здесь делаешь, кто такой Балахон, для чего ему нужна Джули и где мать Джули?

— И это все?

Он вытер тыльной стороной ладони красное пятно с губ.

— Да... Нет. Почему так важен котел, куда он делся и каким образом тут причастна Морриган? Куда ты отправляешься, когда исчезаешь? И почему ты продолжаешь воровать карты? Вот теперь все.

Он слегка надавил на кончик меча.

— Теперь я понял. Тебе нужны лишь мои знания. Кто такой Балахон?

— Белая мантия, щупальца...

Его глаза загорелись.

— Я тебе скажу. Ты положишь карты на кровать, прямо вот сюда. На счет три каждый из нас попытается их схватить. Если ты победишь, я скажу тебе, кто он. Если победа будет за мной, я возьму тебя.

— Меня?

Бран подмигнул.

— Милый бантик, кстати.

Я взглянула вниз. Ну конечно, мой халат распахнулся. Весь мир теперь знает, что у меня есть бантик на трусах.

Я завязала пояс халата.

— И как долго я буду твоей? Вечность?

Он окинул меня оценивающим взглядом.

— Без обид, но ты не настолько горяча. Есть и другие рыбешки в море. Одна ночь.

Мне придется дать ему то, что он хочет. Настоящий талант: польстить и оскорбить женщину в одной фразе.

— И не будет никаких исчезновений со спецэффектами в виде тумана, чтобы обманом забрать карты?

Он поднял свои руки:

— Хорошо, договорились.

— Поклянись именем Морриган, что ты заплатишь, если я выиграю.

Это была авантюра. Я наблюдала за его реакцией, и вот оно: он колебался. Для него имя Морриган имело вес. Значит, она вполне могла быть его богиней-покровительницей.

— Клянусь Морригхан, что сдержу слово.

Бран произнес имя Морриган на другой лад, что, вероятно, было правильнее...

Я бросила меч на кровать, не спуская с него глаз, и положила карты на простыни.

— Назад три шага.

Мы одновременно отступили: он — в середину комнаты, а я — к стулу у стены.

— На три. Раз, — сказал Бран, наклонившись вперед, подобно бегуну, — два...

Он рванулся к картам. Я схватила стул и ударила его им. Мужчина упал. Я ударила его еще раз, чтобы убедиться в том, что он действительно остался на месте, перешагнула через растянувшееся тело и взяла карты.

— Моя победа.

Теперь если бы еще и комната перестала вращаться, я была бы в полном порядке.

Бран застонал. Послышался поток отборных ругательств.

— Твоя проблема в том, что ты недооцениваешь меня только потому, что я женщина, — я пихнула его ногой. — Имя Балахона?

— Пастырь Болгор Фомойре.

Туман закрутился вокруг него, и он исчез.

Мои ноги, обессилев, подогнулись, и я совершила аварийную посадку на постель.

Фомойре? Фомориане — демоны моря? Старые противники Морриган. Теперь вонь от рыбы имела смысл: ну конечно, морской демон будет вонять, как рыба. Я нахмурилась: Бран служил Морриган, а Морриган и фомориане ненавидели друг друга. Теперь все ясно. Но что этому пастырю понадобилось от Джули?

Дверь распахнулась, и в комнату влетел Дерек в сопровождении двух женщин-оборотней.

Я протянула карты.

— Вот. Дважды за день. Ты у меня в долгу.

Дерек взял карты из моих рук и понюхал их, в то время как женщины проверили окно.

— Он ушел, — сказала та, что помладше.

Лицо Дерек задрожало от ярости:

— Я собираюсь найти его. Никто не совершает подобное дважды.

— Что здесь происходит? — Карран вошел в комнату.

Дерек побледнел. Ну, удачи в объяснениях касательно колоссального нарушения безопасности.

Туман смерчем закрутился по комнате, и Бран, резко распахнув мой халат, сжал мои плечи и поцеловал меня. Его зубы ударились о мои. Я подняла колено в попытке ударить, но он ожидал этого и заблокировал мою ногу своей. Бран понял, что ему не удастся проникнуть языком в мой рот, и отпустил меня.

— Все равно ты будешь моей, — пообещал он.

Карран бросился на него, но поймал лишь остатки тумана.

Я вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Он причинил тебе боль?

Если бы я умела метать молнии глазами, то поджарила бы задницу Каррана уже на месте.

— Зависит от того, что в твоём понимании боль. Что за шоу ты здесь устроил?

Карран зарычал.

— Весьма впечатляет, — сказала я ему. — Жаль, он тебя не слышит.

Я запахнула свой халат, снова забралась в постель и закуталась в одеяло. За эту ночь мне уже надоело смущаться.

Я ПРОСНУЛАСЬ ИЗ-ЗА НЕПРИЯТНОГО ОЩУЩЕНИЯ, ЧТО КТО-НАБЛЮДАЛ ЗА МНОЙ. ОТКРЫВ глаза, увидела Джули в дюйме от моего лица. Мы смотрели друг на друга не меньше минуты.

— Ты не собираешься умирать? — ласково спросила девочка.

— Не сейчас.

Обычно, когда говорят что-то подобное, ситуация частенько становится фатальной. Я приготовилась к тому, что в любую минуту на мою голову мог обрушиться метеоритный дождь.

— Это хорошо, — произнесла Джули радостным голосом.

Она заползла на мою постель и свернулась калачиком, обхватив руками колени.

— Я испугалась. Я всегда боюсь, когда мама идет на работу. — Она положила голову на мои руки. — И когда уходит Рэд.

— Жизнь — тяжелая штука.

— Ничего не поделаешь.

Я не знала, что сказать. Дети обычно не понимали, что есть смерть. Они чувствовали бессмертие и надежность. Но Джули понимала всю суть смерти так, как понимал бы взрослый, и не могла смириться с этим. А я понятия не имела, как ей помочь.

— Я хотела спросить тебя о том, что ты сказала Рэду. — Если бы только я могла это выяснить, используя правильные слова. — Ты сказала, что отдала бы ему то, что у тебя есть. Что ты имела в виду?

Она пожала плечами:

— Секс. Рэд знает ритуал, который передал бы ему мои силы, если я займусь с ним сексом.

Я уставилась на неё, потеряв дар речи. В сказанных ею словах было столько ошибочных суждений, что мой мозг моментально отключился.

— Мне они не нужны. Не такая уж большая ценность. Ну, могу я видеть цвета магии. И что с того? Если я отдам свой дар, Рэд станет сильнее и сможет защитить нас обоих. Я бы сделала это сейчас, но он хочет подождать. Говорит, если мы сделаем это, когда я вырасту, он получит больше силы.

— Джули, ты доверяешь мне?

Вопрос безмерно удивил её.

— Да.

Я глубоко вдохнула и на выдохе выпалила:

— Не существует заклинания, которое передает силы от одного человека к другому.

— Но...

— Позволь мне закончить. — Я села, изо всех сил стараясь сделать голос нормальным. — Существует одно заклинание, позволяющее подражать чьей-то силе. На время. Его придумали ведьмы. И да, оно включает в себя секс. И да, можно повернуть это таким образом, что другой человек подумает, что его силы исчезли. Но они никуда не денутся. Тут всё несколько сложнее. Твои силы — это то, что ты есть. Они в твоей крови, в твоих костях, они в каждой клеточке твоего тела. Из-за этого люди сжигают окровавленные повязки: магия остается в крови даже после того, как бинты снимут с ран.

Именно поэтому, если кто-нибудь когда-нибудь решил бы пальцем тронуть мои окровавленные бинты, мне пришлось бы избавиться от него.

Она открыла свой рот.

— Позволь я кое-что расскажу тебе о заклинании. Оно называется зеркальный замок. Ты знаешь, что из себя представляет секс?

Около секунды девочка колебалась: с одной стороны, она хотела доказать мне, что я была в полном дерьме, с другой, желала показать свои знания о взрослой жизни. Потребность произвести впечатление победила.

— Да. Мужчина засовывает свою шпуку...

— Пенис.

— ...пенис в женщину.

— И что происходит в конце?

— Оргазм.

— И что происходит при оргазме у мужчины?

Кейт Дэниелс, специалист-сексолог. Убейте меня, кто-нибудь!

— А-а-а?

— Сперма выходит наружу. Он кончает.

— И так беременеют.

Она кивнула.

— А теперь, помнишь о том, что магия есть в крови? Так вот в сперме она так же присутствует. Мужское семя очень мощное. В нем очень много магии. И вот каким образом работает зеркальный замок: ведьма спит с мужчиной. Его семя находится в её теле, сохраняясь дней пять максимум. Пока оно находится в женщине, она может использовать его для подражания магии мужчины. Эти силы не будут такими же мощными, как у их обладателя. Тем не менее, если она всё сделает правильно, они у неё будут. В тот момент, когда женщина спит с мужчиной, она произносит заклинание, увеличивая ощущения мужчины и изрядно выматывая его. Он слабеет, поэтому даже если он попытается использовать свою магию, то не ощутит на это сил. Когда действие заклинания заканчивается, мужчина вновь возвращается в нормальное состояние.

Я натыкалась на зеркальный замок дважды, и в обоих случаях жертвы убивали ведьм. Это было отвратное заклинание, используемое почти всегда для неправильных целей.

— Теперь ты понимаешь, почему оно работает только тогда, когда женщина применяет его. Женские флюиды не проникают в тело мужчины в достаточном количестве для того, чтобы заклинание работало в обратную сторону.

Я наблюдала, как Джули впитывала информацию. Лучше бы мы на этом остановились.

— Кто-то, возможно ведьма, рассказал Рэду о заклинании. Оно опасное, Джули. Много может пойти не так. Рэд в достаточной мере осведомлен о магии, чтобы понимать, насколько велик риск. Если он задумается как следует, то поймет, что оно работает лишь в одну сторону. Но Рэд так хочет заполучить силы, что уцепился за этот шанс.

Я намекнула ей, к чему веду этот разговор.

— Рэд меня любит!

— Рэд больше любит власть. Что это за парень такой, если он пытается отнять у тебя силы? Использовать тебя подобным образом? Секс — это... — я подбирала слова, — это интимный момент. Он происходит по любви. Черт возьми, он, по крайней мере, должен быть таким. Ты делаешь это, потому что хочешь осчастливить другого человека и себя.

Она сморгнула слезы.

— Если я отдам ему свои силы, это сделает его счастливым. И в этом случае я тоже буду счастлива!

Хорошо, что Рэд прятался далеко отсюда, поскольку имей я возможность дотянуться до него руками в эту секунду, свернула бы ему шею.

— Ты чувствующая. Одна на десять тысяч. Ты и твоя мама все время переживаете насчет денег, верно? Джули, при небольшой тренировке ты сможешь получить в три или в четыре раза больше, чем я получу за пару лет. Люди будут привозить тебе деньги на грузовиках. Они оплатят твое обучение в школе, стоит только рассказать им про цвета магии, что их интересует. Но даже если бы у тебя были самые бесполезные силы на свете, даже если бы все, на что ты была бы способна — выпустить газы после щелчка пальцев, я бы все равно сказала тебе то же самое. Ты не должна отказываться от своей сущности ради того, чтобы кого-то сделать счастливым.

— Я сама решаю, что делает меня счастливой!

Девочка соскочила с кровати и потопала прочь.

— Если что-то кажется неправильным, возможно, так оно и есть.

Джули хлопнула дверью. Ну что ж, я сумела справиться с ней в привычной манере: уловками и крайне вовремя. Я встала, оделась и отправилась на поиски чего-нибудь съедобного.

У МОЛОДЫХ ОБОРОТНЕЙ БЫЛО НЕ ТАК МНОГО ВРЕМЕНИ, чтобы найти себя. Когда наставало время пубертатного периода, у них было всего два варианта: стать диким или поступить так, как велит кодекс.

Стать диким означало отказаться от самоконтроля и передать тело во власть зверя. Дикие питались человеческой плотью. Они упивались болью и садистскими извращениями, плавно переходя от одной грандиозной пытки к другой. Прервать эту цепь издевательств могли только оружие, меч или когти, вылечивавшие сразу от всех болезней. Или вирус ликантропии, выжигал их тела. Дикие погибали молодыми, не успевая оставить за спиной много трупов.

Поступать по кодексу означало контролировать каждое свое движение. Свободный от кодекса народ предпочитал оставаться в человеческом облике; он готов был пойти на чрезвычайные меры, только чтобы удержать зверя на коротком поводке. Жить по Кодексу — значило соблюдать строгую психологическую подготовку, дисциплину, иерархию, повиновение и нести бремя ответственности. Все эти качества в равной степени сводили меня с ума.

Отдельные лица, пережившие суровые испытания Кодекса, приобретали схожие черты. Они знали свои границы. Избегали курения, резких ароматов духов, ликеров и специй, поскольку те притупляли нюх. И редко впадали в крайности.

За исключением того момента, когда наступало время для еды. Обратни ели как свиньи. И я старалась не отставать от них: неизвестно, когда еще мне представится возможность поесть.

Я находилась на кухне одна — для завтрака, мягко говоря, было уже поздно. Я только успела разочек укусить, как в комнату зашел Дерек и сел напротив меня. В руках он нес старомодную банку из-под кофе и усиленный резак. Он вытащил большой железный гвоздь из банки и какие-то провода и начал резать их на двухдюймовые полоски. Я

наблюдала, как он согнул гвоздь зигзагом. Парень скатал металлические полосы в рулон, словно это была глина, и зажал их гвоздем.

Хорошо быть вервольфом.

— У тебя здесь есть копия «Альманаха»?

Дерек встал и принес мне «Альманах мистических существ».

— Спасибо.

Я листала его, пока ела бекон. Просмотрела записи о Морриган. Никакого Пастыря Болгора. Никаких упоминаний о ривах. Ничего о лучнике. Конечно, если бы о них писали здесь, я бы знала это: несколько раз читала Альманаха от корки до корки. Там редко можно было встретить верное описание всех деталей, однако это был хороший гид по магическим существам.

Чуть позже, когда я приступила ко второй порции, Джули появилась и молча села рядом со мной. Дерек добавил еще больше металлических полосок к гвоздю и плотно зажал их.

— Дерек, если бы мальчик захотел отобрать силы у девочки посредством секса, что бы ты сказал?

— Я бы сломал ему что-нибудь. Например, ногу или руку. — Оборотень стянул провода сильнее. — Может не убил бы, но только если бы он не стал раздувать из этого проблему.

— А что если девочка захочет отдать свои силы мальчику?

— Тогда, думаю, это довольно глупо, — он пожал плечами. — Такое можно сделать?

— Нет.

— Хорошо для девочки: повод стать умней и найти другого мальчика, — парень разжал руку и протянул Джули металлическую розу. — Это тебе. Кейт, если закончила с трапезой, Карран хочет видеть тебя. Он сейчас на крыше.

Я пошла за ним к лестнице. Мы поднялись на третий этаж, где еще одна небольшая складная лесенка вела к выходу, через который виднелся кусочек голубого неба. Я вскарабкалась по ней и вышла на плоскую крышу здания.

Все пространство наверху было заполнено различными свободными весами. Карран лежал на массивной скамье с усиленной стальной рамой. Он отработывал жим лежа, поднимая гриф с дисками и возвращая его обратно на грудь медленными, четко контролируемые движениями. Он не филонил: не позволял грифу «отталкиваться» от грудной клетки.

Я подошла ближе. Гриф был толще моего запястья. Видимо изготовлен на заказ. Я попыталась подсчитать вес: средний гриф весит около сорока пяти фунтов, стандартные диски тоже. Однако это не выглядело нормальным.

Я стояла в стороне и наблюдала за поднимающимся и опускающимся грифом. На Карране была старая порванная футболка, под тканью которой виднелись перекачивающиеся мышцы.

— Сколько ты поднимаешь?

— Семьсот.

А, тогда ладненько. Я только постою прямо вот здесь, в сторонке, подальше от тебя. Надеюсь, ты не помнишь моего обещания надрать тебе задницу?

Он скривился.

— Хочешь подстраховать меня?

— Нет, спасибо. Как насчет того, что я просто буду распевать подбадривающие кричалки? — Я глубоко вздохнула и рывкнула: — Без боли нет результата! Боль — это лишь

слабость, покидающая твое тело! Давай! Толкай! Толкай! Сделай его, сука!

Карран взорвался от смеха. Штанга замерла в опасной близости от его груди, в то время как он еле сдерживал хохот. Я подошла и схватила гриф. И оказалась в самом нелепом положении: голова мужчины теперь находилась рядом с моим бедром, вернее с тем, что было непосредственно над ним. С другой стороны, я не хотела объяснять взбешенной Стае, как так вышло, что Повелителя Оборотней придавило весом штанги.

Я напрягла спину. Черт, у меня не получалось поднять гриф без его участия!

Дело шло очень медленно.

— Карран, перестань издеваться и поднимай.

Я посмотрела вниз и увидела, что он смотрел прямо на меня. И улыбался. Похоже, его забавляло, что от напряжения я пыхтела как паровоз.

Он поднял гриф с дисками вверх и установил его на двух креплениях по бокам скамьи.

Я поспешно отскочила в сторону, чтобы увеличить дистанцию между нами до нескольких футов. Он сел, снял футболку и вытер ею пот с груди. Медленно. Демонстративно играя мускулами.

Я отвернулась и посмотрела на пейзаж. Слюни, текущие струйкой изо рта, серьезно пошатнули бы мой авторитет. К тому же, играй он мускулами на полную катушку, я бы, наверное, хлопнулась в обморок. Или спрыгнула с крыши здания.

Мне срочно нужно было потрахаться. Иначе мои гормоны грозились устроить забастовку, напрочь отключив здравый смысл.

Карран встал позади меня. Нашим взором открывался разрушенный город, который боролся с очередным надвигающимся всплеском. Вдалеке остатки небоскребов падали на землю. Между ними простирался лабиринт улиц, утопающих в зелени там, где природа возрождалась в руинах.

Может, мне померещилось. Может быть, он вытер пот просто потому, что не хотел быть потным, а не красовался передо мной. И снова я придавала этому слишком большое значение.

— Что ты собираешься делать с ребенком? — спросил Карран.

— Заберу её в Орден. Под ним есть хранилище. Там дверь толщиной два метра, защищенная охранкой, которую не сможет разрушить даже все Военное Подразделение по Сверхъестественной обороне. Самое надежное на данный момент место в городе.

У Ордена наверняка были и другие владения, однако я не ценилась так высоко, чтобы знать об их местонахождении или функции. Я бы и о хранилище не узнала, если бы Тэд решил скрыть его. Если кто-то повесит на дверь табличку «Посторонним вход воспрещен» и оставит меня в этом же здании, то рано или поздно я постараюсь вскрыть замок той самой двери только для того, чтобы узнать, что же такого особенного скрыто за ней.

— Ты можешь оставить ее здесь, — сказал Карран. — Мы присмотрим за ней.

— Благодарю за предложение. Я искренне ценю это. Однако твари охотятся за ней. В хранилище она будет в безопасности, а я не хочу нести ответственность за чью-либо смерть.

Он вздохнул:

— Ты же понимаешь, что только что оскорбила меня, верно?

— Как так?

— Ты утверждала, что я не могу защитить ни её, ни моих людей.

Я посмотрела на него.

— Это не то, что я имела в виду.

— Извинись, и я уйду от этой темы.

Мои руки лежали на железной рейке. Однако идея схватить гриф и приложить им по голове Повелителя Обратной была не самым лучшим из возможных дипломатических ходов.

— Извините, Ваше Величество. — Вот. Я была гражданской. Это чуть меня не убило.

— Извинения приняты.

— Что-нибудь еще? — спросила я, про себя добавив «*Ваше Высокомерие*».

— Нет.

Он взял огромную гирю и начал работать бицепсом.

Я повернулась, чтобы уйти, но остановилась. Он был в хорошем настроении. Расслабленный. И не терял самообладания при мне. Сейчас был такой же подходящий момент, как и любой другой.

— Мийонг...

Низкий предупреждающий рык вырвался из его горла:

— Я сказал позже.

Технически «позже» уже наступило.

— Я думаю, она очень сильно любит его.

Он зарычал:

— Ты забываешься! Прекращай.

— Она очень пассивная и боится тебя. Ей потребовалось много мужества, чтобы прийти на встречу со мной.

Он отбросил гирю в сторону. Та отлетела и приземлилась с громким стуком, оставив вмятину на асфальтированной крыше. Карран, сверкнув глазами, шагнул ко мне.

— Если я отпущу её, то мне нужна будет замена. Хочешь стать волонтером для работы?

Он выглядел так, будто слово «нет» не принималось как ответ. Я с силой выдернула меч из ножен и отступила от края крыши.

— И быть девушкой номер двадцать три, которую быстро выбросят на свалку, как только появится девушка номер двадцать четыре с грудью чуть побольше? Я так не думаю.

Он продолжал подходить.

— Ах так?

— Да. Ты получаешь этих женщин, делаешь зависимыми, а затем бросаешь. Однако в этот раз женщина бросила тебя первой, и твое непомерное эго не может с этим смириться. Подумать только, я надеялась, что мы сможем поговорить, как разумные взрослые люди. Если бы мы были последними людьми на планете, я нашла бы себе движущийся остров, чтобы, ко всем чертям, была возможность держаться от тебя как можно дальше.

Я была почти у двери, которая вела к складной лестнице, когда он вдруг остановился и скрестил руки на груди.

— Посмотрим.

— Нечего смотреть. Благодарю за спасение и еду, но я забираю ребенка и ухожу.

Я прыгнула в люк и, скользнув по лестнице, попятилась по коридору. Карран не последовал за мной.

Я была уже на полпути к первому этажу, когда до меня, наконец, дошло: я только что сказала альфе вервольфов, что ад замерзнет прежде, чем я окажусь в его постели. Не то чтобы я послала прощальный поцелуй Стае, но бросила вызов. Снова. Я остановилась и ударила головой о стену несколько раз. Пора бы научиться держать свой рот на замке.

Дура.

Дерек возник внизу у лестницы.

— Все прошло хорошо, да?

— Избавь меня.

— Я так понимаю, ты уходишь.

Я перестала биться головой и взглянула на него.

— Не возражаешь, если я присоединюсь? — спросил он.

— Зачем?

— Мне нужен вор, — лицо Дерек помрачнело. — Есть кое-что для тебя.

Юный Вервольф, который может обогнать меня и согнуть метал, сделав из него розу одними пальцами; который может схватить Джули в случае опасности и сбежать со скоростью ракеты, и при этом не рискуя быть пойманным чумовыми бабами с зубами рыбы удильщика. Дайте-ка подумать...

— Конечно. Буду очень рада.

КАКИМ-ТО ЧУДОМ В ХОЛЛЕ ОФИСА ОБОРОТНЕЙ РАБОТА Телефон. Мне

очень хотелось поскорее убраться отсюда, но я не собиралась рисковать, добираясь пешком.

После первого гудка ответила Максин.

— Штаб-квартира Ордена в Атланте. Чем могу помочь?

— Максин, это я. Можно поговорить с Тэдом?

— Его нет.

— Нет? Тэд же всегда на месте. Где он?

— Отправлен по поручению.

Вот дерьмо!

— Как насчет Мауро?

— Его тоже нет. Большинство рыцарей отсутствует.

Что происходит в этом мире?

— Хоть кто-нибудь есть?

— Андреа.

О, Боже!

— Соедини меня с ней, пожалуйста.

После щелчка я услышала голос Андреа:

— Привет, Кейт.

Привет, Андреа, я знаю, на тебя напал дикий оборотень, но не могла бы ты подъехать и забрать меня с подростком-вервольфом с территории оборотней? Я глубоко вдохнула. Оставалось надеяться, что она не страдала посттравматическим психозом.

— Мне действительно не по себе оттого, что приходится просить об этом. Но у меня просто нет другого выбора! Мне необходимо отвести маленькую девочку в Орден, чтобы спрятать её в хранилище. Нам нужно три лошади.

— Без проблем. Ты где?

— В Юго-Западном офисе Стаи, — я слегка скривилась при этих словах. — Буду ждать тебя на углу Гриффин и Атланта Авеню. Со мной будет оборотень.

Она неожиданно спокойно отнеслась к сказанному.

— Жди. Скоро буду.

Я забрала Джули, вновь вооружив её своим ножом, и в сопровождении Дерека покинула офис.

— Куда мы идем? — спросила Джули, когда мы направились к Гриффин-стрит.

— В Орден.

Город вокруг отряхивался от остатков магии, которая всю ночь то усиливалась, то ослабевала. Технология вступила в свои права ранним утром.

— Что мы будем делать в Ордене? — спросила Джули.

— Орден хорошо защищен. Я оставлю тебя там с Андреа. Она очень милая девушка.

— Нет! Я останусь с тобой!

Я одарила девочку самым суровым взглядом, на который была способна:

— Джули, это не обсуждается.

— Нет.

Я продолжила идти.

— Мне нужно уйти, чтобы найти твою маму. Ты ведь хочешь, чтобы она вернулась, не так ли?

— Я хочу пойти с тобой.

На углу Гриффин и Атланта Авеню толпа окружила подъемный кран, перекрыв тем самым движение. Тощая темноволосая карманница с неповторимой ловкостью обрабатывала людей, стоявших по краям. Она направилась в нашу сторону. Джули вытащила нож и пристально посмотрела на неё. Девушка тут же изменила направление.

Кран заскрипел. Тросы натянулись, и над толпой взвился гигантский рыбий хвост, за которым последовало змеиное туловище, покрытое бирюзовой чешуей. Причем каждая чешуйка, блестящая от влаги, была куда больше моей головы. Что-то в этой рыбе показалось мне знакомым... Я никак не могла вспомнить, где могла увидеть это чудовище размером с трехэтажный дом.

— Что это?

Ко мне повернулся лысеющий мужчина средних лет со значком водителя грузового транспорта на кожаном поясе.

— Рыба с рынка.

— Бронзовый памятник напротив рыбного рынка?

— Когда-то был бронзовым.

— Как он попал сюда из Бакхэд?

— Там была река, — сказала женщина слева от меня, — я видела её из окна.

— Земля сухая, — заметил водитель.

— Говорю вам, я видела реку. И через воду все было видно. Она словно из призраков состояла. Никогда ничего подобного не встречала!

Водитель сплюнул в грязь:

— Ну, да, еще что похуже увидим, пока Всплеск не пройдет.

Мы встали в стороне — подальше от толпы — и наблюдали за тем, как поднимали рыбу.

— Ты не можешь бросить меня, — заявила Джули.

Учитывая наш предыдущий разговор, я думала, она ухватится за возможность избавиться от зануды.

— Ты уже забыла о ривах?

Девочка побледнела.

— Где-то здесь разгуливают ривы. Им что-то надо, и они так просто не отстанут. Поставь себя на место твоей мамы. Ты бы позволила своей дочери увязаться за какой-то стрёмной теткой, которая охотится на рив? Или предпочла, чтобы твой ребёнок находился в безопасности?

Её лицо вытянулось.

— Ты не моя мама. И не можешь указывать, что мне делать, — сказала она наконец, однако нотки в её голосе свидетельствовали об окончании спора.

— Я её замещаю.

— Ты больше похожа ну сумасшедшую тётку, которую вызывают тогда, когда нужно вытащить кого-то из тюрьмы, — вставил свое слово Дерек.

Я пригрозила ему пальцем.

— Джули, пока я не найду твою маму, я отвечаю за твою безопасность. Она любит тебя. И она хороший человек, поэтому заслуживает, чтобы её нашли и чтобы с тобой всё было в

порядке. Я не знаю, что буду делать, если, найдя её, узнаю, что с тобой случилась беда.

И даже если я не найду твою маму, она все равно хотела бы, чтобы ты была в безопасности.

С другой стороны перекрестка появилась Андреа верхом на гнедом мерине; следом она вела еще троих лошадей.

Я БЫ ПОМЧАЛАСЬ ГАЛОПОМ ДО САМОГО ОРДЕНА дорожное движение было затруднено. Город прекрасно знал, что вскоре снова ударит магия, поэтому, пока технологии были доступны, пытался выжать из этого максимум пользы. Пришлось довольствоваться мелкой рысью.

Впереди ехала Андреа, за ней — Джули, в панике сжимавшая поводья с такой силой, что костяшки её пальцев побелели от напряжения, мы с Дерекком замыкали шествие. Я старалась держать Дерекка и Андреа как можно дальше друг от друга. Когда напарник вдруг становится диким и пытается вырвать у тебя желудок со всем его содержимым, пока ты еще дышишь, к оборотням может развиваться некоторая неприязнь. Зачем искушать судьбу?

— На самом деле он довольно терпелив, — сказал Дерек, поравнявшись со мной.

— Кто?

— Карран.

Я кивнула:

— Он терпелив ровно до тех пор, пока все соблюдают его правила.

— Это неправда. Ты никогда не видела его вне стрессовой ситуации.

— Полагаю, что, будучи Повелителем Оборотней, он всегда в стрессовой ситуации, — вздохнула я. — Да не хотела я всё обострять. Просто попала в неподходящее время в неподходящее место. Избыток адреналина после тренировки сделал его агрессивнее, чем обычно. Я выбрала не тот момент для обсуждения. Вот и всё.

К тому же я, как обычно, не смогла держать язык за зубами в его присутствии. Он меня откровенно бесил.

— И Всплеск тоже, — добавил Дерек. — Из-за него ему сложнее себя сдерживать.

— Послушай, если хочешь, я постараюсь наладить ситуацию при следующей возможности.

Ха! Черта с два! После той перебранки я, вероятно, пожизненно стала персоной нон грата для Стаи.

Я не смогла расслабиться до тех пор, пока мы не спешили на парковке Ордена. Я распахнула входную дверь и проводила Джули внутрь здания.

— Поднимайся на второй этаж, мой кабинет первый слева. Там должно быть не заперто.

Девочка прошмыгнула внутрь.

Пока мы отводили лошадей в стойло, я рассказала Андреа историю о пропаже мамы Джули, о ривах и Балахоне, известном как Пастырь Болгор. Дерек стоял на страже в дверях Ордена, но я была точно уверена, он слышал каждое слово. Его слух был исключительным даже для волка.

— Фомориане, — сказала она. — Куда катится мир?

— Три вопроса: что они тут делают, почему им нужна Джули и что случилось с её мамой?

Андреа покачала головой:

— Понятия не имею. Это не моя сфера знаний. Я стреляю, заставляю работать гаджеты, хорошо разбираюсь в теории резонанса пост-Сдвига. А спроси меня про фольклор, я ничего не смогу вспомнить. — Она улыбнулась. — Но твоя девочка будет со мной в безопасности.

— Прости, что свалила это на тебя.

Она посмотрела на Дерёка.

— Я бы хотела, чтобы со мной перестали нянчиться. Если это надо сделать, я сделаю. Все равно мне нужно остаться в Штаб-квартире — это стандартная практика во время Всплеска: как минимум один рыцарь всегда должен быть на месте. Я посторожу твою девочку.

Я колебалась. Если кто и мог помочь мне в этой ситуации, то только Андреа. Она была образцовым рыцарем и знала все когда-либо написанные правила.

— Ну что? — спросила она, словно прочитав мои мысли.

— Мне нужно писать ходатайство о предоставлении убежища?

Андреа нахмурилась:

— Переживаешь по поводу пункта «об угрозе человечеству»?

— Ага.

Преимущество ходатайства «о предоставлении убежища» заключалось в том, что рыцари, все и каждый, будут защищать Джули от любой опасности до тех пор, пока она находится в их ведении. Но, подписав ходатайство, Джули отдавала опеку над собой в руки Ордена, что означало, что она попадала под пункт «о неминуемой угрозе». Поэтому, если она представляла собой неминуемую угрозу человечеству, рыцари обязаны устранить её. Я понятия не имела, почему ривы Пастыря охотились за Джули. Все, что я знала: она была чем-то вроде дитя из фоморианского пророчества, которому предназначалось уничтожить мир. Случались и более странные вещи. Орден не имел привычки мочить маленьких девочек, тем не менее я знала, что для Теда, по крайней мере, благополучие большинства превалировало над жизнью меньшинства. Я не хотела найти Джули с перерезанным горлом. Уверена, они бы убили её быстро и милосердно, но это мало утешало.

Андреа улыбнулась:

— Хорошие новости: тебе не нужно оформлять ходатайство. Она сирота, родители которой не известны. В соответствии с положением семнадцать можно предложить временное опекунство, поскольку она не может заключать какие-либо договоры на законных условиях. Заполни форму 240-м, и в глазах Ордена она будет твоей подопечной. Во время Всплеска все семьи сотрудников Ордена могут официально искать убежища в ближайшей штаб-квартире, не попадая при этом под пункт «о неминуемой угрозе». Пока она не нападет сама, никто не уполномочен её нейтрализовать.

— Не знаю, подпишет ли она что-то в этом роде. Джули думает, что её мать еще жива. И я тоже так думаю. — В любом случае я надеялась. — Это может привести к определенным сложностям.

— Тебе не нужно, чтобы она подписывала. В этом вся прелесть! Все, что нужно, это подтверждение еще одного рыцаря помимо тебя самой, который согласен, что ты действуешь в интересах ребёнка. — Её рот расплылся в улыбке. — И, к твоему счастью, ты его знаешь.

— Спасибо, — искренне сказала я.

— Без проблем. Это сродни развлечению — мне жуть как скучно. Накроет магической волной — мы удерём в хранилище; ривы сунутся во время техноволны — я потренируюсь в

стрельбе, используя их головы в качестве мишеней.

Дверь распахнулась. Джули налетела на Дерека и забарабанила по его рукам. Он подхватил её на руки.

— Что? Говори!

Девочка напряглась и выдала лишь одно слово:

— Вампир!

ОН ЖДАЛ МЕНЯ НАВЕРХУ, РАСПОЛОЖИВШИСЬ НА МОЕМ СТОЛЕ. ЛЫС и тощий кошмар, обтянутый человеческой кожей, покрывавшей стальные мышцы. Он был голый, страшный и умер лет тридцать-сорок назад. Кто-то обильно намазал его кожу фиолетовым кремом от загара. По неизвестной причине крем не впитался, а высох до состояния пасты, будто рядом лопнул гигантский пузырь из виноградной жвачки, обрызгав его с ног до головы.

— Ты, должно быть, шутишь.

Вампир раззявил рот, и оттуда вырвался голос Гастека:

— Рад тебя видеть, впрочем, как всегда.

Должно быть, это все-таки Гастек. Мне вот интересно, Натараджа, глава Братства в городе, специально назначил его для взаимодействия со мной, или Гастек добровольно взялся за это ужасное задание?

В кабинет вошла Андреа. У неё в руках моментально оказались два пистолета, нацеленных на лицо вампира.

— Чудесное оружие, — заметил Гастек.

— СИГ-Зауер П226, — ответила Андреа. — Только дернись, и останешься без глаз.

— Ты и правда думаешь, что сможешь обойти рефлексы вампира? — тон Гастека был спокойным; он не провоцировал её, ему было просто интересно.

Губы Андреа чуть искривились в улыбке:

— А ты и правда хочешь это проверить?

Я покачала головой:

— Она снесет голову прежде, чем ты дернуться успеешь. Поверь: я зарабатываю на жизнь тем, что правильно оцениваю быстроту реакции.

Надо запомнить: «никогда не драться с Андреа». Черта с два это была бы ничья! Я, конечно, быстрая, но не настолько, чтобы опередить её пистолеты. Мне требовалось гораздо больше времени, чтобы выудить меч из ножен, нежели ей вытащить пистолет из кобуры.

— К счастью для всех, нам не нужно сражаться, — я улыбнулась Андреа.

Андреа кивнула, после чего пистолеты исчезли.

— Я буду в холле.

— Спасибо.

Она вышла. Я села в кресло.

— Слезь со стола.

Вампир остался там же, где и был.

— Гастек, или ты сам убережешь свой зад, или это сделаю я.

Не собираюсь мириться с неуважением в собственном кабинете.

Нежить соскользнула со стола.

— Я не хотел тебя оскорбить.

— Хорошо, я сделаю вид, что так и есть. Итак, что тебе нужно?

— Как ты себя чувствуешь? Все ли кости целы? Открытых ран нет?

— Нет. Что за внезапная забота?

— Приступы тошноты? А как насчет покалывания в груди или в области шеи?

Ощущения, будто кровь резко приливает к конечностям, когда уснул в неудобной позе. Только это происходит внутри.

Я скрестила на груди руки:

— У тебя есть какая-то особая причина описывать мне начальные стадии поражения вирусом «Immortuus»?

Вампир подрался ближе.

— Причина может быть только одна.

— Я не превращаюсь в вампира, Гастек.

Это было физически невозможно: моя кровь проглотила бы вирус вампиризма на завтрак, а потом попросила бы добавки. Вампиром мне стать не грозило. Впрочем, как и обратном.

Вампир сделал еще один осторожный шаг в мою сторону:

— Пожалуйста, позволь мне посмотреть твои зрачки?

— Говорю тебе, я не заражена. Меня не кусали.

— Доставь мне удовольствие.

Я наклонилась вперед. Вампир поднялся с четверенек и приблизил свое лицо к моему. Мы уставились друг на друга. Он находился всего лишь в нескольких дюймах, почти касаясь моей кожи. Глаза вампира были некогда голубыми, а теперь стали красными из-за расширенных от воздействия вируса капилляров. В их глубине жил голод, ужасный и всепоглощающий голод, который было ничем не утолить. Если бы Гастек потерял контроль хотя бы на долю секунды, эта мерзость бросилась бы раздирать мою плоть на части ради теплой крови.

Ну, как минимум он бы попытался. И я бы его убила. Раздавила бы его отвратительный мозг, словно надоедливый комара. И мне бы это понравилось. Это бы сделало мой день.

Я желала грохнуть их всех. Желала пройтись по всей пищевой цепочке Братства до самого верха, пока бы не достала Роланда, их легендарного лидера. Но нашу встречу придется отложить, пока моя сила не вырастет: сейчас он мог стереть меня с лица земли, не моргнув и глазом.

Вампир опустил на пол.

— Доволен?

— Да

— Кажется, ты разочарован. Тебя прельщает идея управлять мной после обращения?

Лицо вампира передернуло судорогой: он попытался повторить подмигивание Гастека, который находился где-то в далекой бронированной комнате в Казино.

— Кейт, это было бестактно с твоей стороны. Хотя из тебя и получился бы великолепный образец: ты в прекрасной физической форме, хорошо сложена. Я только сегодня утром просмотрел кипу заявок, и там одна половина кандидатов отошала, а другая половина обладает непропорциональным телосложением.

Гастек был в своем репертуаре. Да, это уже «клиника».

Я вздохнула. Есть ли хоть малейший шанс, что он, наконец, перейдет к вопросу, из-за которого сегодня с утра ко мне заявился? Я теряла время, а мне необходимо было отправляться на поиски матери Джули.

— У меня плотный график. Была бы признательна, если бы мы перешли к делу.

— Наш патруль вчера ночью зарегистрировал необычную нежить, — сказал Гастек. —

Цепкие волосы, когти, очень интересная сигнатура силы.

Когти, хм. Я проиграла борьбу у себя в голове: когти выпускались только тогда, когда ривы приближались для убийства. Две ривы напали на мою квартиру — одна за другой, с разницей в несколько минут, а вот третья появилась намного позже. Её задержали. И я ткнула пальцем в небо:

— И как быстро эта странная нежить расправилась с вашим патрулем?

Если Гастек и удивился, то он этого не показал.

— Менее чем за десять секунд.

— Это печально, не думаешь?

— Это был молодой вампир. Мы только-только его получили.

Оправдания, одни оправдания.

— Никак не пойму, как это касается меня.

— Мы проследили сигнатуру силы до твоей квартиры. И, судя по тому, что было видно в окно, она сильно пострадала. Хотя оказалось, что дверь новая. Полагаю, старую сломали?

— И очень эффектно.

Вампир замер. Ну, начинается.

— Братство хотело бы получить этот образец.

Ну-ну, попробуй! Гастек бесспорно был лучшим Мастером Мертвых в городе. У него были лучшие подмастерья и лучшие вампиры. Если бы удалось взглянуть на лицо Гастека, когда он потерял несколько своих драгоценных кровососов, которые пытались схватить риву только для того, чтобы она в результате обратилась шматком грязи, то это было бы бесценно.

— Твоя улыбка меня тревожит, — заметил Гастек.

Я продолжила улыбаться.

— Не могу сдержаться.

— Поскольку инцидент имел место в твоей квартире, Братство хотело бы обратиться к тебе за помощью по этому вопросу. Что тебе известно, Кейт?

— Очень немного, — предупредила я.

— В любом случае поделись тем, что знаешь.

Братству действительно была нужна рива. Возможно, им больше не претило управлять старыми добрыми вампирами.

— А что мне за это будет?

— Денежное вознаграждение.

День, когда я приму деньги от Братства, будет тем днем, когда я откажусь от человечности.

— Это мне не интересно. Какие будут еще предложения?

Вампир вперился в меня взглядом. Его открытый рот замер на время, пока Гастек прикидывал варианты. Я взяла со стола пару документов, положила их в рот вампиру и потянула за края вверх.

— Что ты делаешь?

— У меня сломался дырокол.

— У тебя нет никакого уважения к нежити.

Я вздохнула, изучив рваные дыры в листах бумаги.

— Это мой недостаток. Ты что-нибудь придумал, или я могу идти?

— Я буду тебе должен одну услугу, — сказал Гастек. — Сейчас или в будущем выполню твою просьбу по первому требованию. Конечно, при условии, что это не нанесет вреда мне и моей команде.

Я прикинула. Серьезное предложение. В руках опытного Мастера Мертвых вампир был настоящим оружием, а Гастек не был просто опытным, — он был талантливым. Его услуга бы пригодилась. Даже если Гастек и протянет свои жадные ручонки к риве, она, как только серьезно пострадает, немедленно обратится в грязь. Он сможет лишь проверить её возможности, определив уровень силы. Что же было минусом?

— Максин?

— Да, дорогая?

— Гастек пообещал мне услугу за помощь. У нас есть какой-нибудь документ, чтобы представить это соглашение в письменной форме?

— Да.

— Ты хочешь, чтобы я подписал договор?

— Ага.

Вампир издал несколько сдавленных хрипов, и до меня дошло, что он пытался воспроизвести смех Гастека.

ДЕРЕК ВОШЕЛ В КАБИНЕТ И ОБЛАКОТИЛСЯ СПИНОЙ НА СТЕНУ и крестив при этом руки.

— Твой приятель все еще жив? — спросил Гастек, просматривая документы. — Примечательно.

— Он выносливый.

Тот факт, что подпись Гастека выглядела в точности так же, как на документах, подписанных им лично, было лучшим доказательством его контроля, чем ползание по стенам и размахивание когтями. Я не могла не восхищаться уровнем его компетентности. У меня до сих пор мурашки бегали по коже.

— Я весь во внимании, — сказал он, как только Максин забрала документы к себе на стол.

— Два дня назад пропал ковен ведьм-любителей прямо с места их собрания в Разломе Осиного Гнезда. Я прибыла туда по иному делу, но обнаружила бездонную яму и кучу остаточной магии некромантов. Море крови. Тел не было.

— Продолжай.

— Я подобрала дочь одной из ведьм.

— Ребенок, который забегал к тебе в кабинет пару минут назад, — догадался он. — Я не хотел её напугать.

— Верю.

Мне не очень хотелось объяснять, что у Джули была вампирофобия, и, поскольку магия схлынула, девочка не смогла заранее почувствовать вампирскую силу.

— Она попросила у меня помощи. На неё теперь распространяется защита Ордена. — И не начинай ничего додумывать. — Я забрала ребёнка домой. Ночью на нас напали.

— Сколько их было.

— Три, не считая навигатора.

Вампир напрягся.

— Там был навигатор?

— Да.

— Человек?

— Не совсем.

Я рассказала о Пастыре Болгоре, заострив внимание на щупальцах, и о ривах, детально описав волосы, когти и токсичную слизь на упомянутых когтях. Разъяснила связь с морским демоном, хотя не выдала, как получила эту информацию. Могла бы умолчать о некоторых убийственных особенностях, но сделка есть сделка, а потому способность обращаться в шмапки грязи я передала предельно четко и ясно. Намеренно отредактировала мою возможную гибель, сократив рассказ до лаконичного «была ранена в спину, после чего покончила с ривой и позвонила приятелю, который вскоре забрал меня и доставил к лекарю». И это было почти правдой. Мне было доподлинно известно, что никто не ведал о моей способности управлять вампирами. А продолжать держать всех в неведении являлось основой моей безопасности.

Пока Гастек переваривал информацию, вампир обратился в статую. Братство считало, что обладало монополией на все, что связано с некромантией. И известие о том, что какой-то сторонний навигатор, пусть даже и демон, разгуливает по городу, нервировало Гастека:

— Меня интересует кличка Пастырь. Она может говорить о его способности управлять нежитью.

Я постучала ногтями по столу.

— Я настоятельно рекомендую тебе отказаться от преследования рив. Если их тяжело ранить, они обращаются в слизь.

— Это действительно скверно, но я хотел бы удостовериться в этом факте самостоятельно. Имеются ли у тебя причины полагать, что Пастырь вернется за девочкой?

Ещё Гастек задался вопросом, не были ли ривы Сестрами Ворона, обращенными в нежить какой-то загадочной силой, которую они сами и высвободили. Мне вот тоже было это интересно.

— Девочка в хранилище. Если и придёт, ему не повезёт.

— Каковы твои планы?

— Я собираюсь навестить эксперта, который поможет с этой неразберихой. Я понимаю желание фомориан уничтожить Морриган, однако не знаю, как они появились в городе, что им нужно от ребёнка и почему нацелены на этих ведьм. Известно, что ковен поклонялся Морриган, а главная ведьма проводила обряды друидов с жертвоприношениями в своем трейлере. Что-то тут не сходится.

— Почему бы не сходить в Совет Друидов? — спросил Дерек.

Гастек передвинул вампира на несколько дюймов.

— Нет, она права. Друиды потратили годы на то, чтобы отдалиться от своего наследия. Заслышав слово «жертва», они откажутся общаться дальше. Катастрофа для имиджа. Сторонний эксперт куда лучше.

Я встала.

— И чем скорее я встречу с ним, тем лучше. Как ты всегда говоришь, приятно было пообщаться.

— Я иду с тобой.

— Прости, кажется, мне послышалось?

Вампир развел руками, при этом огромные желтые когти делали его пальцы дюйма на

три длиннее.

— Учитывая ценность моего предложения, ты дала мне далеко не достаточное количество информации. А мы оба подписали контракт, Кейт. И он гласит: «Полное и существенное раскрытие информации, относящейся к существу вопроса». То, что ты мне рассказала, никоим образом нельзя назвать существенным.

И как я попадаю в такие истории?

Дерек, оскалившись, оттолкнулся от стены. Я встала между ним и вампиром.

— Очень хорошо. Пожалуйста, присоединяйся. Ты же понимаешь, что нет никаких гарантий, что нам встретятся ривы.

— О, думаю, встретятся. Они уже потеряли троих из-за тебя. И я не знаю ни одного Мастера Мертвых, кто бы не захотел сравнять счет.

Перед тем, как покинуть здание Ордена, я выгнала волчонка и вампира из кабинета и переоделась. За эти годы я научилась оставлять запасную одежду в удобных местах. Поэтому в кабинете лежали сменка и необходимое снаряжение. Спортивный костюм Стаи был милым и все такое, но после забавных игр с когтями рив хотелось чего-нибудь поплотнее. Я надела широкие коричневые штаны и белую спортивную бесшовную футболку. Сделанная из быстро сохнущей микрофибры, она впитывала всю влагу, так что мне было сухо и прохладно несмотря на летнюю жару. Подобные вещи носили спецназовцы под бронежилетами. Сверху набросила кожаный жилет, затянув шнуровку так, чтобы не мешал движению. Завершающим штрихом сего грозного наряда были боевые ботинки с черными кожаными носами, кожаными каблуками и нейлоновой сеткой по бокам. Достаточно легкие: в них можно было даже поиграть в теннис.

Я с разворота нанесла удар по своей тени на стене. После этого поправила жилет с левой стороны и разместила ножны Убийцы в специальных кольцах за спиной.

Затем я взяла с полки потрепанный журнал «Крафт Хроникл», нашла там заклинание зеркального замка и положила ручку на правую страницу в качестве закладки. Спустилась в хранилище по длинной бетонной лестнице. За толстой стальной дверью находились пять комнат, в которых хранилось все от оружия и книг до предметов малой силы, тех, что рыцари Ордена предусмотрительно держали под рукой. В самой первой комнате была раковина, холодильник, спальные мешки и даже душевая размером со шкаф.

Андреа уже была на месте. Она заряжала оружие и раскладывала его на столе. Когда я вошла, Джули замерла. Я попыталась улыбнуться.

— Устраиваетесь?

— У Андреа есть вяленое мясо, а там пицца. — Слабо прозвучал голос девочки.

Любой ребенок был бы в восторге от пиццы. Боже, сегодня у нас не ладятся отношения.

— Прости, ты злишься на меня. Я принесла тебе почитать.

Я положила на стол журнал «Крафт Хроникл».

Она ничего не сказала.

Да и черт с ним! Я наплевала на тяжелое молчание, возникшее между нами, и обняла её.

— Я скоро вернусь, ладно? Будь здесь. Андреа классная. Ты с ней будешь в безопасности. — Казалось, она сейчас заплачет. — Кто знает, может, я вернусь с твоей мамой.

За такие обещания я попаду в ад. Прямо в ад, нигде не задерживаясь.

— Ты так думаешь?

— Надеюсь. У меня с собой меч и ремень.

Я дотронулась до ремня, экипированного полудюжиной мешочков с травами и серебряными иглами.

— Ремень Бэтмена! — вспомнила Джули.

— Верно, Барбара. Отвечаешь за пещеру, пока меня нет.

Джули сняла с шеи монисто.

— Возьми. Я его тебе не дарю. Одалживаю ненадолго. Ты ведь принесешь его обратно, правда?

— Правда. — Я положила монисто в карман под кожаным жилетом.

Мы с Андреа кивнули друг другу, и я ушла.

МЫ БЫСТРО ШЛИ ПО УЛИЦАМ РАЙОНА БАКХЭДЖ. эти дни немного выглядело так же странно, как вампир, вынужденный бегать по земле: он уже не мог ходить, как человек, но и передвигаться на четвереньках еще до конца не научился. Он двигался крайне неуклюже: то припадал к земле, то подпрыгивал слишком высоко, но на удивление бесшумно. Никакого царапанья когтями или шумного сбившегося дыхания. Вампир — порождение ночной темноты: скрытый от мира, незаметный и смертельно опасный убийца. Освещенный лучами солнца он выглядел нелепо и неестественно — настоящий кошмар наяву.

Даже наблюдая за вампиром, я всё равно продолжала думать о Джули. Она будто больше не принадлежала этому миру, а я не имела ни малейшего понятия почему. Мне срочно нужен был Сайман, чтобы разобраться в этой ситуации или хотя бы сдвинуться с мертвой точки. Оставалось надеяться, что он выдаст мне достаточно информации. А затем я смогу вернуться и проверить достоверность его слов на Джули. Пока же она будет под защитой. В подвале. Всё должно получиться.

Но я знала, что-нибудь обязательно пойдёт не так.

До тех пор, пока она не покинет подвал, с ней ничего не случится. Ничто не должно заставить её уйти, разве что пожар. В хранилище есть что-то легко воспламеняющееся?

Я остановилась. Так и свихнуться недолго.

Вампир, бегущий чуть впереди, подрезал нас уже в четвертый раз. Лошади Ордена были натренированы так, чтобы спокойно работать с любыми существами, однако не важно, насколько хорошо вымуштровано животное, — она всё равно остается пугливым копытным, не любящим кровососов. Конечно, она не начнет брыкаться, но нервничать и шарахаться в сторону будет непременно.

— Мне кажется, он это специально делает, — проворчал запыхавшийся Дерек.

— Так и есть. Он ненавидит лошадей. — Ответила я. — Аллергия.

Фиолетовый вампир, скакавший по правой стороне улицы, вдруг резко прыгнул к телефонному столбу, проворно залез на него, осмотрелся и спрыгнул вниз. Определенно, в середине июня выпал бы снег, если бы Братство разрешило кровососам разгуливать днём: после минутного пребывания на солнечном свете их кожа покрывалась волдырями, если, конечно, на них тонким слоем не наносили фиолетовый крем от загара. Интересно, что заставило этого вампира пойти на подобный риск?

— Гастек, что происходит с Казино во время всплеска?

Он немного подумал, прежде чем ответить.

— Оно закрывается. В Казино собираются все вампиры; вместе с ними остается и весь персонал. Потом двери запирают на замок, а окна затворяют ставнями, — так сказать, состояние повышенной готовности. Вся связь с миром, кроме экстренных ситуаций, строго запрещена.

Всплеск усиливал магию, поэтому вампиры тоже должны были испытывать резкий прилив сил. Сколько же некромантов требовалось, чтобы удержать их внутри? Не уверена, что хотела знать, а тем более находиться рядом в тот момент, когда стальные цепи, сдерживающие нежить, начинали греметь.

Гастек приблизился к моей лошади, и та резко вскинула голову.

— Долго ещё? — спросил Дерек.

— Терпение — это достоинство, — сумничал Гастек.

— А читать волку нотации о терпении — верх глупости.

Это был первый раз, когда Дерек опустил до прямого обращения к некроманту. На его лице читалось крайнее неудовольствие.

— Если я поймаю себя на том, что по какой-то неизвестной мне причине говорю с животным, то восприму это как предупреждение.

— Вы закончили?

— Безусловно, — ответил Гастек.

— Мы и не начинали, — пожал плечами Дерек.

Я вздохнула.

— Наше препирательство раздражает тебя?

Вампир подпрыгнул достаточно высоко, чтобы посмотреть мне прямо в лицо.

— Нет. Раздражает лишь мой талант вечно попадать в такие ситуации. Это прямой особенный дар. — Я повернулась к Дереку: — Наш специалист живёт в Чемпион Хайтс. Мы почти пришли.

— Старый Ленокс Пойнт [\[13\]](#)?

Именно.

— Да он преуспевает, — сказал Дерек.

— Действительно.

И я бы отдала все свои сбережения за ту информацию, которую он предоставит.

Магия не любила небоскрёбы. Она вообще не любила всё новое и технологически развитое, но особенно ненавидела именно высокие здания. Во времена Сдвига небоскрёбы Атланты порядком потрясло, от чего они раскрошились и упали, точно утомлённые титаны, не устоявшие на ногах.

На фоне всей этой зазубренной линии горизонта Чемпион Хайтс выглядел большим пальцем в жесте «класс». Семнадцатизэтажный, он возвышался над Бакхэд благодаря широким карманам своих владельцев и сложному заклинанию, на эффективность которого, правда, никто не рассчитывал. Но оно работало просто прекрасно: небоскрёб всё ещё маячил над ветхими зданиями, окутанными дымкой, двигался взад-вперед между кирпичными и стеклянными сооружениями и высоким гранитным шпилем. Сложное сплетение заклинаний неустанно поддерживало иллюзию его существования. Цена аренды квартиры в Чемпион Хайтс была просто астрономической.

Магия снова ударила. Да так сильно, что моё сердце замерло. Дерек стиснул зубы. Его лицо напряглось, мускулы на предплечьях вздулись, а глаза пожелтели. По моей спине пробежали мурашки: ледяной огонь в этих глазах замораживал. Да он же сейчас обратится!

— Ты в порядке?

Его губы задрожали, а огонь в глазах потух.

— Да. — Ответил он. — Меня слегка застали врасплох.

Вампир продолжал мчаться галопом, будто ничего и не было.

— Гастек, ты в порядке?

Он улыбнулся Дереку:

— Мне никогда не было так хорошо. Братство, в отличие от членов Стаи, не допускает потерю контроля.

Глаза Дерека вспыхнули.

— Если я и выйду из-под контроля, ты узнаешь об этом первый.

— Я крайне взволнован.

Мы повернули за угол. Нас встретила гранитная скала, расположившаяся между совершенно не сочетающимися с ландшафтом кустарниками. Она была абсолютно гладкой, лишь самая верхушка, которая, казалось, упиралась в небо, была покрыта снежными сугробами. С вершины поднялась стая птиц, и садящееся солнце отразилось от их спин и крыльев. Они покружились над зданием и унеслись в неизвестном направлении.

— Вау. — Сказал Дерек, — Я думал, это должно было *выглядеть* как скала, но никак не быть ею.

— Наш мохнатый спутник опять забывает про последствия всплеска. — Заметил Гастек.

— Если вы оба сейчас же не прекратите, я отправлю вас домой.

Всплеск превратил Чемпион Хайтс в гранитную скалу. И он ещё не разошёлся. Это всего лишь репетиция — настоящее представление ждёт впереди.

Мы слезли с лошадей, привязали их к перилам и поднялись по бетонным ступенькам к тому месту, где раньше был вход. Сплошная скала. Даже без единой трещинки.

Магия прекратила действовать так же внезапно, как и начала.

— Окно. — Заметил Гастек.

На уровне третьего этажа действительно поблескивало оконное стекло.

Вампир свернулся по-кошачьи и с лёгкостью блохи вспрыгнул на стену, быстро найдя там точку опоры. Он перевернулся, устроился вверх ногами и подал мне руку.

— Спасибо, но я поднимусь сама.

— На это уйдет много времени.

— Я успею.

Прошло лет сто с тех пор, когда я в последний раз лазила по скалам. К тому времени, как я добралась до окна, Дерек и вампир давно ждали подходящего момента. Гастек заставил нежить отодвинуться в сторону, чтобы для меня хватило места.

— Ты задержала нас. Это просто нецелесообразно.

Я обиделась:

— Ну уж извините.

Дерек постучал по окну. Ответа не последовало. Тогда он ударил кулаком. Стекло разбилось, открыв нам путь внутрь. Мы пролезли через возникшую дыру и стали подниматься на пятнадцатый этаж. Никто из нас даже и не подумал о незаконности сделанного. Когда мы дошли до нужного этажа, я успела немного передохнуть, пока пыталась найти правильную дверь.

— Так что за человек этот специалист? — спросил Дерек.

— Он очень эрудированный и организованный. Но в то же время угрюмый. Сайман обожает что-нибудь обсуждать. Он как Гастек... — *Правда, немного озабоченный.* — Он как Гастек, но только вместо управления вампирами увлекается книгами и ночными дискуссиями о достоинствах монгольского фольклора.

— Чудненько. — Дерек закатил глаза.

Я кивнула в сторону вампира:

— Вы двое, вероятно, поладите.

Магия снова ударила. На этот раз Дерек был готов — его лицо ни капли не изменилось. А вот Гастек, наоборот, замер на полпути.

Я вытащила Убийцу. Дерек стал отходить назад, с целью освободить себе место для

хорошего прыжка. Если вампир озверееет, то мы окажемся в полном дерьме.

— Гастек? — осторожно позвала я.

— Подожди секунду. — Его голос стал каким-то приглушённым.

— Неужели ты теряешь над ним контроль?

— Что?

Вампир припал к полу и уставился на меня налитыми кровью глазищами.

— Что привело тебя к такому выводу?!

— Ты застыл.

— Если тебе интересно, то мой помощник принёс слишком горячий эспрессо, и я обжёг язык.

Дерек состроил гримасу: отвращение просто переполняло оборотня.

— Так мы можем войти или нет? — спросил Гастек.

Я вставила Убийцу в электронный замок. Он, как и многие другие вещи в Чемпион Хайтс, был магическим, но подделанным под обыкновенный механический.

— Есть ещё что-то, что нам следует знать? — любопытствовал Дерек.

— Не пяльтесь на него, если он решит заняться своими делами.

От одних только воспоминаний меня уже тошнит.

— Какими ещё делами?

— Сайман меняет внешность. Насколько я знаю, у него ограничение только на человеческие облики, и если не принимать это в расчет, то он может обратиться в кого угодно.

— Он опасен?

Он слишком энергично говорит, а его кровавая клятва делает совсем не то, что надо.

— Я встречалась с ним по вопросу о личной охране, когда работала на Гильдию. Спасла ему жизнь, и теперь он возвращает свой долг. Вообще-то он делает мне скидки, а еще пытается залезть ко мне в трусы. Сайман безобиден.

Я положила руку на лезвие Убийцы, отдала ему немного силы и толкнула дверь. Та легко поддалась.

За ней находилась квартира Саймана, оформленная ультрасовременными художественными подушками, стальными и мягкими, смешивающимися в одноцветное — почти бесполезное — единое целое.

— Сайман? — позвала я, проходя по белому коврику.

Ответа не последовало. Струя холодного воздуха ударила мне в лицо: огромное окно от пола до потолка было открыто. За ним находился покрытый снегом карниз шириной почти в четыре фута. Я высунула голову. Карниз постепенно поднимался к крыше. На снегу виднелись следы.

— ПОХОЖЕ, ОН ВЫШЕЛ ПОГУЛЯТЬ ПО СНЕЖКУ... БОСИКОМ... — ОТОШЛА ОТ ОКНА.

— Я пойду первым, — сказал Дерек.

Прежде, чем я успела что-то ответить, он выскочил в открытое окно и направился вверх по карнизу. Вот чёрт! Я последовала за ним. Позади меня вампир взбирался по клифу^[14]. Этот путь явно был не по душе Гастеку.

Ветер сбивал меня с ног. Поскользнувшись, я облокотилась о стену, чтобы не упасть. Потом присела и рукой стряхнула снег — под ним оказался голый лёд. Понятно.

Растянувшийся внизу город с этой высоты выглядел весьма компактным. Между ним и мной лежало такое расстояние, что голова начинала кружиться. Я сглотнула. Конечно, я умею делать многое, но, боюсь, у меня вряд ли получится отрастить крылья и полететь. Сразу после смерти моего отца — тогда мне было пятнадцать — Грэг увёз меня в дом своей бывшей жены в Смоки Маунтинс^[15]. Это был последний раз, когда я находилась на подобной высоте. Сидение на краю горного уступа — совсем другое ощущение. Более того, по сравнению с ползанием по четырёхфутовому ледяному карнизу поразительно удобно посиживать на горе, свесив ноги.

Ещё один порыв ветра ударил мне в спину. Я стиснула зубы и отлепила себя от стены. Продолжай двигаться, слюнявка. Одна нога за другой. Не думай о падении. И не смотри вниз. Господи, как же *высоко!*

Земля манила меня к себе. Я почти захотела спрыгнуть. Как, черт возьми, люди вообще могут жить так высоко?

Надо мной раздался женский смех, а за ним тихое предупреждающее рычание. Вот дерьмо! Дерек. Я оторвала взгляд от земли и продолжила карабкаться по карнизу.

Я это сделаю. Нужно просто продолжать двигаться.

Идя по снежному следу на карнизе, я обошла по кругу почти все здание. Огромная живописная глыба льда закрывала обзор. Ветер донёс ещё один приступ смеха. Там явно что-то происходило. Интересно, что могло заставить Саймана гарцевать босиком по снегу? И почему на вершине этого небоскрёба лежит снег? Сейчас же июнь.

Я преодолела последние несколько шагов, отделявших меня от крыши. Ноги почувствовали под снежным покровом твердую устойчивую поверхность. Наконец-то!

Я обогнула ледяную глыбу и увидела Дерек. Он стоял неподвижно, широко расставив руки и предупреждающе оскалившись, изо всех сил пытаюсь не напасть на блондинку, которая опустила руки на его плечи.

Девушка была небольшого роста. Её фигура, прикрытая исключительно волосами, была весьма аппетитная: кругленькая попка, худые бёдра, грудь с розовыми сосками. Учитывая ширину её талии, оставалось удивляться, как она ещё не сломалась пополам под весом собственной груди. Кожа блондинки светилась. Так она и стояла там: раздетая, бесстыдная, искрящаяся. Чистый секс прямо на снегу.

Она взглянула на Дерек большими глазами и промурлыкала:

— Щеночек, поиграй со мной!

Глаза Дерек стали полностью жёлтыми.

Сзади него вампир Гастека присел на край крыши, даже не делая попытки помочь.

Я взяла в руки рассыпчатый снег, скатала его в шарик и запустила в девушку. Снежок попал ей в голову.

— Сайман, а ну-ка отойди от него!

Блондинка повернула голову:

— Кейт...

Её подхватил вихрь. Женское обличье развеял ветер, а вместо него появилось мускулистое мужское тело. Сайман понесся ко мне по снегу, хотя его облик все еще был деформирован: он то скручивался, то увеличивался и уменьшался. К тому моменту, как мужчина добежал до меня и обнял за талию, прижав к себе, он стал полностью материальным.

Сайман был высоким и хорошо сложенным, как римская статуя. То же золотое сияние,

что и у блондинки, освещало его кожу изнутри. Его гладкие волосы — тёмно-русые с золотыми прядями — ниспадали до талии. Лицо выглядело угловатым — уже мужским, а зубы были настолько острыми, что об них можно было порезаться. Сайман наклонился ко мне, и я смогла хорошо разглядеть его глаза: оранжевые и ослепительно-блестящие со светло-зелёными прожилками. Всё это выглядело так, будто кристаллы льда появились на окне во время мороза.

Он сейчас явно не казался человеком.

— Кейт, — повторил он, прижавшись теснее.

Он был выше меня по меньшей мере на фут. Снежинки кружились вокруг нас, а от Саймана пахло мёдом.

— Я так рад, что ты пришла меня навестить. Мне было до смерти скучно.

Вот оно! Всплеск свёл его с ума.

Я попыталась вырваться из его объятий, но Сайман держал крепко. Никогда не думала, что он такой сильный. Если так и дальше пойдёт, то Дерек точно взбесится. Любого постороннего человека не оставит равнодушным женщина, вырывающаяся из объятий огромного мужчины. Инстинкты защиты проснутся даже в том случае, если нет кровавой клятвы.

— Пожалуйста, Дерек, спустись в квартиру и подожди меня у окна.

Но он всё равно остался на прежнем месте.

— Ревнуешь? — рассмеялся Сайман.

Я отвела взгляд от его глаз и посмотрела на Дерека.

— Прошу тебя, иди вниз.

Медленно, будто только проснувшись ото сна, он развернулся и покинул крышу.

— А что по поводу вампира? — спросил Сайман.

— Просто не обращайтесь на меня внимания, — ответил Гастек. — Представьте, что я лишь муха на стене.

Ублюдок!

Сайман потрогал мои волосы, и я почувствовала, как коса начала расплетаться. Через мгновение волосы уже обрамляли моё лицо.

— Что с тобой случилось? — спросила я.

Он улыбнулся ещё шире:

— Очень сильная магия, она пробирает меня до самых костей. Неужели ты её не чувствуешь?

Я её прекрасно чувствовала. С тех пор, как ударила магическая волна, она бродила во мне, подобно дикому вину в бочке. Сила извивалась внутри, причиняя неудобства, пытаясь вырваться наружу; несмотря на это я держала её под контролем и сейчас не собиралась расслабляться.

— Ты умеешь танцевать? — спросил он.

— Да.

— Тогда потанцуй со мной, Кейт!

И мы начали двигаться, кружиться по снегу, поднимая вверх блестящие снежинки. Снег отказывался падать обратно и преследовал нас; словно повторяя наши движения и окружая прозрачным покровом. Это был дикий танец, простой и быстрый, и всё, что я могла делать — повторять движения за Сайманом.

— Мне нужна кое-какая информация, — прокричала я, когда настал подходящий

момент.

Он схватил меня за талию, поднял вверх, словно пушинку, и покружил.

— Спрашивай.

— Это будет довольно сложно, если мы продолжим танцевать также быстро.

Он опустил меня на крышу и придвинул ближе к себе, чтобы встать в классическую позу: одна рука — на моей талии, другая же бережно держит пальцы.

— Тогда будем танцевать медленно. Положи руки мне на пояс.

Нет!

— Не думаю, что это хорошая идея.

Мы спокойно задвигались по снегу.

— Кое-какие твари преследуют меня. — Это не было чистой правдой, но, учитывая обстоятельства, краткость тут как раз кстати. — Их называют ривами. Они бессмертны, а их волосы похожи на лассо: могут поймать и держать долго-долго.

— Я таких не знаю.

— Ими управляет высокое создание, которое ходит во всём белом, в точности как монах.

— Таких я тоже не знаю.

Тьфу ты, блин, Сайман!

— Что морской демон хочет от нашего мира?

— То же самое, что и мы все: жизнь.

Сайман придвинулся ближе, его губы теперь почти касались моей щеки, а глаза манили; однако я знала, что если буду долго смотреть в них, то напрочь забуду, зачем сюда пришла.

— Этот Монах охотится на одну молодую девчонку. Ты можешь выяснить, зачем?

— Я мог бы, но здесь слишком много магии. Не способен сосредоточиться. Я лучше бы потанцевал. Время магии, Кейт! Время богов!

В моей голове мелькнула мысль предложить ему деньги. Но он всё равно сделает мне поблажку, потому что я спасла ему жизнь и потому что забавляю его. Сайман не так уж интересовался деньгами в обычное время, а сейчас его разум вообще был где-то очень далеко отсюда.

— Морриган как-то причастна к этому. И ещё какой-то котелок. — Сказала я.

Его лицо было крайне близко от моего.

— Кельты любят котелки: котелки изобилия, котелки знания, котелки возрождения.

Дыхание мужчины грело мою щеку. Его руки тоже были тёплыми, хотя по всем законам биологии он должен был бы сейчас мёрзнуть.

— Котелки возрождения?

— Врата в Другой Мир.

Сайман попытался поцеловать меня, но я отклонилась, и он сделал вид, будто просто-напросто хотел наклонить голову в бок.

— Расскажи мне о них.

— Лучше спроси ведьм, — они-то уж точно знают. Но потом. После того, как магия ослабнет.

— Почему?

— Потому что если ты сейчас уйдёшь, то мне снова станет скучно.

Зараза!

— Тогда расскажи мне про ведьм. С каким кланом мне можно будет нормально

поговорить?

— Да с любим.

Сайман положил мою руку себе на плечо. Я попыталась отстраниться, но он слишком сильно меня стиснул, чтобы это было настолько просто. Я почувствовала его стояк. *Замечательно, просто замечательно.*

— Как я могу опросить все кланы? Их же десятки в городе.

— Легко и просто. — Я ощутила медовое дыхание, исходящее от мужчины. — Спроси Ведьминского Оракула.

— У ведьм есть Оракул?

Мы перестали скользить по крыше и остановились. Я, воспользовавшись моментом, попыталась направиться к краю, где был карниз.

— В Сентенниал Парк, — мягко сказал он, — там их трое. Они говорят за все кланы. Я слышал, они столкнулись с проблемами, которые не в состоянии решить сами.

— Тогда я лучше пойду к ним.

Он покачал головой:

— Но я же останусь один.

— Я должна идти.

— Ты вечно куда-то уходишь. — Он наклонился и поцеловал мои пальцы. — Останься со мной, будет весело, обещаю.

Я заметила лёд, который рос вокруг нас. Если так и дальше будет продолжаться, то через несколько минут мы будем заперты в иглу.

— Почему лёд растёт вокруг нас?

— Вампир. Он ревнует! — Саймон засмеялся, отбросив голову назад, будто это была самая смешная шутка на свете.

Я быстро скинула его руки со своих плеч и прыгнула с крыши.

Приземлилась на колени прямо на карниз, после чего соскользнула, приложившись спиной об лёд. Я покатила вниз по узкой дорожке, пытаюсь при этом затормозить с помощью каблучков. Они не помогали: просто проскальзывали по снегу. Тогда я начала хвататься за стену, чтобы хоть немного затормозить. Не помогало. Я быстро неслась вниз, будучи не в состоянии остановить падение.

Конец карниза был в футах от меня.

Я вытащила Убийцу из ножен и воткнула в снег. Я моментально затормозила, но ноги повисли над пустотой. Осторожно согнув руки, вскарабкалась обратно, изо всех сил пытаюсь не думать о бездонной пропасти, разверзшейся позади.

Дерек схватил меня за плечо, поднял и аккуратно усадил на ковёр.

— Так вот что это за специалист, — прорычал он.

— Да. Больше я сюда ни ногой.

Мой мозг, наконец, осознал, что я не падаю с пятнадцатого этажа и, как следствие, не изображаю лепешку на земле. Я поднялась на ноги.

— Теперь я у тебя в долгу.

Он пожал плечами:

— Рано или поздно это бы произошло. Я просто немного приблизил момент.

Вампир подошел к нам, когда мы уже отвязали лошадей.

— Ты очень хорошо танцуешь, — сказал Гастек.

— Ни слова. Не смей говорить ни единого долбанного слова.

— ЭТОТ САЙМАН, У НЕГО ЕСТЬ ЧТО-ТО ДЛЯ ТЕБЯ? — спросил Дерек.

— Судя по тому, что я увидела, сейчас у Саймана есть что-то для всех, включая тебя. Он опьянен магией и это невыносимо.

Я закончила заплетать волосы и направила лошадь вверх по Мариетта стрит^[16]. В той стороне рос густой лес, который раньше являлся парком Сентенниал^[17] — парком размером в двадцать один акр земли. У меня не было ни малейшего желания продолжать разговор.

Магия спала. Она появится вновь через минуту: кратковременные и интенсивные волны накатывали одна за другой.

— Похоже, ты одно из его любимейших развлечений, — сказал Гастек.

Кретин!

— Неважно, кто был на той крыше. Сайман в любом случае изменял бы форму до тех пор, пока не нашел идеальную.

— И даже больше.

Вампир опять замаячил перед лошадьми, мешая им идти.

— Благодарю за комментарий. Как я могла заметить, ты предпочел не вмешиваться.

— Мне казалось, у тебя все под контролем.

Гастек велел своему вампиру перейти в галоп и умчаться далеко вперед. Стоит лишь столкнуться лицом к лицу, как он сразу сбегает. Моя любимая стратегия.

— Послушай, — начал Дерек. — Все, что я хочу сказать, было бы полезно собрать всю необходимую информацию до того, как мы пошли туда.

— У меня этой нужной информации не было. Знай я, что он будет танцевать на крыше босиком по снегу, придумала бы что-нибудь другое.

— Я не могу оказать необходимую помощь или защитить тебя...

Я повернулась в седле.

— Дерек, я не просила тебя защищать меня. И не просила идти со мной. Более того, если бы знала, что ты будешь изображать Каррана все это время, то подумала бы дважды, прежде чем позволить присоединиться к нам.

Оборотень замолчал.

Вампир повернул налево на Сентенниал драйв.

Не стоило такого говорить. Я остановила лошадь. Дерек тоже притормозил.

— Извини. Я не хотела грубить.

— Кому я должен подражать, Кейт? — спросил он мягко.

У меня не было ответа.

— Или ты собираешься внушать дерьмо вроде того, чтобы я оставался самим собой? Кем бы я мог стать, Кейт? Сыном дикого оборотня и убийцей, который не спас своих сестер от насилия, а затем заживо съел отца? Почему я должен хотеть быть таким?

Я откинулась в седле, пожелав избавиться от всей той тяжести, которая, казалось, уже поселилась на моих плечах.

— Я прошу прощения. Была не права.

Он сидел тихо в течение минуты, которая, казалось, тянулась значительно дольше, а затем кивнул мне. Вампир замер посередине улицы, ожидая нас.

— Я не должен был придирааться. — Заметил он. — Иногда бываю таким нудным.

— Все в порядке.

Я направила свою лошадь вперед. Я знала, почему он так повел себя. Видела, как он тщательно складывал свою одежду. Он был идеально гладко выбрит, волосы коротко острижены, ногти чистые и подрезанные. Бьюсь об заклад, в его комнате не было ни единой вещи, которая лежала бы не на своем месте. Когда вокруг ребенка хаос, он стремится навести порядок в мире. К сожалению, мир отказывается подчиняться, поэтому приходится довольствоваться попытками контролировать себя, свои привычки и своих друзей.

— Я просто излишне беспокоюсь о многих вещах, — сказала я.

— Джули? — догадался Дерек.

— Верно.

Я лишь хотела иметь возможность позвонить и проверить как они, однако понятия не имела, где могла бы найти исправный телефон или магию перед вспышкой. Хотя телефон скорее всего работать не будет в любом случае. Андреа пообещала остаться с ней. Допущенная к хорошей точке обстрела или нет, Андреа могла попасть белке в глаз с любого конца улицы.

— Тебе тяжело, — заметил Дерек. — Полагаться на других людей, я имею ввиду.

На мгновение я задумалась о том, не развил ли он и телепатию.

— Что заставляет тебя так говорить?

— Ты сказала, что волнуешься за Джули, а выражение твоего лица в тот момент напоминало обострение геморроя. Либо тебе было очень тяжело....

— Дерек, не говори таких слов женщине. Продолжая идти этим путем, проведешь жизнь в одиночестве.

— Не меняй темы. Андреа хорошая и пахнет приятно. С ними все будет хорошо.

Видимо, я должна была нюхать людей, чтобы определить их компетентность.

— Откуда тебе знать?

Он пожал плечами:

— Тебе следует ей довериться.

Исходя из того, что двое мужчин, которых я больше всего любила и восхищалась, все детство вдалбливали мне, что полагаться следует на себя и только на себя, о доверии не могло быть и речи. Разве что на словах. Я беспокоилась о Джули. И о ее маме.

С тех пор, как я получила контрактную должность в Ордене, моей целью было обитание в конторе рыцаря-квестора, поскольку я не имела ни малейшего представления о работе следователей, а он, будучи экс-детективом бюро расследований Джорджии, знал практически все. Там я собрала несколько особенно важных крупиц информации, поэтому знала, что первые сутки любого расследования решающие. Чем больше проходило времени, тем больше появлялось следов. При исчезновении человека шансы на то, что он жив, таяли с каждым часом.

Первые 24 часа прошли. Первые 48 часов махали на прощание из окна поезда, крича: «Отсоси на работе!». Ни одна из процедур не сработала в данном случае: ни опрос соседей, ни опрос свидетелей, ни попытка выяснить, кому было выгодно исчезновение человека, — ничего из этого здесь не помогло. Все свидетели пропали вместе с мамой Джули. Я понятия не имела, куда делась женщина, и лишь хотела, чтобы она вернулась домой в целостности и сохранности. Я оставила записку на кухонном столе с объяснениями, что Джули находилась у меня и что с ней все в порядке. Попросила ее связаться с Орденем. Пока она не появилась, все, что я могла — тащить единственную зацепку у себя на хвосте — котел и Морриган.

Надеюсь, на другом конце нет пожирающего женщин тигра.

Мы свернули налево в сторону Сентенниал Драйв, следуя за вампиром Гастека. По сторонам возвышалась стена из зелени, лишавшая нас обзора. До Сдвига парк был открытым, просторным и с большим газоном, разделенным дорожками и аккуратно посаженными деревьями. Можно было стоять на смотровой площадке отеля Бельведер и видеть всю панораму парка: начиная от детского сада и заканчивая фонтаном колец.

Сейчас парк принадлежал ковену городских ведьм. Они посадили быстрорастущие деревья, которые в виде непреодолимого барьера сплошной зелени скрывали тайны парка от любопытных глаз и липких пальцев. Парк был огромен. Просто громаден. Он поглотил несколько городских кварталов, которые изначально сдавались под офисные здания. Все, что я видела — зеленая стена. Она, должно быть, увеличилась раза в четыре в размере.

Тот факт, что большинство ковенов объединились, чтобы оккупировать парк, для меня всегда оставался загадкой. Если кто-то управлял вампирами, то он принадлежал Братству, в противном случае бессмертные быстро бы привели убедительный финансовый аргумент в пользу подписания договора с ними. Если кто-то был наемником, то он принадлежал Гильдии и получал по пятьдесят процентов скидки на стоматологические услуги и по тридцать процентов скидки на медицинское обслуживание, а так же доступ к адвокатам Гильдии. Но если кто-то был ведьмой, то принадлежал к своему ковену, который обычно содержал до 13 членов совета. У Ведьм не было иерархии за пределами их индивидуального ковена. Я всегда удивлялась, как такие разные ковены могли иметь что-то общее. Теперь я это не просто знала, а могла выразить одним словом: Оракул.

Хорошо, что Сайман балдел от магии. Одному богу известно, сколько бы эта информация стоила мне при нормальных обстоятельствах. Конечно же, при нормальных обстоятельствах такого не произошло бы.

Город выделил парку немного места. Руины через дорогу расчистили, и теперь здесь возвышались новые деревянные здания, гордо несущие символ Птичьего Двора. На вывесках большими красными буквами было написано: «Жареная курица! Крылышки!». А ниже: «Никаких крыс!»

В воздухе пахло обещанной жареной курицей. Мой рот наполнился слюной. Плюс птицы заключался в том, что было трудно замаскировать собачатину под куриное крылышко. Ммм... курочка. Благодаря усилиям Дулиттла, мой метаболизм все еще напоминал аппетит колибри под кайфом. Аромат еды манил меня. После ведьм. Как только мы выйдем из Сентениал парк — что бы ни случилось — я добуду для себя цыпленка.

У плотников с новой стройки, находящейся впереди нас, были схожие мысли. Они сидели снаружи за небольшими деревянными столиками, жевали крылышки и наблюдали за обеденным солнцем, палящим на улице. Батраки и ремесленники бродили вверх и вниз по Сентениал драйв, ощущая всю прелесть асфальта сквозь изношенные ботинки. Тем не менее они оставались на другой стороне улицы — подальше от зелени. Тротуарные сплетники продвигали свой товар благодаря хриплым голосам. Впереди, на перекрестке, продавец побрякушек — низкорослый мужчина средних лет — кружил возле тележки, потряхивая красочными кольцами и очаровательным амулетом на шнурке.

Дорожный знак оповестил нас о том, что мы дошли до бульвара Эндрю Янга. Судя по местоположению указателя, бульвар отрезал южную часть парка, вероятно, проходя прямо с Сентенниал Плаза. Вот только от дороги практически ничего не осталось. Зелень разрослась так сильно, будто протестуя против всего облагороженного. Зеленые ветви свисали над

тропой, а побеги и вовсе лежали на асфальте. Розовые лозы протянулись колючими клубками, сплетая мирт и вечнозеленые кусты в сплошную массу, обещавшую, что, не поранившись, мы не пройдем. Мне понадобилась бы цепная пила, чтобы пробраться внутрь. Мачете^[18] не справился бы с этой задачей. Впрочем, даже его у меня не было.

Ведьмы: один. Кейт и ко: ноль.

— Мы, кажется, вышли за пределы бульвара, — сказала я.

— Могу проинформировать, что тебе следовало бы сначала навести справки.

Вампир наградил меня жутким подобием улыбки, от которого появлялось желание немедленно отправиться к психиатру.

Все верно: Казино было построено на участке Всемирного Конгресс-центра. Если бы не пятидесятифутовые деревья, загораживавшие обзор, небо мерцало бы серебристыми минаретами. Люди и ведьмы были практически соседями. Черт, они, наверное, даже ходили друг к другу в гости, чтобы одолжить горсть сахара.

— Впереди есть проход.

Вампир направился на север в сторону Бейкер стрит. Именно в этот момент солнце выглянуло из-за облака и наполнило мир золотым блеском. А заодно превратило кожу вампира в морщинистую, пурпурную тряпочку.

— Здесь что-то не так, — пробормотала я.

Дерек ответил легким рычанием.

Я осторожно прошла вдоль зеленой стены. Воздух был наполнен запахом цветов. Птицы щебетали. Зелень склонялась. Узкая тропинка, выглядывавшая из кустов, поворачивала налево, напоминая тусклый туннель, ведущий в сердце леса. Дерек, подняв голову вверх, потянул носом воздух, — так делали все его собратья.

— Вода.

Я напрягла память, чтобы припомнить расположение парка. Бейкер стрит был не очень далеко.

— Должно быть, озелененные водоемы.

Туннель терпеливо ждал, словно открытая пасть крокодила во время охоты. Вампир Гастека продвинулся ближе к нему. Дерек и я спешили и привязали наших лошадей к витому рододендрону. Я заглянула в туннель. Сейчас самый подходящий момент.

— Есть идеи, как туда пройти? — я обратилась к вампиру.

— Ни одной, — ответил Гастек.

Я вздохнула и нырнула в туннель.

Я УСПЕЛА ПРЕОДОЛЕТЬ ТОЛЬКО ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ФУТОВ ПУТИ — когда вновь ударила магия. Ее волны поразили меня, словно выстрел из дробовика. Дыхание перехватило, из уст вырвался испуганный крик, а сердце будто сжали в кулак, от чего я наклонилась, прижимая руки к груди. Боль быстро отступила, предоставляя место опьяняющему приливу энергии, который заструился по артериям, венам и капиллярам, наполняя их, пока все тело не затрепетало от магии. Возбуждение, словно крылья, выросшие за спиной, помогло мне выпрямиться.

В густо растущей зелени распустились белые и бледно-фиолетовые цветы, светящиеся словно звезды. Ветви деревьев мерно шелестели. Виноградные лозы увивали все вокруг. В воздухе витала смесь пряных ароматов: сладкого и медового, вместе напоминающая запах розы.

Дерек бесшумно появился из зеленого мрака и посмотрел на меня. Волчьи глаза на человеческом лице — от этого невольно бросало в дрожь.

Вампир, находившийся на противоположной стороне дороги, задрожал и прижался к растениям, опустив при этом голову на грудь.

Внезапно он разогнулся. Его глаза налились ярко-красным огнем. Рот приоткрылся, но вампир не издал ни единого звука. Моему взору предстали два пожелтевших клыка-убийцы. Я, в свою очередь, продемонстрировала меч. *У меня есть только один зуб, однако он длиннее твоих и превратит жилистое мясо на костях в гной.*

— Не беспокойся, — сказал Гастек. — Он очень послушный.

Выгнув спину, вампир отскочил в сторону, задев при этом мою ногу.

Потребовалось немало усилий, чтобы не отшатнуться.

— Если ты еще раз так сделаешь, я убью его.

— Меня всегда занимало твое отвращение к нежити. Чем она так тебя раздражает?

— Вампир — гуляющий труп. Он источает бессмертие, вызывая тошноту у живого, не обладает разумом и предоставлен самому себе, он уничтожает всех до тех пор, пока не останется никого живого. И тогда вампир будет пожирать себя. Что из этого может нравиться, а, Гастек?

Более того, вампиров создал Роланд. Они его творения.

— Польза от них значительно перевешивает немногочисленные недостатки, — заметил Гастек.

Я сделала указательный жест мечом.

— В таком случае, прошу, иди первым. Давай извлечем пользу и из этого.

Гастек взял инициативу в свои руки, и мы двинулись вниз по тропинке: вампир, человек на грани превращения в зверя и я, замыкающая колонну.

Навес из живой изгороди прогнулся так низко, что пробираться пришлось практически на корточках. Продираясь сквозь ветви, я постоянно цеплялась за них своей косой. Наконец мы добрались до опушки.

Высокие, прямые и ровные сосны стояли здесь, похожие на мачты гигантского подземного корабля. Их ветви тянулись друг к другу, превращая яркий солнечный свет в зеленый полумрак. На земле лежал толстый слой многолетней хвои, превратившейся в перегной, от чего сосновые иглы проминались под моим весом. Воздух был влажным. От

искусственных водопадов, расположенных слева, доносилось нежное журчание воды.

Вампир прыгнул на ближайшую сосну, подскочив на двенадцать футов от земли так, что его тело оказалось почти перпендикулярно стволу.

— Два часа, — прошептал Дерек.

За соснами располагалась залитая солнечным светом поляна, разделенная на части аккуратными рядами трав. Единственной преградой на нашем пути была женщина.

Она выглядела пухленькой, но не безобразно толстой: никаких лишних складок. Простенькое черное платье висело на плечах, а подол волочился по земле. Цвет кожи на руках напоминал солому. Маска из чеканного железа скрывала черты ее лица: круглая со струящимися вокруг локонами волос, напоминающими солнечную корону. Однако приглядевшись я поняла, что это были вовсе не солнечные лучи: у них не бывает чешуи и клыкастых пастей.

Однако, присмотревшись, я поняла, что это вовсе не солнечные лучи: у них не могло быть оскалов и клыкастых ртов.

Маска Медузы Горгоны. Мое саркастическое замечание по поводу Медузы в Разломе Осинового Гнезда сбылось. Черт подери меня и мой словесный понос. В следующий раз представлю себе амбар, наполненный пушистыми кроликами.

— Я представитель Ордена и расследую исчезновение Сестер Ворона. Это мой помощник. — Кивок в сторону вампира. — Я прошу аудиенции Оракула.

Женщина ничего не сказала. Миг спустя хвойные иголки начали опадать одна за другой. В древней Греции Медуза Горгона могла обратить человека в камень одним лишь взглядом. Слева от меня находилась подходящая большая сосна, и я решила, что рвану к дереву, если эта злополучная маска слетит с женского личика. Персею отрубить голову Медузы помог зеркальный щит. У меня же ничего подобного при себе не нашлось. Даже лезвие Убийцы не было достаточно прозрачным, чтобы рисковать.

Женщина повернулась и шагнула на свет. Я последовала за ней.

КАМЕННАЯ ТРОПА ИЗГИБАЛАСЬ КАК ДУГА Сначала свернула налево, затем направо. Подметая дорогу подолом, ведьма в черном платье медленно ступала по ней. Ее маска раскрылась, закрывая заднюю часть головы на подобие мотоциклетного шлема, от чего я смогла разглядеть лишь узкую полоску темной кожи над вырезом платья.

Огромный сад простирался по обе стороны от нас: цветы и травы были разделены на несколько рядов, окаймленные густой вечнозеленой изгородью. Базилик, тысячелистник, мята, ярко-красные маки, желтый василек, пушистый куст клевера, белые зонтики бузины... Чтобы отыскать дикие растения, не требовалось даже покидать территорию парка. А ведь большинство ковен использовали эти травы в ритуалах. Очень удобно, когда все необходимое прямо под рукой.

Память услужливо подсказала мне, что неподалеку находится большая зеленая лужайка, окруженная деревьями: кизилами и массивными дубами, покрытыми испанским мхом, похожим на мишуру. Они были настолько древними, что им не требовалась магия для роста. Я не могла понять, откуда мне известно про лужайку, но точно помнила ее. И фонтаны. Точнее воду, бьющую сильной струей из земли.

И женщину. Очень высокую женщину, которая часто смеялась. Ее лицо сохранилось в моей памяти нечетким пятном.

Дерек сморщил нос. Я мельком взглянула на него.

— Животное, — произнес оборотень. — Странно.

— Какое?

— Не могу сказать точно.

Деревья расступились перед нами, открывая взору холм, который стоял посреди большой поляны. Впрочем, он был больше похож на курган, возвышающийся прямо над травой, словно шляпка громадного гриба. Кудзу^[19] и травы застилали холм зеленой пеленой, а на самой вершине находилось строение: гладкий, полированный темно-серый мрамор, испещренный золотом и оттененный завитками из малахита.

Если бы у меня был мраморный купол, сомневаюсь, что я позволила бы ему так зарости. Медуза-самозванка обошла холм и остановилась. Мы тоже остановились. Гастек отправил вампира на верх холма, и кровопийца примостился среди лиан Кудзу.

Дерек чихнул.

— Будь здоров.

Он снова чихнул, вытащил из-за пояса фляжку и промыл ноздри с наружной стороны.

Гид ждала. Мы стояли рядом. Легкий бриз пролетал сквозь ветви деревьев. Повсюду пели птицы. А солнце пыталась поджарить нас, словно мы были мясом для барбекю.

Вампир взметнулся в воздух и приземлился в десяти футах позади нас. Дерек зарычал. И снова чихнул.

Земля с грохотом содрогнулась под ногами. Я невольно попятилась.

Верхний слой почвы сполз с тяжелых плит, холм вздрогнул и начал подниматься вверх, все выше и *выше*. Из лиан кудзу высунулась огромная коричневая голова. На меня уставились два глаза, черные и блестящие, они были похожи на гигантские куски антрацита.

Черепаша.

Я просканировала ее: никаких магических колебаний, ни запаха горячей травы, свидетельствовавшего о том, что это иллюзия. Перед нами была настоящая, живая черепаха.

Гигантский кривой рот широко раскрылся, и теперь перед нами зияла черная глотка. Я напряглась, ощутив её дыхание, но никакого запаха не появилось. Мать всех черепах положила подбородок на траву и замерла.

Ладно, теперь все понятно.

Наш ходячий справочник склонила голову и указала на гигантское животное.

— Там?

Она кивнула.

— Ты хочешь, чтобы мы зашли в черепаху?

Еще один кивок.

— Но она живая.

Еще кивок.

— Нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дерек снова чихнул.

— Я должен сказать: это немного неправильно, — голос Гастека дрожал от волнения. Легко радоваться расследованию дела, если тебе при этом не проглотят.

Я взглянула на вампира.

— Насколько быстро ты сможешь разорвать это по кусочкам, если оно съест нас?

— Панцирь довольно толстый — придется выбираться через шею. Если окажемся в голове, то надо будет попотеть и вырезать много плоти.

— Другими словами, если это съест нас, мы влипли.

— Грубо, но в точку.

Я посмотрела в лицо гиду.

— Ты пойдешь с нами?

Она покачала головой.

Хороший план. Возьмите доверчивых чужаков, немного выгуляйте их по окрестности, а затем скормите гигантской черепахе. Животное сыто, аутсайдеры получили, что искали — все счастливы.

— Дерек, ты что-то почувял?

Он шагнул вперед, глубоко вдохнул и еще дважды чихнул. У моего оборотня оказалась аллергия на черепах. Ну почему?

— Что-то прокисшее? Животное дыхание?

Дерек покачал головой:

— Вода. И цветы.

Я нацелила клинок на гида.

— Если она съест нас, я убью ее, а затем найду тебя.

Женщина снова кивнула. Но она не сделала ни шагу назад и не побежала в ужасе. Возможно, я недостаточно ее напугала. Может стоит облачиться в образ с рогами или клыками.

— Я иду внутрь. Вы двое можете остаться здесь.

Я пригнулась и шагнула в рот черепахи.

ЯЗЫК ЧЕРЕПАХИ НЕМНОГО ПРОСЕДАЛ ПОД НОГАМИ, СЛОВНО МОК ГУБКА. Темнота впереди означала начало глотки. Я пригнулась, чтобы не задеть нёбо, и направилась дальше.

Позади чихнул Дерек.

— Всё-таки решил пойти с нами?

Снова чих.

— Я бы этого точно не пропустил.

Глотка медленно уходила вниз, её нижняя часть была заполнена мутной жидкостью. С длинных нитей, напоминающих водоросли и свисавших с потолка глотки-туннеля, что-то капало. Я надеялась, что это не желудочный сок: пахло ничем иным, как обычной озерной водой и немного — рыбой. Я вытащила метательный нож, нагнулась и окунула его кончик в жидкость: никакого изменения цвета. Потрогала мокрое лезвие: палец остался цел. Очень хорошо.

Я шагнула в воду, поскользнулась и приземлилась прямо на задницу. Ну почему именно я?

Вампир прошмыгнул мимо, лишь мельком взглянув в мою сторону:

— Как обычно, ты просто воплощение изящности и грации.

— Заткнись.

Мои сапоги наполнились черепашьей слюной.

Вампир сделал шаг и исчез под водой.

Я поднялась на ноги.

Голова кровососа показалась на поверхности.

— Там немного глубже, чем я предполагал, — предупредил Гастек.

Ха! Так тебе и надо.

Вода доходила до талии. Я пробиралась через туннель в полной темноте, ориентируясь лишь на тихие всплески от идущего впереди вампира. Чихания Дерека наконец прекратились.

Туннель поворачивал. Я прошла немного вперёд и остановилась.

Я оказалась в мелком пруду, сплошь покрытом листьями кувшинок, кремовые бутоны которых светились.

Передо мной виднелся огромный купол. Высоко над нами, на самой верхушке, карапакс^[20] становился прозрачным, и сквозь него пробивался слабый свет, озарявший щитки черепашьего панциря. Стены постепенно темнели: светлые вверху, ниже они зеленели, под цвет травы и кудзу, обволакивающих панцирь снаружи, и книзу становились совсем темными, словно черно-зеленый мрамор. Тут же были вырезаны большие прямоугольники, каждый со своим символом, выгравированным на золотом листе, и именем. Всё это казалось очень знакомым, но мозгу понадобилось время, чтобы понять: что к чему.

Я стояла в крипте^[21].

Шум за спиной заставил меня обернуться. Прудик заканчивался в нескольких футах впереди, а за ним, на противоположной стороне широкой площадки внутри черепашьего панциря, находилась прямоугольная платформа. На ней ждали три женщины.

Та, что располагалась справа, легко могла бы претендовать на центральное место на семейном портрете в пять поколений: сморщенная, худая, хрупкая. Ей было уже глубоко за семьдесят. Жиденькие волосы на голове казались облаком чистого хлопка, а чёрное шёлковое платье ещё больше подчеркивало возраст. Но взгляд был острым и невероятно умным. Она сидела так, словно аршин проглотила, балансируя на огромном кресле, больше похожем на трон, и напоминала старого хищника, готового напасть при первом запахе крови.

Рядом полулежала на диване романского стиля женщина по возрасту немногим старше Джули. Чёрный шёлк струился вокруг неё складками и изгибами: его было так много, что казалось, девушка вот-вот утонет в нём. Желтоватая, почти полупрозрачная на фоне этого шёлка, она положила голову на согнутую руку. Скулы сильно выделялись, а шея была немногим толще моего запястья. Светлые волосы, в противоположность этому, были заплетены в две одинаковые косы, роскошные и густые.

Последняя женщина сидела в кресле-качалке и вязала непонятный предмет одежды из коричневатой пряжи. Она выглядела так, словно вобрала в себя ту плоть, которой не хватало двум другим. Пухлая, здоровая на вид, с густыми каштановыми волосами, заплетенными в косу, она смотрела на свое вязание с хитрой полуулыбкой.

Дева, мать и старуха. Классика. «Пламя, взвейся и гори! Наш котел, кипи, вари!^[22]»

Я посмотрела наверх — туда, где большая фреска затемняла стену. Над платформой возвышалась женщина, нарисованная простым, но эффектным стилем, словно это сделал какой-нибудь талантливый ребёнок. От тела поднимались вверх три руки: первая держала нож, вторая — факел, а третья — чашу с обвивающей её змеёй. Слева сидели чёрный кот и жаба. Справа лежали ключ и метла.

Перед женщиной находился огромный котёл, поставленный на пересечении трёх дорог. Чёрные псы бежали по стенам в обоих направлениях, смотря прямо на него.

Оракул поклонялся Гекате, Королеве Ночи, Матери всех Ведьм. Несмотря на то, что известна она под греческим именем, история этой женщины куда древнее. Её культ растянулся на два тысячелетия, а его корни были скрыты в плодородной фольклорной почве Турции и Азии. Греки слишком уважали эту богиню, чтобы игнорировать такое древнее наследие и соблазнительную силу. Они сделали Гекату единственным Титаном, которого Зевс допустил в свой пантеон, отчасти из-за того, что влюбился в неё. Богиня выбора, победы и поражения, медицинского и магического знания, защитница границы между загробным миром и земным, а также свидетельница всех преступлений против детей и женщин.

Недооценивать Оракула, поклоняющегося Гекате, было бы крайне неразумно.

Я ощущала, что Дерек в ожидании стоит за спиной. Вампир выбрался из прудика и присел на берегу. Я поклонилась.

Старуха заговорила:

— Подойди ближе.

Я медленно двинулась вперед. Ноги нащупали каменные ступеньки, и я вышла на твёрдую поверхность.

— Ещё ближе, — сказала старуха.

Я сделала ещё один шаг и почувствовала границы заклинания, ожидающего своего часа. Опустила ногу. Дерек тоже остановился, но вампир, ничего не замечая, последовал дальше.

Ведьма вытянула в нашу сторону руку с похожими на когти пальцами. Белые линии

заскользили из-под камней, словно поддуваемые ветром, и я обнаружила, что заперта в круге из символов. Впереди упал вампир, пойманный в такую же ловушку. Дерек зарычал: мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять — он также был схвачен.

Старуха ухмыльнулась.

Я изучила заклинание. Сильное, но сломать можно. Так должна ли я стоять здесь просто из уважения или лучше разомкнуть круг? Находиться в нём было очень вежливо с моей стороны. А если бы я разорвала заклинание, то, скорее всего, спровоцировала бы ведьм. Но станут ли они вообще разговаривать со мной, если могут держать меня прикованной к месту?

— Выпустите меня, — голос Гастека эхом отозвался под сводом, — я пришёл сюда с миром.

Старуха переместила свою руку вправо. Круг зашевелился, волоча за собой вампира, и с глухим звуком врезался в стену. Глаза ведьмы загорелись надменным удовлетворением. Понятно почему.

— Это возмутительно, — вампир поднялся на ноги.

— Замолчи, мерзкий слизняк.

Круг сдвинулся влево. Гастек попытался побежать, заранее определив направление, но заклинание сбilo его с ног и откинуло на камни. Старуха была уж слишком довольна собой. Она ничего не говорила, значит, нас поймало уже существовавшее заклинание. Если бы я могла почувствовать тот тип магии, который использовала ведьма, появились бы предположения, где искать заклинание, но в этом круге я вообще ничего не чувствовала.

Дерек сел, скрестив ноги, и принялся ждать, когда всё закончится.

Я дотянулась до ремня, вытащила пробку из пластиковой бутылки и бросила щепотку порошка в заклинание. Полынь, ольха и рябина, растертые в мелкую пыль, вместе с железной стружкой упали на пол мелким облачком, крошечные металлические частицы поблескивали на свету. Меловые линии потускнели. Я вышла из круга и поклонилась.

Старуха оскалилась и вытянула обе руки в мою сторону, сжав их в кривые кулаки.

Волна меловых линий проскользила по камням, чтобы сомкнуться вокруг меня. Тройное кольцо. В основе — магия земли. Железо и древесина не сработают, значит, придётся выложиться по полной.

— Попробуй теперь это сломать! — старуха откинулась на спинку кресла в котором сидела, торжествуя.

Я занесла свой меч и воткнула его в кольцо, собирая в себе столько магии, сколько это было возможно, и отдавая её клинку. Зачарованное оружие запотело. Лёгкий дымок скользил с металла. Магия сжимала мой меч.

Первая линия символов исчезла.

На лбу проступил пот.

Вторая линия символов дрогнула. Мои руки тряслись от напряжения, я наклонилась вперёд, направляя ещё магии в клинок.

Второй круг исчез, и я чуть не упала.

Старуха подскочила, хватая руками воздух. Белые линии снова появились у моих ног. Ещё три кольца. Вот дерьмо.

Я могла бы использовать слово силы, чтобы освободить себя, но не хотела, чтобы Гастек узнал об этом. Круг ухудшал не слух, а лишь способность чувствовать магию.

Я отодвинула меч назад, становясь спиной к вампиру, и уколола свой указательный

палец. На нём появилась крошечная красная капля. Я присела и нарисовала линию прямо через все четыре кольца. Заклинание рассыпалось как разбитое стекло.

Старуха отпрянула.

Я вышла, поклонилась и продолжила стоять в такой позе.

Краем глаза я увидела, как ведьма после недолгих колебаний подняла руку, но в её глазах читалось отвращение. Старуха не знала, сможет ли удержать меня.

Она запирала меня три раза, и три раза я вырывалась. Тройка была священным числом. Я не хотела показывать Гастеку всю свою силу.

Пальцы старухи сжались.

— Пожалуйста, Мария... — заговорила дева. Её голос был слабым и увядшим, но всё равно отдавался эхом от стен.

Ведьма с фырканьем опустила руку.

— Пока я пощажу тебя, но лишь потому, что она просит.

Я выпрямилась и вложила Убийцу в ножны.

— Я знаю тебя, — мать посмотрела на меня, а её руки продолжали вязать, а спицы методично щёлкали. — Ты ребёнок Ворона. *По-русски то говоришь?*

Я перешла на русский:

— Да.

Ведьма щёлкнула языком.

— Как же у тебя слышен акцент. Ты не говоришь по-русски каждый день, не так ли?

— Мне не с кем практиковаться.

— И чья же это вина?

На этот вопрос у меня не было ответа, поэтому я вернулась к английскому:

— Я пришла за информацией.

— Спрашивай, — сказала дева.

Это был единственный шанс.

— Два дня назад исчез любительский ковен ведьм, называемый Сёстры Ворона. У одной из ведьм, Джессики Олсен, есть дочь Джули. Ей всего тринадцать, и мать значит для неё всё, кроме нее у девочки никого нет.

Они молчали. Я продолжила:

— Морриган как-то связана с этим. Я знаю, что на месте сборища Сестёр есть бездонная яма, а ещё одна поменьше — в трейлере их главной ведьмы Эсмеральды. Эсмеральда жаждала силы и проводила древние ритуалы друидов, но я понятия не имею зачем. Теперь же фомориане под предводительством Пастыря Болгора рыщут по городу. Им нужна Джули. А она всего лишь ребёнок, и, хотя её мать состояла в любительском ковене, но она ведьма, как и вы. Пожалуйста, помогите мне понять, что тут происходит. Помогите собрать все паззлы в единое целое.

У меня перехватило дыхание. Либо они сейчас помогут мне, либо отправят обратно, и если скажут «нет» — уговоры будут бесполезны.

Ведьма-мать поджала губы.

— Морриган, — произнесла она с лёгким отвращением, словно обсуждая соседку, которая давно не мыла окна. — С ней всегда рядом Пёс.

Я застыла:

— Собака?

— Нет. Человек. Мерзавец. Вор и разбойник.

Я чуть не щёлкнула пальцами.

— Высокий, темноволосый, с арбалетом, исчезает в тумане, не может держать свои руки при себе?

Мать кивнула мне с улыбкой:

— Да.

— Я видела его.

Она улыбнулась шире.

— А дальше?

Когда ты хочешь впечатлить собеседника умом, констатируй очевидные факты. Великолепна. Я была просто великолепна.

Голос девы перешёл на шёпот, такой близкий, словно она сейчас дышала мне прямо в ухо, а не находилась на расстоянии шестнадцати футов.

— За то знание, которое ты хочешь, мы попросим кое-что взамен...

Старуха откинулась на спинку кресла. Она подняла и широко развела руки. Вокруг вспыхнула магия, похожая на тёмные крылья.

Пол затрещал. Длинная трещина, из которой исходил мускусный запах, отделила меня от Дерека. Из нее вылилась блестящая розовая жидкость и устремилась к оборотню и вампиру.

Дерек содрал с себя одежду, его спина выгнулась, кожа на груди порвалась. На мгновения я увидела голые кости, перемещающиеся и непрерывно двигающиеся, а потом и мускулы разорвались над ними, прорезались ворсинки, превращаясь в волчью шерсть, и вот передо мной уже стоял вервольф. Ростом шесть с половиной футов, с когтистыми руками, достаточно большими, чтобы обхватить мою голову, и челюстями, способными расколоть мой череп как яйцо. Наполовину человек, на половину зверь — настоящий ночной кошмар. Воин-оборотень.

Я не поняла, в какой момент достала Убийцу, но меч был в руке.

— Мы не причиним им вреда, — заверил меня вялый голос девы.

Красная волна разбилась о магический круг вокруг Дерека, и он поднял голову вверх, клацая пастью. Из горла вырвался длинный жуткий вой — скорбный плач, песня охоты, и преследования, и горячей крови на языке. Моё сердце начало стучать быстрее, и я сжала свой меч.

— Если хоть один волос упадёт с его головы, вы все умрёте. — Эта грёбанная старуха не остановит меня.

— Мы не собираемся причинять ему вред, — пообещала дева.

Красная жидкость окружила Дерека и поднялась к потолку, полностью закрывая его. Ну что за фигня.

Через мгновение такая же колонна спрятала и вампира.

— Они нас не увидят и не услышат, — сказала дева.

— Что вы хотите взамен?

— Пса... — она немного зашевелилась.

— Принеси нам его кровь, — сказала старуха.

— ... и на все твои вопросы... — добавила мать.

— ... мы дадим ответ, — кивнула дева.

Хор ведьм. Миленько.

— Зачем вам нужна эта кровь?

Старуха усмехнулась:

— Не важно.

— Для меня — важно.

— Тогда ты ничего не получишь!

Тьфу ты. Я поклонилась.

— Спасибо, что приняли меня. Отпустите моих компаньонов, и я уйду.

— Почему тебе это так важно? — спросила мать.

— Потому что я не собираюсь приносить вам кровь, наполненную сильной магией, пока не пойму, как её будут использовать.

Я знала: ведьмы могли её применить, чтобы заговорить Пса или создать какую-нибудь эпидемию, которая поразит весь город. Но они бы не солгали мне. В современном мире магии и технологии репутация значила буквально всё.

— Это твоё последнее слово? — спросила мать.

Это было бы неправильно. Даже ради Джули и ее матери. Некоторые вещи нельзя делать, и неважно, насколько ты хочешь достичь цели.

— Да.

— Тогда уходи! — рявкнула старуха.

Я развернулась.

— Подожди, — голос девы подействовал на меня своей магией. Я повернулась к ней лицом.

Карга посмотрела на неё:

— Нет!

— Да, — прошептала дева, — другого пути нет.

Она встала с дивана и распустила волосы, открывая лысую голову. Складки ткани мягко соскользнули с тела, и теперь дева стояла голая, в одних только трусах, дрожа так сильно, что на секунду я подумала, что она сейчас упадёт...

На этих рёбрах можно было бы сыграть, как на ксилофоне. У неё совершенно не было груди. Коленки, непропорциональные, слишком большие по сравнению с тонкими, как спички, ногами, сильно выступали вперёд. Скопление бесформенных уродливых шишек занимало всё левое бедро.

Дева выпятила подбородок. От нее исходили потоки магии, а голос наполнил всё пространство вокруг, проникая в мои уши и мозг.

— Мы — Оракул. Мы служим ковенам. Они полагаются на нас, на нашу силу, мудрость и предсказания. Мы поддерживаем мир. Мы охраняем их. Посмотри на стены, и ты увидишь наши тела, погребённые и защищённые в чреве черепахи. Обратившись в прах, мы перерождаемся в новой плоти, ибо когда кто-то из Трёх умирает, — рождается ребёнок, чтобы занять опустевшее место.

Дева прожигала меня сияющим взглядом. А над ней возвышалась трёхрукая Геката, черная на серой стене.

— Мы — рыцарь, знание и факел, отгоняющий темноту.

Старуха была рыцарем, ведьма-мать, скорее всего, — знанием, а факел сейчас стоял прямо передо мной. Факел, отгоняющий темноту... Она единственная обладала даром провидения.

— Я предвидела, что кто-то придёт. Я не знала, кто это будет, но я предвидела само прибытие. — Она глубоко вдохнула. — Я умираю. Моё тело полно опухолей, и магия с

медициной тут бессильны. Я не боюсь умирать. Когда это произойдёт, родится еще одна ведьма-оракул, чтобы занять моё место. Но ей понадобится несколько лет, чтобы набрать силу. Я слишком больна, а Мария слишком стара.

В течение нескольких следующих лет Оракул может сократиться до одного человека. И с таким составом он останется на десяток лет, пока новые ведьмы не покажут себя. Для подтверждения я посмотрела на мать, которая прикрыла рот рукой и с искаженным от печали лицом наблюдала за девой.

— Мы не пытаемся пойти против природы, мы не можем изменить возраст Марии. Но есть способ вылечить меня, — дева качнулась, — есть зелье — мой последний шанс. Кровь Пса Морриган исцеляет всё. Ты хочешь спасти ту юную девочку? У тебя есть возможность сделать это. Спаси меня. Принеси мне кровь, и я скажу тебе всё, что ты хочешь знать.

Дева снова откинулась на кушетку. Мать встала и укутала её хрупкое тело в мантии. Чёрный шёлк, прежде роскошный, теперь приобрёл вид похоронного савана.

— Сколько нужно крови? — спросила я.

Мать выпрямилась и вытащила из рукава пластиковую пробирку.

— Вот столько. Зажми здесь и потяни вверх: выдвинется иголка. Когда ты нальёшь кровь, иголка задвинется обратно. Закрой крышкой прямо здесь и принеси нам.

Она вздохнула:

— Ты должна встретиться с ним в тумане. В месте Морриган. Именно там его кровь становится наиболее действенной. И ещё одно: она не может быть взята насильно, куплена или продана за услуги. Кровь должны отдать без принуждения, в противном случае она потеряет свою магию.

Как, блин, всё это сделать?

Я зашла на платформу и взяла тубик.

— Как мне попасть в туман?

Мать потянулась к своей пряже.

— Крапива и волосы Пса, связанные вместе. Ты ведь знаешь, как делать вызов, да?

— Да.

Где она взяла его волосы?

— Тебе лучше идти сейчас, — сказала мать, — Сиенне нужно отдохнуть.

Я повернулась и увидела, как красные колонны исчезли, выпуская вампира и монстра, который когда-то был моим приятелем. Защитные круги дернулись и исчезли, и Дерек подошёл ко мне с горящими жёлтыми глазами.

— **ЭТО ВОЗМУТИТЕЛЬНО**, — прошипел вампир.

— А что, по-твоему, мне следовало сделать?

Я вышла на Сентенниал Драйв, вытряхнула ветки из волос и направилась к забегаловке с курочкой. Обычно я старалась держаться подальше от жареной еды, но сегодня все было по-другому: я танцевала на снегу, передвигалась по поясу в черепашьей слюне, была заперта в символических кругах и, чёрт возьми, теперь уж точно заслужила немного жареных крылышек.

Вампир последовал за мной. Как только он зашёл внутрь, посетители стали подозрительно коситься на него, но при этом остались на своих местах. Подумаешь, нежить разгуливает по улицам Атланты.

А потом они увидели Дерека. Несколько кресел тут же опустели.

— Дерек, ты тоже хочешь курочки?

Отпрыск человека-собаки доктора Моро и собаки Баскервилей кивнул.

— Эй! — коренастый человек в рабочей форме за ближайшим к нам столиком указывал на меня куриной ножкой. — Эй, что за хрень, а? Я не могу есть вместе с ним в одном месте!

Я одарила его своим самым грозным взглядом.

— Тогда, полагаю, есть тебе не так уж и хочется.

Это заставило его заткнуться.

Я запихнула двадцатидолларовую купюру в терминал, сгребла высыпавшуюся сдачу и забрала корзинку жареных крылышек. Голод и разбитость усиливали накопившуюся усталость. Но сейчас я по крайней мере на мгновение стану счастливой, наевшись курицы. Сосредоточившись на наших лошадях, привязанных в туннеле, я подумала, что мы могли бы поесть на ходу.

Я свалила целую горсть крылышек в лапу Дерека. Он засунул одно себе в рот и выплюнул голые кости.

Вампир хмуро посмотрел на меня.

— Ни единого слова протеста, Кейт! Ни единого. Ты просто стояла там и даже не удосужилась помочь. Я по-другому представлял себе сотрудничество.

Очень хотелось наорать на него, но я сдержалась. Это всего лишь профессиональное разногласие.

— Гастек, поправь меня, если я ошибаюсь, но подписанный нами обоими контракт указывал, что я должна раскрывать всю информацию, относящуюся к ривам, именно это я и сделала.

— Кейт...

— Можно мне закончить, пожалуйста?

Лицо вампира выражало смятение. Хм, а мне нужно почаще быть вежливой.

— Да.

Магия отступила. Разрушилась, ушла, да так неожиданно, что сердце на мгновение замерло. Я перевела дух и продолжила:

— Ты решил, что полученной информации недостаточно, и попросил сопроводить меня с единственной целью — узнать больше о ривах. Ты истолковал контракт подобным образом, но там написано по — другому. Мы оба знаем, что фактически ты не имеешь права

винить меня в чём — либо.

— Позволю себе возразить...

— Я согласилась на твоё присутствие, потому что посчитала это требование справедливым, а не потому, что была связана нашим договором. Я не обязана тебе помогать. Более того, попрошу отметить, что ни под каким предлогом контракт не указывает, что ты или другой представитель Братства стал участником расследования Ордена по поводу исчезновения Джессики Олсен. На данный момент ты уже сделал всё от тебя зависящее, чтобы затормозить его, почти испортив мою встречу с ведьмами. Как представитель Ордена я обязана предупредить, что твои дальнейшие попытки помешать действиям Ордена я терпеть *не* стану. А так как я являюсь ещё и представителем Гильдии Наёмников, мне бы хотелось сказать: если тебе потребуется защита от ведьм, уверена, мы сможем прийти к разумному соглашению по поводу моего гонорара. Я не люблю выполнять обязанности телохранителя, но так как ты мой старый знакомый, для тебя я могу сделать исключение.

Вампир уставился на меня с выражением чрезвычайного шока.

— Кто ты? — наконец выговорил Гастек. — И что ты сделала с Кейт?

— Я тот человек, чья работа — улаживать споры между Орденом и Гильдией. У меня куча свободного времени, и я трачу его на чтение Устава Ордена и Справочника Гильдии. Не будешь возражать, если я вернусь к своей нормальной форме разговора?

— Нет.

— Огрызаясь, ты недооценил ведьм, и получил по заслугам. Плакаться ко мне не приходи.

Я взяла в руки куриное крылышко. Еда. Наконец-то.

Дерек зарычал. Это было утробное угрожающее предупреждение о едва сдерживаемой ярости.

Я обернулась. С широко разведенными ногами и сгорбленной спиной, он застыл, уставившись на стену из зелени, окружавшую Сентенниал Парк. Шерсть на загривке вздыбилась, чёрные губы вздернулись, обнажая огромные белые клыки, и из пасти вырвался ещё один рык, от которого у меня волосы встали дыбом.

Я положила крылышки обратно в корзинку и потянулась за Убийцей. Пальцы коснулись кожаной рукоятки меча, словно пожимая руку старому приятелю.

Вампир низко припал к земле.

Я хорошенько осмотрела деревья: от массивных корней до верхушек, раскрашенных в ярко-оранжевый и золотой цвет лучами заходящего солнца, густая зелёная масса выглядела неприступно.

Первая рива проплыла над зеленью. Её полупрозрачная кожа была красной, а волосы развевались, словно огромные чёрные крылья, готовые задушить в любую секунду.

Но сегодня обойдемся без этого. Техноволна была в самом разгаре.

Близняшка ривы следовала за ней. Ещё одна, и ещё. Пять. Шесть, все больше и больше. Сколькими сразу Пастырь мог управлять?

Они находились в воздухе, когда я решила напасть. Первая бросилась на меня, качая ногами и широко раскинув руки, она парила в воздухе так, словно ей вообще не требовалось касаться земли.

— Моё!

Вампир врезался в риву, сбив с намеченного пути, и запрыгнул ей на спину. Серповидные когти сомкнулись на бледной шее. Кровосос потянул, оторвав ей голову одним

движением.

— Они ядовиты! — закричала я Дереку и нацелилась на вторую риву. Та замахнулась волосами в мою сторону, но у меня было пространство для маневра. Я увернулась от чёрной массы и ударила мечом вниз по диагонали, предполагая, что за волосами должно быть и тело. Убийца воткнулся в плоть. Удар получился, как по учебнику, — я надавила на клинок, и он прошел глубже, пронзив риву насквозь. Её голова, соединенная с огрызком шеи тонкой ниткой из кожи и мяса, упала. Поверженная противница свалилась на землю.

Слева от меня Дерек вонзил огромную когтистую лапу в спину третьей ривы и мощным движением вырвал кусок позвоночника.

Вампир промчался через поле и обезглавил ещё одного врага.

Я продолжила бежать. Со мной столкнулась новая рива, и я ударила её тем же манером, но на этот раз с левой стороны. Противница увернулась, но я успела перекинуть клинок в другую руку и ударить в бок. Убийца пронзил риву насквозь. Она упала на землю, истекая сероватого цвета кровью, а ее подружка сразу же бросилась на меня. Когти впились в тугую кожу, защищавшую грудь, и попытались прорвать её. Волна чёрных волос накрыла меня. Я толкнула себя ближе к риве, прямо к её зубам, и в ноздри резко ударила вонь рыбьих потрохов.

Противница думала, что я отстранюсь, и удивление стоило ей драгоценной половины секунды. Закутанная в волосы, я обняла риву, как любимого человека, и воткнула меч прямо в мягкую плоть под подбородком. Она покачнулась. Слева от меня Дерек поднял свою окровавленную морду от разгрызенной спины пятой ривы.

— Не кусай!

Тупица. Идеальный волк — грустит, пока не размажет ядовитое дерьмо по зубам.

Вампир прислонил тело последнего врага к дереву.

— Не могу не отметить, что они не растворяются.

Рива зашипела. Из её костяшек выступили когти.

— Они тают, подобно злой ведьме Запада, только в самый разгар магической волны.

Вампир плавно придвинулся ближе к противнице.

— Так я тебе и поверил.

Почему он её не убивает?

Кровосос задрожал и прижался к земле. Рива снова зашипела и застыла, её длинные ноги судорожно дёргались.

Нет. Он не мог.

— Ты выжил из ума.

— Мы всего в миле от Казино. Я всё ещё в пределах досягаемости, — голос Гастека звучал глухо, будто бы исходил из бочки. Рива и вампир теперь дрожали в унисон.

— Ты не сможешь управлять ими обоими сразу!

— Посмотрим.

Нет, не посмотрим. Я направилась к риве, подняв меч.

Она пошатнулась и хлестнула вампира когтями. На его груди появились багряные линии, тут же исчезнув.

— Я рад, что ты тоже решила поиграть, — послышался голос Гастека из вампирского рта.

— Эй, да ты только посмотри на это дерьмо!

Я повернулась на пятках. Тот тип из куриной забегаловки, который сбежал от нас с

Дереком, вернулся и теперь наслаждался представлением.

— Убирайся отсюда! — рявкнула я.

Он и ухом не повёл. Эдакий невинный кретин-наблюдатель.

Рот ривы открылся, и оттуда послышался голос Пастыря, сухой и свистящий, подобный шуршащим под ногами листьям.

— Сдавайся, человек.

— Пастырь Болгор, я полагаю? — произнёс вампир.

Судорога снова охватила риву. Она упала на колени, её плечи дрожали.

— Ты не сможешь остановить нас, — заскрежетал Пастырь. — Ворота в Другой мир широко раскрыты. Великая Ворона ведёт целое войско. Посмотри в темноту, человек, и ты увидишь, как твоя смерть скачет к тебе, чтобы поприветствовать.

— Какая милая речь. Да ты прямо Шекспир, — вампир Гастека придвинулся ближе, и рива сделала то же самое.

Магия заполнила всё пространство вокруг. Тотчас тела, разбросанные по земле, превратились в лужи.

Черная масса волос ривы сомкнулась, толстые пряди потянулись к вампиру, сжимая ему горло. Кровосос даже не сопротивлялся. Я почти подошла к ним.

Лужа слева от меня уменьшалась, испаряясь прямо на глазах, но, прежде чем окончательно исчезнуть, покрылась рябью, и я почувствовала, как вздрогнула земля у меня под ногами).

Справа раздался громкий стук. Хрупкая деревянная тележка на северном перекрёстке покачнулась и завалилась на бок, рассыпаясь в щепки. Приближалось что-то огромное: восемь футов в высоту, зеленое, оно двигалось на колоннообразных ногах, а голова была увенчана рогатым шлемом. Грудь чудовища закрывала кольчуга, весившая по меньшей мере сотню фунтов. Гигант Андре начал бы нервно курить в сторонке, увидев его. Вдобавок ко всему вышеперечисленному, из-под кольчуги свисал длинный хвост, который слегка дрожал во время бега.

— Преклонитесь перед Угадом, Молотом Великой Вороны, — зашипел Пастырь, полный триумфа.

Угад Молот, серьезно?

— Вы заблуждаетесь в своём величии. Ему и кличка «Бубба» хорошо бы подошла.

Многотонный гигант напирал к нам. Все зрители разбежались, как мыши. Потрясённый внезапной тишиной, продавец-фетишист изумлённо уставился на приближающегося монстра. Он порывлся в своих талисманах, нашёл какой-то маленький кружочек из лент и потряс им перед чудовищем. Угад не обратил на это внимание. Его правое бедро задело тележку, опрокидывая её на тротуар, и яркие талисманы полетели в разные стороны.

Монстр ускорился. Я поняла, что на его голове нет никакого шлема. Это были рога, которые росли прямо из черепа, покрытого множеством татуировок.

Позади меня зашипел вампир. Я оглянулась: рива отступила, кровосос остался один. Теперь на меня смотрели рубиново-красные глаза: голодные, дикие, неконтролируемые. Он больше не подчинялся Навигатору.

— Гастек!

Ответа не было. Гастек потерял контроль над вампиром.

Он весь сжался, как пружина, и прыгнул на меня, выпустив когти ...

Лохматое тело врезалось в вампира прямо в середине прыжка. Рыча, Дерек прижал кровососа к земле, а тот в ответ воткнул в его плечо клыки.

Угад устремился ко мне.

Я увернулась влево и резанула мечом по подколенному сухожилию. Такой удар должен был свалить его, но он, похоже, его даже не заметил. Огромный хвост попытался ударить меня, мясистый выступ в его конце свистел подобно дубинке, раскручиваемой в воздухе с огромной скоростью. Отпрыгнув в сторону, я ударила мечом по хвосту. Монстр застонал и замахнулся на меня рукой. Я видела, как она приближается, но будучи зажатой между ней и хвостом, не могла ничего сделать.

Удар сбил меня с ног. Я упала на плечо и проехала на нём по асфальту, перестав чувствовать спину.

Я вскочила на ноги и перевернулась прямо в тот момент, когда хвост просвистел над головой. Огромная нога приближалась ко мне и ступила на то место, где секунду назад была моя голова. Угад заревел от огорчения, сеть вен на шее вздулась. Как много мест, куда можно воткнуть меч. Если бы только противник был пониже...

Ещё один удар ногой по асфальту. Я отскочила назад.

Угад замахнулся на меня. Я стояла смирно. Чего только ни сделаешь, чтобы добраться до цели. Конечность, размером с лопату, сомкнулась на мне, зажав руку, державшую меч, и подняла вверх на уровень поросячьих глазок гиганта. Мои кости хрустнули в знак протеста.

Я увидела лицо монстра. Его тусклые глаза под запутанной массой татуировок на лбу сейчас горели жестоким ликованием. *Татуировки...*

Зубчатые линии, нарисованные на его черепе, неожиданно обрели смысл, вливаясь в слово Силы. Моя голова начала страшно болеть, и мир утонул в яркой пламенной вспышке. Я не могла дышать, даже крикнуть, и ничего не чувствовала. Загнанная в ловушку боли, я боролась с словом. Я должна подчинить его себе, иначе оно выжжет мой мозг. Мне придется произнести его.

— *Osanda.*

Как же больно.

Я умираю.

Реальность обрушилась на меня. Монстр упал на колени, острые белые частички сломанной кости прорезались через порванную мышцу. Угад застонал, и этот звук был полон изумления и боли.

Склонись. Слово приказывало цели склониться. А я надеялась на «сожри дерьмо и сдохни».

Угад не отпускал меня, а тряс до тех пор, пока у него не закончились силы. Но по сравнению с болью от слова Силы, его железная хватка была просто комариным укусом.

Забудь про сравнения, Кейт, — сначала уничтожь, а потом сравнивай.

Переложив Убийцу в левую руку, резанула поперек толстой шеи Угада, обнажив под подбородком второй рот. Оттуда хлынула красно-серая кровь. Пасть монстра раскрылась в последнем беззвучном крике, Угад отпустил меня, упал и превратился в лужу, едва достигнув земли. Маслянистая жидкость окатила меня с ног до головы. От контакта с чужеродной магии начало жечь губы.

Отплевываясь, я пыталась стряхнуть жидкость, чтобы открыть глаза, но эффект был противоположный: ещё больше этой липкой фигни попало на лицо. Я почувствовала на губах вкус собственной крови. Нос. Вот дерьмо. Я полезла за платком в карман, иначе

пришлось бы сжечь здесь всё, чтобы скрыть магию. Вытащив его, вытерла лицо и, наконец-то, смогла открыть глаза.

Кровосос лежал весь перебитый: грудь напоминала месиво из сломанных рёбер, а мокрый след от кусков того, что когда-то было сердцем, вёл прямо к Дереку, который, не двигаясь, лежал на спине.

Рива нависла над ним, стянув волосами горло оборотня. Между нами было больше сорока футов, и я не успела бы вовремя.

Из рта ривы послышался шёпот Пастыря:

— Сдавайся, или он умрёт.

Я бросила платок на землю и потянулась за метательным кинжалом, висевшем на ремне.

— Он умрёт! — прошипел Пастырь.

Я изо всех сил метнула нож. Он воткнулся прямо в голову ривы, и её глаз лопнул, как переспелый виноград. Удар отбросил существо назад, и я один за другим начала бросать в неё острые зубцы. Маленькие треугольные лезвия прокололи горло и щёки ривы. Она пошатнулась, уставилась на меня пустой глазницей и превратилась в воду.

Подбежав к Дереку, я приложила ухо к его груди. Сердце билось. Сильно, непрерывно.

Вся его голова была измазана вампирской кровью, и было сложно понять, ранен оборотень или нет.

— Дерек! Дерек!

Господи, кем бы ты ни был, я всё сделаю, только, пожалуйста, не дай ему умереть.

Его веки задёргались, громадный рот открылся. Дерек медленно поднялся и сел.

— Где болит?

Я чуть не ударила себя по лбу. Только лучшие из лучших оборотней могли говорить, находясь в звериной форме. Дерек не принадлежал к таковым.

— Виссде.

Слово было искажено, но узнаваемо.

— Везде?

Он кивнул.

— Парядок.

— С тобой всё хорошо?

Оборотень снова кивнул.

Мне хотелось плакать от облегчения. Моё тело стало настолько тяжёлым, словно было наполнено свинцом.

— Ты можешь говорить в промежуточной форме?

— Дааа. Фытаааюсь.

— Пытаешься. Это хорошо. — Я немного засмеялась. — Это очень хорошо.

Он усмехнулся. Кровавые ошметки мяса вампира торчали между кривыми клыками, мокрыми от слюны, и меня чуть не стошнило.

— Пойдем-ка отсюда, красавчик, пока не набежали члены Братства, а то в противном случае мы никогда не выберемся.

Я подобрала оброненный мною платок, отвязала лошадей, и мы направились вниз по улице, в то время как первые волны магии некромантов оповестил о прибытии вампиров-разведчиков.

Темнота впереди означала начало глотки. Я пригнулась, чтобы не задеть нёбо, и

направилась дальше.

Позади чихнул Дерек.

— Всё-таки решил пойти с нами?

Снова чих.

— Я бы этого точно не пропустил.

Глотка медленно уходила вниз, её нижняя часть была заполнена мутной жидкостью. С длинных нитей, напоминающих водоросли и свисавших с потолка глотки-туннеля, что-то капало. Я надеялась, что это не желудочный сок: пахло ничем иным, как обычной озерной водой и немного — рыбой. Я вытащила метательный нож, нагнулась и окунула его кончик в жидкость: никакого изменения цвета. Потрогала мокрое лезвие: палец остался цел. Очень хорошо.

ДЕРЕК ДЕРЖАЛСЯ ЗА ЛЕВЫЙ БОК. ЛОШАДЬ ОТКАЗАЛАСЬ ЕГО ВЕЗТИ винить ее за это я не могла. Мне бы тоже не захотелось тащить на себе такую страшную, изгвазданную в крови нечисти, да еще и источающую волчий запах тушу. Но это существенно замедляло ход.

Через три квартала у какой-то старушки я реквизировала потрепанную тележку. Реквизировала — слишком громкое слово, я сверкнула значком и пообещала денег больше, чем имела в распоряжении. Поскольку мой меч еще был обнажен, а лицо и волосы украшала запекшаяся кровь, старушка поняла, что спорить со мной не в ее интересах, и сообщила, что я могу забрать тележку, если не причиню ей вреда.

Я сказала выставить счет в Орден, усадила Дереха в тележку, привязала лошадей и повезла эту пеструю упряжку в Орден.

Минут через пять Дерек уснул. Кожа треснула, и вскоре на его месте уже лежал огромный серый волк. Чтобы оставаться оборотнем требовалась огромная концентрация. Предоставленное же самому себе тело быстро превращалось либо в человека, либо в животное. Видимо, во время всплеска для животного облика требовалось меньше энергии. Беда оборотней: припадочные, фанатично преданные Стае, каждый раз после перенапряжения они нуждались в еде или сне.

Вообще-то мне тоже хотелось вздремнуть после схватки с обезумевшим древним вампиром. Дерек его прикончил. Сам. Без чьей-либо помощи, без магии, используя лишь когти, зубы и голую напористость. Изумительно. В моей тележке лежал следующий альфа. Есть надежда, что он не забудет меня, когда прорвется в высшую лигу.

Закат угас, магия вновь резко отступила. От нее не осталось ни следа, но город знал, что она где-то рядом и ждет, словно голодный хищник, готовый напасть в любую секунду.

В голове стучало. Ребра ломало при каждом вздохе, но переломов вроде не было. Вселенная, спасибо за малые радости твои.

Постепенно мой мозг заработал, сначала медленно, как ржавая мельница, затем быстрее, пытаясь разобраться в чуши, которую нагородил Пастырь. Он говорил что-то о хозяине, которого ведет Великий Ворон. Хозяин рив сулил немало бед. Мне не хотелось погружаться глубже в контекст этой мысленной картинки.

Итак, хозяин рив с Великим Вороном во главе. Упоминание о последнем могло относиться и к Морриган, но Бран в яме превратил риву в дикобраза, а он служил ей. Только вот человек, оскорбивший богиню-покровительницу, не стал бы клясться ее именем, как это сделал Бран.

Итак, Морриган и Бран на одной стороне, а фомориане и Великий Ворон — на другой. До этого момента мы имели дело только с кельтской мифологией. Я не могла припомнить никакого иного Великого Ворона, кроме Морриган. У Эсмеральды в трейлере была куча разных книг, может, в одной из них он упоминался.

Требовалось минут пятнадцать, чтобы заглянуть домой. Дыхание Дереха оставалось ровным, кровью он не истекал, и, казалось, ему вообще было неплохо. Хотелось проверить Джули, но пятнадцать минут разницы не сделают.

Почему фомориане напали на меня в первый раз? Это был вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов! Сначала они атаквали Рэда, который просто на них наткнулся, по

крайней мере, он так утверждал. Потом набросились на Джули. Теперь на меня. Почему? Что заставило их рискнуть пойти против вампира и оборотня, даже не учитывая тот факт, что до этого я уже оставила от трех рив мокрое место? Месть? Пастырь не производил впечатление вспыльчивого типа с девизом «мечь любой ценой». Скорее это был расчетливый и хладнокровный враг.

Я выстроила в голове хронологию событий, пытаюсь найти связь. Сначала Рэд наткнулся на рив и получил царапину на шее, затем вместе с Джули отправился искать ее мать в месте сбора Сестер Ворона. Оттуда я забрала Джули домой. Рэд пришел за нами и дал девочке монисто. Ривы напали на нее. Потом я оставила Джули в хранилище, и они атаковали меня.

Последнее не имело смысла. Нападение в моем доме я могла понять: перевес был на стороне врага. А вот наброситься во второй раз, когда со мной вампир и оборотень? Да еще и у всех на виду? Кажется, Пастырь в отчаянии.

И как они меня нашли? Вариант по запаху отпадал: улицы Атланты слишком грязные, чтобы там остался хороший след. И за мной точно не следили: для этого нужно подобраться слишком близко, а Дерек бы их учуял.

Единственным способом найти меня оставалась магия.

Рэд сказал, что ривы используют волосы, как лассо. Но они были активны лишь во время магической волны. Именно тогда и произошло нападение на квартиру. Но в последний раз они пришли, когда магия уже спала. Складывалось ощущение, будто незаметный магический запах как-то запяtnал Рэда, потом Джули, потом меня, а ривы, как ищейки, шли по его следу.

Рэд, Джули, я. Есть ли связь? Что нас всех объединяет? Возможно, мальчик запачкался какой-то странной остаточной магией? Джули касалась его, я касалась её и перенесла след на себя. Но остаточная магия обычно не сохранялась после наступления техноволны.

Может, я мыслила не в том направлении. Может, ривы отслеживали что-то конкретное, что работало только во время магических волн — этаким пульсирующим низкочастотный маячок. Что-то, что перешло от Рэда к Джули и от Джули ко мне. Но что?

Монисто.

Я вытащила его и попробовала осмотреть, периодически поглядывая на дорогу. Простая веревочка, сделанная из грязных шнурков для обуви и связанная одним узелком. На ней было около двух дюжин монет. Ну-ка посмотрим: пятидесятицентовая монетка с Кеннеди, четвертак, монетка в двадцать песо, двадцатицентовая с персиком, отчеканенная в Джорджии, — ух ты, редкость какая, жетончик из торгового центра с изображением маленькой лошадки, китайская монетка с квадратным отверстием в центре — интересно, откуда он такую достал. Миниатюрный компакт-диск размером с доллар с надписью «Ахе Grinder III» — наверное, видеоигра. Шершавая пластинка с петлей в середине, через которую проходил шнурок. Монетка с надписью Republica NC Pilipinas², Филиппины? Маленький треугольный амулет с петелькой наверху и размещенным на нем египетским иероглифом. Еще одна круглая монетка, слишком истертая, чтобы определить, было ли что-то на ней изначально. Прямоугольный бронзовый амулет с руной. Пятицентовая монетка...

Одна из них особенная. Которая? Должно быть, одна из тех, что выглядят старыми. Конечно, с моей удачей Пастырь мог просто оказаться сумасшедшим нумизматом, которому до смерти нужна пятидесятицентовая монетка с Кеннеди. Может, я могла бы расставить ловушку при помощи горстки мелочи. Давай, иди сюда, глянь, у меня есть доллар с изображением Сьюзан Б. Энтони, ты знаешь, что хочешь ее.

Я убрала монисто. Я могла бы хоть всю ночь пялиться на него, пытаюсь определить, что именно стало магнитом для рив, или могла просто спросить Джули, необычный живой м-сканер, которая почувствовала бы что-то странное. Если я была права.

Никаких защитных чар на монисто я не ощущала. Возможно, Рэд нашел что-то, что принадлежало Пастырю, скажем, амулет, волшебную побрякушку, или, скорее, украл его и повесил на ожерелье, чтобы скрыть. К сожалению, предмет фонил магией, и тот, кто его держал, мгновенно притягивал к себе рив. Если я была права, Рэд осознал, что его отслеживают, и вручил эту штуку Джули, зная, что ривы вернутся за ней. Он дал монисто не для защиты девочки, а для того, чтобы отвести внимание от себя, направить их на новую цель. Ребенок он или нет, но поступить так было низко.

Добравшись до дома, я уже была достаточно рассердилась, чтобы выпороть его. Рэд создавал проблемы. Джули любила его несмотря ни на что, а он использовал её в своих целях. Я привязала вожжи к одному из столбов металлической стойки, служившей именно для этой цели. С Рэдом действительно было что-то не так. И я понимала почему: он был с улицы, одинокий, голодный, испуганный, брошенный на произвол судьбы. Но я знала детей-беспризорников, которые выросли в людей с правильными моральными устоями. А у этого парня он укладывался в одну строчку: Рэд делал все ради Рэда.

Я пробежала три лестничных пролета до своей квартиры, чтобы обнаружить прочную дверь, преграждающую путь. Ключа с собой, как на зло, не было.

Спустившись на первый этаж, я постучала в дверь управляющего.

— Мистер Патель?

Мистер Патель был наимилейшим управляющим, с которым мне когда-либо приходилось сталкиваться... но и самым медлительным. Коричневый, словно орех, с заспанными глазами и тяжелыми веками, он двигался с величественной медлительностью, слишком переполненный достоинством, чтобы делать все быстро. Ворчание или просьба ускориться лишь замедляли мистера Пателя до скорости течения охлажденной патоки. Ему понадобилось добрых пять минут, чтобы найти брелок с ключами, после чего он перешел к восхождению по лестнице с почтенной благопристойностью. Когда управляющий наконец открыл дверь и вручил мне подходящий ключ, я изнывала от нетерпения.

Я влетела в квартиру, сгребла книги Эсмеральды, выбежала, захлопывая за собой дверь, бросилась вниз по лестнице и пролетела мимо ошеломленного мистера Пателя.

ДВЕРЬ В ХРАНИЛИЩЕ БЫЛА РАСПАХНУТА.

Свет от единственной лампочки освещал её контуры, заставляя светиться словно огромную металлическую монету на дне колодца.

Она должна была быть запертой.

Я медленно спускалась по темным ступеням, держа меч наготове. Впереди пахло аконитом. Это растение использовали, чтобы сбить со следа оборотней: кто-то знал, что со мной Дерек. Если, конечно, это было против нас.

Дерек сладко спал на площадке. Я собиралась затащить его в свой кабинет, но устала, а он позавтракал хлопьями. Волчья туша весила около ста пятидесяти фунтов. Я сдалась на полпути.

В шаге от меня виднелись две капли крови, ещё одна поблескивала на две ступеньки ниже. В воздухе ощущался запах пороха. Андреа стреляла. Ее пуля, вероятно, лишь поцарапала противника, иначе тут было бы тело, а не просто капельки крови. Андреа

никогда не промахивалась.

Я преодолела оставшийся путь на ватных ногах и остановилась, прижавшись спиной к стене. Из хранилища эхом доносилось странное хриплое дыхание, словно по дереву водили затупившейся пилой.

Я наклонилась и заглянула в проход

В ключьях одежды на полу я увидела изуродованное тело. Деформированное или избитое, оно лежало, свернувшись в клубок, и напоминало гротескную кучу из не сочетающихся конечностей, словно лоскутное одеяло из сырой говядины красного и грязно-коричневого цветов. Еще один хриплый выдох слабым эхом прошелся по углам. Джули нигде не было видно.

Пока я стояла там, голова повернулась в мою сторону. Я увидела комок светлых волос и один голубой глаз, другой был скрыт лоскутом плоти.

Андреа.

В один прыжок я приблизилась к ней. Грязные пятна на конечностях оказались мехом: короткая коричневая шерсть с проглядывающими сквозь нее пестрыми участками кожи.

Недоразвитая и слишком плоская грудь. Кожа на животе внезапно закончилась: не разорванная, не разрезанная, ее просто было слишком мало, чтобы выполнять свое назначение. В образовавшемся отверстии блестели кишечные петли. Левая нога трансформировалась в лапу, а правая оказалась сильно растянута и вывернута назад. Челюсти выпирали и не сходились, губы были слишком короткими, а клыки пронзили щеки.

О, Боже милостивый! Спустя столько времени вирус ликантропии настиг и её.

Левый глаз Андреа с синей, как у младенца, радужкой сфокусировался на мне. Из горла вырвался долгий клопочущий звук.

— Помоги-и-и-и.

Это было выше моих сил. Я никогда не видела оборотня, застрявшего в состоянии перехода из одной формы в другую.

Мне требовалось найти кого-то, кто мог бы помочь. Дулиттл. Но он находился в Башне Стаи. Я потратила бы несколько часов на путь туда. Кожа Андреа уже приобрела землистый бледно-серый оттенок, значит, тело оборотня вытягивало последние силы. Она, возможно, не протянет так долго.

Стоп. Дулиттл верен Каррану и сдаст бедняжку через минуту. Потом Стая будет тестировать ее, чтобы убедиться, что она не дикая, и затем Андреа придется столкнуться с Карраном. А быть верным и Повелителю Оборотней, и Ордену одновременно — невозможно. И как только все выяснится, её сразу исключат из Ордена, а она им жила и дышала. Точно так же я могла просто убить Андреа.

Но если я ничего не сделаю, она опять-таки умрет.

Дулиттл исключался. Как и Дерек. К кому же я могла ее отвести?

Дрожь побежала по конечностям Андреа. Её правая нога удлинилась. Кости вытягивались мучительно медленно. Она стонала, и в ее голосе было столько боли, что мое сердце бешено заколотилось. Живот Андреа сжался, ягодицы напряглись, а потом конвульсии прекратились. Она снова плюхнулась на пол.

До меня отчетливо донесся едкий смрад, который я узнала. Гиена.

Башня была общей для всех оборотней, но каждый клан имел свое место для собраний, как и пару своих альф. У гиен тоже должно было быть собственная территория. Не столь многочисленные, как волки или крысы, гиены все-таки собрались в достаточном количестве,

чтобы организовать свою маленькую стаю. Я встречала их предводительницу — женщину в возрасте, именованную Тётушкой Би. И я бы лучше сцепилась со стаей волков, чем разозлила ее. У тетушки Би был пучок на макушке и милая улыбка, но я предполагала, что мою печенку она будет щекотать когтями с не менее милой улыбкой. Львы и гиены не ладили между собой. Карран это признавал. Гиены подчинялись ему, а он предоставлял им достаточно свободы.

Мне нужно было отвезти Андреа к Тётушке Би. Она была жуткой стервой, но лучше иметь дело с ней, чем с Карраном.

Я наклонилась к Андреа.

— Я отнесу тебя в стаю гиен.

Глаза бедняжки расширились. Она дрожала и стонала.

— Нет. Не могу.

— Не спорь. У нас нет выхода.

Я протиснула руки под нее, и они намокли от лимфы. В нос ударил резкий запах мочи. Андреа, вероятно, весила около ста тридцати фунтов. Я сжала зубы и рывком подняла её, а она вцепилась в меня своими деформированными руками.

Боже, какая тяжелая!

Я направилась к двери хранилища.

В детстве отец заставлял меня пробегать изнурительные марафоны с тяжелым рюкзаком за спиной. Тогда меня заставляла двигаться только мысль о том, что в конце боль прекратится. И теперь я так же бормотала это себе под нос, медленно взбираясь по ступеням. Боль — это хорошо. Боль прекратится. Каждая минута задержки подталкивала Андреа все ближе к смерти.

Я уложила ее в тележку.

— Джули? — прошептала я.

— Мальчик. Мальчик-шаман. Забрал Джули.

Её голос утонул в булькающих звуках.

Черт тебя раздери, Рэд. По меньшей мере, ривы не разыщут Джули без монисто.

— Подожди меня. Не умирай.

Я бегом — через ступеньку — вернулась назад. Дерек все еще был в отключке. Я потрясла его.

— Просыпайся!

Оборотень попытался сквозь сон схватить меня зубами, клыки оцарапали руку, но в следующее мгновение он уже вскочил на ноги, поскуливая от смущения.

— Не переживай. Помощь нужна.

Дерек проследовал за мной, но застыл на полпути, выгнув спину и вздыбив шерсть, и раскатисто зарычал.

— Ну пожалуйста. Знаю, пахнет странно, но мне нужен твой нюх. Сейчас. Пожалуйста.

Я упростила оборотня спуститься. Он посторонился от тележки и взглянул на меня.

— Ты можешь учуять Джули?

Дерек опустил нос к земле и отпрянул, словно от удара. Потом вернулся, обошел тележку, прошел еще раз по более широкой траектории, принялся к земле, сделал новый круг и заскулил.

Слишком много аконита — хорошенько же Рэд замаскировал свой запах.

Из повозки раздался приглушенный стон. Джули придется подождать, потому что у

Андреа каждая минута была на счету. По крайней мере, монисто все еще находилось у меня. Если я была права, ривы станут следовать за мной вместо девочки. Буду им только рада. Взбешенная, как сейчас, нападение я поддержу обеими руками.

— Планы меняются. Отведи меня к гиенам. У нас мало времени, пожалуйста, поторопись.

Дерек затрусил вниз по улице. Я запрыгнула на место возницы, и мы тронулись. Достаточно медленно для того, чтобы я сдерживала желание скрежетать зубами, но мы ехали.

В Атланте все было не так. Магия пронзила меня насквозь, когда я правила повозкой по улицам, усыпанным щебенкой, настолько быстро, насколько позволяла лошадь. Странные шутки летали по ночному небу, темные силуэты, беззвучно скользя, заслоняли звезды. Два раза нам пришлось остановиться: в первый раз, чтобы избежать встречи с вампирским патрулем — четырьмя кровососами, построившимися «ромбом», во второй раз, чтобы пропустить полупрозрачный фантом медведя, проследовавшего мимо нас. Его голову венчали рога, по спине спутавшимся водопадом лились ручейки прозрачного пламени. Медведь посмотрел на тележку печальными глазами и побрел вниз по улице.

Параллельно дороге текла призрачная река, вода в ней была чернильно-черная и густая, как смола. Я старалась держаться от нее подальше. Те, что выли и кричали в ночи, помалкивали. Прислушиваясь. Ожидая. Если бы каким-либо чудом можно было перехватить ритм города и проиграть его, эхом повторялась бы одна и та же фраза: «...Грядет всплеск, грядет всплеск, грядет всплеск...»

Конвульсии Андреа теперь повторялись чаще: каждые пятнадцать минут или около того. Я понимала, когда начинался очередной спазм: она издавала короткий полный боли вскрик, заставлявший вздрагивать.

Наконец мы выехали из города и направились по знакомой дороге мимо разрушенного промышленного района и дальше вниз по ныне заросшему шоссе. Наступила ночь, темное небо усыпали маленькие огоньки — звезды, недостижимые для людей. Приглушенные тона, тени практически сливались с окружающей обстановкой. Деревья, такие обычные и веселые в дневном свете, напоминали корявых монстров, подстерегающих добычу. Эта дорога вела в Башню — крепость, где в трудные времена собиралась Стая.

Мы проехали заброшенную темную заправку, у которой двери отсутствовали, а окна были разбиты. Маленькие тощие существа проползли по подоконникам и проскользнули в дверной проем. Тошнотворно желтого цвета, словно гной из зараженной раны, они таращились на нас горящими глазами и протягивали костлявые когтистые руки, будто пытались достать.

Дерек трусил по дороге той ленивой волчьей поступью, которой без усталости можно было пройти многие мили пути. Мы добрались до лесополосы. Массивные дубы обступали дорогу, сцепившись раскинувшимися ветвями. Оборотень остановился, поднял голову к звездному небу и завыл. Вой уплыл в ночь, протяжный, преследующий, полный печали и пронизывающий до костей. Он извещал о нас. Долгую минуту Дерек ждал, потом дернул ушами и побежал по заросшей дороге, располагавшейся под пологом деревьев. Я последовала за ним.

Повозка скрипела, копыта лошади отбивали ровный размеренный ритм.

В ночи эхом раздался жуткий хохот. Пронзительный, сумасшедший звук, натянутый, как готовая лопнуть гитарная струна. С обеих сторон кустарника показались гибкие фигуры.

Они бежали на двух ногах — серые силуэты во мраке — слишком высокие и слишком быстрые, чтобы быть людьми.

Непонятная тень запрыгнула в тележку и приземлилась рядом со мной, красные глаза горели в темноте, как две блуждающие искры. Гиена-оборотень, принявшая переходную форму, — зрелище ужасное.

— Привет, красотка, — его чудовищный рот коверкал слова.

Впереди три гиены, две в зверином облике и одна в человеческом, окружили Дерек, улюлюкая и хохоча в неистовом ликовании.

Самец бросился на меня. Я увернулась, захватила его, заломив руку, и сжала горло, надавив на артерию.

— Я не хочу играть. Отведи меня к Тетушке Би, — проговорила я в круглое ухо.

Его когтистые руки сжали мою.

— Ммм, как приятно. Сделай еще побольнее.

Черт подери гиен.

Впереди Дерек бросился на одну из самок.

— Тебе надо поучиться смирению, — гиена в человеческой форме выхватила кнут. — Идем, я поглажу тебя, волчонок.

Черт. Я пихнула самца влево внутрь повозки, так что он столкнулся нос к носу с Андреа. С губ последней сорвался слабый крик прямо в его морду.

— Она умирает! — процедила я сквозь зубы.

Оборотень отпихнул меня в сторону и заорал:

— Открыть дорогу!

Женщина опустила кулак на бедро.

— Ты забываешься...

— Ей нужна мать, сейчас же! — прорычал самец, и она отступила. Его светящиеся глаза вновь посмотрели на меня.

— Езжай!

Я проехала между гиенами, и они за мной сомкнули строй, преграждая дорогу Дереку.

— Волк пройти не может — это закон. — мрачно произнесла гиена.

— С ним ничего не случится. — В моем голосе было столько стали, сколько я смогла уместить.

— Ничего.

Гиены последовали за повозкой. Подгоняемая их запахом, лошадь побежала быстрее. С грохотом и скрипом мы ехали, ускоряясь, пока тележка не стала взлетать, ударяясь о каждый бугорок дороги. Деревья расступились, и показался большой дом в стиле ранчо. Я натянула вожжи и чуть не лишилась рук. Не в силах остановиться сразу, лошадь пронеслась вокруг дома и, наконец, замерла. Самец-гиена спрыгнул на траву, сгреб Андреа и побежал на крыльцо.

Там зажегся свет. Тетушка Би распахнула дверь. Полная женщина среднего возраста с седеющими волосами, уложенными в пучок, выглядела так, будто готовит печенье, а не управляет стайкой социальных отбросов со склонностью к истерическому смеху и извращенному сексу.

Она бросила взгляд на Андреа и дернула головой.

— Входи! Ты тоже!

Я забежала внутрь за мужчиной. Женщина в человеческом обличье последовала за

нами. По крайней мере, я думала, что она женщина. Тетушка Би, выглянула, на секунду задержав взгляд в ночи, и захлопнула дверь.

Мужчина пробежал через прихожую в огромную ванную комнату. Купальня внушительных размеров утопала в мраморной платформе и могла спокойно вместить шестерых или восьмерых. Он мягким шагом прошел по полу, усыпанному секс-игрушками и фруктами, и запрыгнул в ванну, удерживая Андреа над поверхностью.

Тетушка Би отпихнула с мрамора какую-то штуковину из кожи и стали и села на край.

— Еще кто знает?

— С ней был волк, — сказала женщина.

— Кто?

— Дерек, — ответила я.

Тетушка Би кивнула.

— Прекрасно. Мальчишка сразу же побежит к Каррану. Каррана я урезоню. Нам повезло, что Медведя сейчас нет. Пока никто из старших стражей не узнает, у нас все будет в порядке.

И какого черта она так рада? Урезонить Каррана — то же самое, что успокоить бешеного слона.

Тетушка Би наклонилась к Андреа.

— Глупое, глупое дитя. Ты знаешь, что ты?

Та кивнула. Это усилие сотрясло ее искорёженное тело.

— Потом будет легче. Раздень ее.

Женщина запрыгнула в ванну и сняла обрывки ткани, которые все еще свисали с тела Андреа. У меня сжался желудок и начало подташнивать.

— Тебя сейчас вырвет, выйди. — Тетушка Би кивнула Андреа: — Я помогу тебе обрести естественную форму. Лицо у тебя уже посерело. Ты знаешь, что это значит, поэтому сконцентрируйся, если хочешь выжить. Сначала грудь. Представь, что у тебя за спиной выросли два крыла. Огромных крыла. Расправь их, дитя. Расправь широко.

Грудная кость Андреа поползла вниз. Плечи опустились, растягивая грудную клетку...

Я выбежала из дома.

Я СИДЕЛА НА КРЫЛЬЦЕ. ДВЕРЬ ХЛОПНУЛА, И РЯДОМ мной уселась гиена. Или, может, она была мужчиной. С гиенами трудно разобраться: они представляли собой странное андрогинное существо. В дикой природе доминировали самки: по иерархии первыми шли они, потом детеныши и только потом самцы. Учитывая, что самки пятнистых гиен обычно крупнее самцов и щеголяют достаточно большим клитором, не уступающим в размере пенису самцов, и способным к эрекции, такая иерархия имела смысл.

Конкретно эта гиена была небольшого роста с синими, вертикально торчащими волосами. Она заметила, что я их рассматриваю.

— Нравится прическа? Могу сказать, кто сделал. Но, конечно, на тебе она не будет смотреться так же хорошо, как на мне. — Женщина мне подмигнула.

— Я в этом уверена. И почему у вас можно сделать газовую горелку на голове?

Гиена расхохоталась и протянула мне бутерброд.

— Ты в порядке. Вот, притащила тебе пожрать.

Я принялась к бутерброду.

— Что там? Сперма или измельченные тигриные яйца?

— Салями. Ешь. Вкусно, и это то, что тебе сейчас нужно.

Я думала, что не доем, но после первого же укуса поняла, что хочу еще.

— Как она? — спросила я, перед тем как откусить следующий кусок.

— Все хорошо, — гиена вздернула бровь и кивнула. — Она крепкая боуда.

— Будда?

— Боуда. Гиена-оборотень. Хотя, если тебе нужны подробные объяснения, твоя девочка... — Она осеклась на полуслове. — Если тебе нужны подробные объяснения, я не та, кто их даст. Называй нас боуда. Так правильно, — она принялась. — Гости. Люблю посетителей к ужину.

Из-за деревьев вышел знакомый мне мужчина, двигаясь уверенно и целенаправленно, он выглядел так, будто собирался кого-то ударить. Ростом шесть футов два дюйма, с кожей цвета кофейной гущи, он был одет в длинный черный кожаный плащ почти полностью скрывающий его тело. Единственное, что угадывалось под черной футболкой, говорило, что мужчина состоял только из мышц.

Его манера держаться свидетельствовала о злобном нраве. Ясным днем на оживленной улице толпы народа расступалась перед ним, как Красное море перед Моисеем.

Мужчина остановился в нескольких ярдах от крыльца.

— Вау, зашиби меня перо! У нас на пороге сам начальник бюро расследований, — боуда ухмыльнулась, и это была вовсе не приветственная улыбка.

— Привет, Джим, — сказала я.

Тот не посмотрел на меня.

— Он хочет знать, что происходит. И хочет, чтобы она явилась в Башню. Сейчас.

— Теперь говоришь о себе от третьего лица, да? — боуда улыбнулась.

Джим высоко задрал подбородок.

— Каррану нужна информация. Не заставляй меня входить в этот дом без приглашения.

В глазах боуды полыхнул темно-красный огонек. Она разразилась сумасшедшим истерическим хохотом и наклонилась вперед, обнажая зубы. Лицо превратилось в голодную

гримасу.

— Только сделай шаг, киса! Давай, нарушь закон. И отведаешь клыков дочери Кури, если посмеешь. Я буду широко улыбаться, когда твои кости захрустят у меня на зубах.

Она лязгнула пастью и облизала губы. Джим с рычанием оскалился. Две гиены выплыли из-за дома, словно акулы, клацая зубами и рыча.

Я поднялась и кивнула Джиму.

— Дай мне минутку. В качестве личного одолжения.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Демонстративно медленно мужчина сделал два шага назад и замер в ожидании.

В ванной, на мраморе, едва заметная за одной из самок и Тетушкой Би, сидела Андреа. Боуда-самец перебирал пальцами ее влажные светлые волосы, что-то высматривая.

— Мне надо идти...

Боуды расступились, и Андреа показалась полностью. Ее кожа была покрыта короткой шерстью и усыпана одинаковыми черными пятнами. Я никогда не видела столь пропорциональной формы у оборотня в образе зверя, кроме Каррана. Единственным недостатком оставались руки: слишком длинные, они доставали почти до колен. Мне потребовалось всего мгновение, чтобы осознать: у Андреа видна грудь. Нормальная человеческая грудь. У большинства женщин-оборотней в переходной форма она либо была крошечной, либо вообще проявлялась рядом сосков.

Андреа взглянула на меня. Человеческие лоб и глаза, темная морда и челюсти гиены плавно перетекали друг в друга. Результат был отвратительный, но представлял единое целое.

— Нашел! — парень подцепил что-то когтями.

Тетушка Би обхватила голову Андреа.

— Давай!

Самец сорвал маленький темный предмет, за которым полетело несколько капель крови. Андреа тихо застонала. Тетушка Би отпустила ее, парень наклонился и нежно лизнул шею.

— Рафаэль влюблен, я уверена, — ухмыльнулась девушка-боуда.

Андреа приложила к голове скомканное мокрое полотенце и посмотрела на меня.

— Кейт? Ты куда?

Слова выходили поразительно понятными, и голос совсем не изменился.

— Карран хочет поговорить со мной. Он прислал Джима, и лучше бы мне пойти.

Андреа глубоко вздохнула.

— Я — сангнат.

По её тону я поняла, что у этого слова какое-то глубокое значение, но мне оно ни о чем не говорило. Видимо, непонимание отразилось на лице, потому что Тетушка Би сложила руки на коленях и сказала:

— Ты помнишь Корвина?

— Котоморф. Он умер, защищая Дерека.

Вирус ликантропии действовал в обе стороны: одинаково поражал и людей, и животных, забирая у жертвы фрагменты ДНК и иногда вводя генетический код человека животному. Очень редко в результате получался звероморф, который из зверя обращался в человека. Большинство из них оказывались идиотами и быстро умирали, но некоторые, такие как Корвин, учились говорить и становились полноценными личностями.

Тетушка Би кивнула.

— Хороший парень. Здесь часто бывал.

— Любил поиграть, — добавила девушка-боуда.

— Да, любил. Только стрелял холостыми, вреда не было.

Тетушка Би взглянула на меня.

— Ну, этого следовало ожидать, звероморфы стерильны, — сказала я, чтобы не молчать.

Её лицо чуть вытянулось.

— Не всегда.

— О.

— Изредка, очень-очень редко, у них получается сделать детей.

— О.

Андреа вздохнула.

— Иногда эти дети выживают.

— Ты ребенок гиеноморфа? — просто выпалила я.

Всех передернуло.

— Да, — сказала она, — я сангнат. Мой отец — гиена по рождению.

Теперь все встало на свои места. Андреа не подцепила вирус ликантропии во время нападения, она такой родилась.

— А Тэд знает?

— Возможно, подозревает, но у него нет никаких доказательств.

Я пожала плечами.

— Я ему не скажу, если не скажешь ты. Что случилось с Джули?

— И все? — вмешалась девушка-боуда. — Тебе просто все равно, что она дитя животного?

— Да. А что? Что все-таки случилось с Джули?

Все боуды уставились на Тетушку Би. Та посмотрела на меня.

— Кодекс гласит, что все мы изначально люди. Рождены людьми и умираем людьми. Это естественная форма, доминирующая. Мы должны отстаивать это и ставить выше зверя, потому что это в нашей природе.

— Сангнаты рождаются зверем, — мягко сказала Андреа, — а значит, наша естественная форма — животное, но по мере взросления мы теряем способность обращаться в зверя, потому что гибриды. Таким образом, я животное, рожденное уродом. Неестественна.

С ума сойти!

— Андреа, ты — мой друг. У меня друзей немного. Кем ты была рождена, как ты выглядишь и что об этом кто-то думает — для меня значения не имеет. Когда мне требовалась помощь, ты помогла, вот что важно. А теперь, пожалуйста... пожалуйста, скажи, что случилось с моим ребенком?

Нос Андреа дернулся. Она издала нервный смешок и тут же подавила его.

— В хранилище пришел мальчик-бродяга.

— Рэд.

— Да. Джули сказала мне, что он ее парень. Он был весь в крови и рухнул у двери. У Джули началась истерика. Я открыла дверь, и мальчик что-то бросил в меня, какой-то порошок. — Она поморщилась, обнажив белые зубы. — У меня в черепе был шаманский амулет, который не давал обращаться во время всплеска. Обычно проблем не возникало, но волна магии была слишком сильной. Что бы мальчик там ни сделал... — Андреа подняла

руки, — это подействовало на амулет. Я начала превращаться, но не смогла сделать этого полностью. Он схватил Джули и вытащил ее наружу.

Я была зла. Очень! Очень зла на Рэда.

— Твой меч дымится, — заметила девушка-боуда.

— Бывает, — мой голос прозвучал сухо. Вот маленький засранец. Какого демона он творит? И где я собираюсь его искать? В городе имелась куча мест, где двое бездомных детей могли легко укрыться. Шанс десять миллионов к одному, что ривы отыщут их раньше меня.

Тетушка Би подалась вперед.

— По традиции всех сангнатов убивают при рождении. Если кто-то из старших оборотней выяснит, что она здесь, вокруг моего дома соберется толпа.

Парень-боуда облизнул губы.

— Это может быть весело.

Тетушка Би вытянула руку и небрежно отвесила ему подзатыльник.

— Уоо.

— У меня на пороге котенок Каррана?

— Да.

— Он уже почуял Андреа и обязательно доложит. Тебе придется рассказать Каррану. И лучше не врать.

— Приму это к сведенью. — Я вышла из комнаты.

ВОЛОСЫ КАРРАНА СПАДАЛИ НА ПЛЕЧИ. ДЛИННЫЕ Светлые, прекрасно вьющиеся, они, как грива, обрамляли его лицо. Повелитель Обратней сидел в комнате Башни Стаи, читая потрёпанную книгу под тусклым светом настольной лампы. Он даже головы не поднял, когда Джим впихнул меня в комнату и закрыл дверь.

Теперь я осталась наедине с ним. И темнотой, пробивавшейся в комнату через открытое окно.

Джим молчал всю дорогу, и я сомневалась, что это хороший знак.

— Что с твоими волосами?

Карран оторвался от книги и скривился:

— Они растут с каждым Всплеском. Ничего не могу с этим поделать.

Мы уставились друг на друга.

— Где же шуточка про Фабио^[23]? — спросил он.

Я слишком устала, чтобы шутить.

— Я привела больную сангнату в дом тетушки Би, — мой голос звучал слабо, словно был лишён жизни. — Она мой друг, и если захочешь убить её, тебе придётся иметь дело со мной.

Карран крепко зажмурил глаза, прикрыл их рукой и потёр. Я молча сидела в кресле, позволяя ему преодолеть боль.

— Почему я? — наконец спросил он. — Почему ты вечно пытаешься испортить мне жизнь?

— Наоборот, я стараюсь избегать тебя.

— Хреново у тебя это выходит.

— Серьёзно, я не хочу создавать проблемы.

— Ты не создаёшь проблемы. Их создаёт неуправляемый вампир, а из-за тебя происходят глобальные катастрофы.

О, давай, посыпь мне ещё больше соли на рану.

— Послушай, как только это закончится, я обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы и вправду держаться от тебя подальше. Но неужели ты убьёшь моего друга?

Карран вздохнул:

— Нет. Я ещё не убил ни одного сангната и начинать не собираюсь. Это старая традиция. Когда Корвин нашёл нас, мне пришлось нарушить её, но из-за этого появилось много недовольных. Подавить сопротивление, не задев чьих-то чувств, было утомительно и трудоёмко. Если твой друг хочет стать членом Стаи, мне придётся снова вернуться к этой проблеме.

Меч в ножнах, которые я носила на спине, не давал ни нагнуться, ни просто расслабить спину, поэтому я очень хотела поскорее его снять. Даже позвоночник устал. Я расстегнула кожаную куртку, сбросила её, отстегнула со спины меч и поставила его рядом.

— Она хочет скрыть свою сущность, так как является членом Ордена. — Рано или поздно Карран всё равно бы об этом узнал. — Я собираюсь помочь ей в этом. После того, как найду Джули.

— Ты потеряла девчонку?

— Да.

— Как?

Я откинулась на спинку стула:

— Её похитил шаман-бойфренд прямо из-под носа моей подруги. Он сделал что-то, из-за чего она начала менять облик, но окончательно сделать это не смогла.

— Продолжай.

— Я нашла её, погрузила в повозку и отвезла к гиенам.

Карран странно посмотрел на меня:

— Ты перевезла её туда прямо из Ордена, даже несмотря на такую сильную магию?

— Да. И отлично справилась, не считая одного случая на заправке.

Он ненадолго задумался.

— И давно это произошло?

— Несколько часов назад.

— И Дерек не смог учуять запах Джули? — в голосе Карана слышалось явное неодобрение.

Я отрицательно помотала головой.

— Шаман использовал слишком много аконита. Я найду её, просто пока не знаю, как.

— Я помогу, чем смогу. Но не обольщайся: это не ради тебя, а ради ребёнка. Если бы не девочка и не Всплеск, я бы сейчас выкинул твою тупую задницу из этого окна.

— А при чём здесь Всплеск?

— Не хочу, чтобы это произошло из-за того, что я утратил контроль над собой. Когда я выброшу тебя из окна, хочу быть полностью уверен, что делаю это намеренно.

Ух ты, какие мы недовольные.

Теперь стало понятно, почему Карран сидел именно здесь: в тихой комнате с успокаивающим светом и книгой. Сильная магия подпитывала зверя внутри него. И на сдерживание, требовались колоссальные усилия. С приближением Всплеска Повелитель Обратней стал похож на пороховую бочку с очень коротким фитилём. И мне следовало быть очень осторожной, чтобы не поджечь этот фитиль. Никто за пределами Стаи, за исключением Андреа, не знал, что я здесь. Карран мог убить меня в любой момент, и тело никогда бы не нашли.

Мы долго молчали. Магия становилась всё сильнее, наполняя меня неудержимой энергией. Опять короткие волны. Через несколько минут они отступят, и тогда снова вернётся усталость.

Чувство вины терзало меня. Карран контролировал себя в моём присутствии, но я не могла сказать того же самого о себе.

— Там, на крыше... Иногда я просто не могу себя остановить.

Он придвинулся ближе, внезапно оживлённый.

— Неужели здесь пахнет извинением?

— Да. Я наговорила того, чего не следовало, и очень сожалею об этом.

— Это значит, что ты сейчас упадёшь на колени и будешь вымаливать прощения?

— Нет. Тогда я говорила абсолютно серьёзно, просто нужно было сформулировать мысли более вежливым образом.

Я взглянула на Повелителя Обратней и увидела льва. Внешне он не изменился: лицо всё ещё было человеческим, но что-то львиное проскальзывало в том, как Карран сидел, полностью сфокусировавшись на мне, словно готовясь внезапно атаковать. Первобытный инстинкт заставил меня замереть. И я так и сидела, не в состоянии отвести взгляда.

Медленная, ленивая, плотоядная улыбка коснулась его губ.

— А ты не только переспшишь со мной, но ещё и «пожалуйста» скажешь.

Я уставилась на Каррана, полностью шокированная.

Его улыбка стала ещё шире.

— Перед сексом ты скажешь мне «пожалуйста», а после него — «спасибо». — И тут он разразился нервным смехом.

— Ты сошел с ума. Завязывай с осветлением волос, Златовласка, а то у тебя мозг уже обесцветился.

— *Напугана?*

— Тобой? Нет. Если ты выпустишь когти, я достану свой меч, но ведь я уже сражалась с тобой в твоей человеческой форме, — потребовалась вся сила воли, чтобы пожать плечами. — Ты не так уж и впечатляешь.

Карран в мгновение ока преодолел расстояние, разделявшее нас. У меня едва хватило времени, чтобы успеть встать со стула. Стальные пальцы сжали моё левое запястье, а другая рука обняла меня за талию. Я попыталась вырваться, но он с лёгкостью поборол все мои старания, притягивая ближе к себе, как в танго.

— Карран! Отпус...

Повелитель Обратной прижал меня к бедру, и я ничего не могла с этим сделать. Он потянул меня вперёд и покружил, словно мы танцевали вальс. Я скользила по воздуху, управляемая его руками, и вдруг резко приземлилась на спину. Воздух вырвался из лёгких испуганным выдохом. Оу.

— Ну как, впечатлилась? — спросил Карран с широкой улыбкой на лице.

Играет. Опять играет со мной. Это не настоящая борьба: он мог бы швырнуть меня на пол так, чтобы я сломала себе шею, а вместо этого держал меня до самого конца, чтобы убедиться, что я приземлилась правильно.

Карран немного наклонился вперёд.

— Фиговенький из тебя наёмник, не справилась даже с таким простым приёмом. На твоём месте я бы сгорел от стыда.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь наполнить лёгкие кислородом.

— Я мог бы убить тебя прямо сейчас, это не долго. Но я даже несколько смущен. Ну, наколдуй хоть что-нибудь.

Как скажешь. Я вздохнула и выкрикнула недавно выученное слово Силы:

— *Osanda!*

На колени, Ваше Величество.

Он заворчал, словно пытаюсь поднять непосильную ношу. Лицо исказилось от напряжения. Ха-ха. Он не единственный, чьи силы подпитывает Всплеск.

Я спокойно встала на ноги. Карран не двигался, мускулы ног напряглись. Он не склонился. И не склонится. Я направила на Повелителя Обратной слово Силы прямо в разгар долбанного Всплеска, и оно всё равно не сработало. А когда он окончательно оправится, то, скорее всего, убьёт меня.

Все инстинкты самосохранения мигом начали работать. Здравый смысл кричал: «Беги из комнаты, тупица!» Но вместо этого я подошла поближе к Каррану и прошептала ему на ухо:

— Я всё ещё не впечатлена.

Он нахмурился, брови сомкнулись. Повелитель Обратной напрягся, мускулы на теле

задрожали, и он выпрямился, издав гортанный вздох.

Я быстро начала отступать в конец комнаты, проходя мимо Убийцы. Я так хотела его схватить, что аж ладонь заболела, но правила этой игры были очень чёткими: никаких когтей и никаких мечей. Если бы я взяла оружие в руки, то подписала бы себе смертный приговор.

Карран расправил плечи:

— Продолжим?

— С удовольствием.

Он направился в мою сторону. Я ждала, напрягая ноги, чтобы быстро отскочить. Повелитель Обратной был силен как бык, а значит, точно попытается схватить меня. Если он это сделает, я проиграю. В крайнем случае, я всегда могу выпрыгнуть в окно. Падение с сорока футов — малая цена, чтобы спастись от него.

Карран попытался схватить меня. Я увернулась и ударила его по колену. Хороший удар. Обычному человеку он сломал бы ногу.

— Миленко.

Он схватил мою руку и небрежно швырнул меня в другой конец комнаты. Я на секунду оторвалась от пола, упала, перекрутилась и поднялась на ноги. Карран самодовольно смотрел на меня.

— А с тобой весело играть. Из тебя получилась хорошая мышка.

Мышка?

— Я всегда был равнодушен к мышкам. — Повелитель Обратной Карран улыбнулся. — Иногда они наполнены кошачьей мятой^[24] — неплохой бонус.

— Я не наполнена кошачьей мятой.

— Давай это проверим.

Он расправил плечи и направился в мою сторону. Хьюстон, у нас проблемы. Судя по взгляду Каррана, если я вмажу ему по морде, это не подействует.

— Я могу остановить тебя одним словом.

Повелитель Обратной заключил меня в медвежьи объятия, и я поняла, как чувствует себя грецкий орех перед тем, как его раздавит щелкунчик.

— Так останавливай, — сказал он.

— Свадьба.

Всё веселье пропало из его глаз. Карран отпустил меня, и на этом игра закончилась.

— Ты никогда не сдаешься, да?

— Да.

Магия снова отступила. Моя спина начала болеть: должно быть, я приземлилась не так мягко, как полагала. Боль распространилась на бицепсы. Спасибо за крепкое объятие, Ваше Величество. Я прислонилась к стене.

— Почему ты так зациклилась на их свадьбе?

Я потёрла лоб, пытаясь смахнуть усталость и избежать разговора.

— Ты правда хочешь знать?

— Да. Что это: вина, месть, любовь?

Я сглотнула:

— Я живу одна.

— Ну и?

— У тебя есть Стая. Ты окружен людьми, которые в лепёшку расшибутся, лишь бы

попасть в твою компанию. А у меня никого нет: родители мертвы, вся семья мертва. У меня нет друзей. Кроме Джима, и то у нас с ним скорее рабочие отношения, чем дружба. У меня нет парня. Мне даже домашнего питомца завести нельзя, потому что он умрёт от голода: я редко бываю дома. А когда я всё-таки приползаю туда, вся в крови, грязная и уставшая, то там темно и пусто. Никто не включает для меня свет на веранде. Никто не обнимает меня и не говорит: «Эй, я рад, что ты со всем справилась и что с тобой всё хорошо, ведь я волновался». Всем наплевать, умерла я или нет. Никто не делает мне кофе по утрам, никто не обнимает меня в постели, никто не подаёт мне лекарства, когда я болею. Я всегда сама по себе.

Я пожала плечами, пытаюсь выглядеть как можно более безразличной.

— Большую часть времени я люблю быть сама по себе. Но когда представляю будущее, там нет ни семьи, ни мужа, ни детей. Никакой теплоты. Я просто вижу, как становлюсь старше, а на теле прибавляются шрамы. Через 15 лет я всё так же буду притаскивать своё избитое, окровавленное тело в дом и там зализывать раны в полном одиночестве. У меня не может быть ни любви, ни семьи, но Крест и Мийонг нашли своё счастье. И я не хочу отнимать его у них.

Я посмотрела на Каррана и заметила что-то в его глазах — понимание, симпатию — но не смогла определить, что именно. Что бы то ни было, оно промелькнуло лишь на секунду, а потом он снова надел свою маску неприступного альфы.

Я отвернулась. Я опустила очень многое. Скрыла ту часть, которая бы объяснила, почему находиться со мной значит находиться в опасности: моя кровь сделала из меня ходячую мишень. Занятие сексом передавало партнёру кусочек моей магии. Встречаться с обычным человеком было бы эгоистично с моей стороны, потому что я не смогла бы защитить его, если бы меня нашли. Блин, да я бы и сама себя не смогла защитить, если бы такое случилось.

Встречаться с сильным человеком было бы глупо, потому что, выяснив, что я такое, он или убьёт меня, или попытается использовать в своих целях. Я отчётливо помню первый раз, когда поняла это. Его звали Дерин. Колдун. Мне было семнадцать, и очень хотелось поскорее запрыгнуть к кому-нибудь в постель. А его постель была чрезвычайно хороша. Годы спустя, оглядываясь назад, мне пришлось признать: Дерин не был так уж хорош, но так как это был мой первый раз, все могло быть гораздо хуже.

И Грэг сделал то, что любой хороший опекун сделал бы на его месте: сел рядом со мной и очень деликатно объяснил, почему я никогда больше не смогу увидеться с Деринем. Свидания на одну ночь в другом городе были самым безопасным вариантом. Скрывай свою кровь. Выжди свой час, пока не станешь достаточно сильной. Никому не доверяй. Я знала всё это, просто не понимала смысла. А опекун просветил меня. За это я сильно его возненавидела и согласилась вступить в Академию Ордена, лишь бы уехать от Грэга как можно дальше.

Магия снова накрыла нас, сильная, одурманивающая. Волосы Каррана выросли ещё на дюйм.

Я точно знала, что в нём так меня притягивало: если бы мы начали драться — по-настоящему драться — сомневаюсь, что я бы выиграла. Нет, я бы точно проиграла. Карран убил бы меня. Даже глазом не моргнув. Он пугал меня, и, чем испуганнее я была, тем нахальнее звучали мои слова.

— Теперь твоя очередь, — сказала я.

— Что?

— Твоя очередь. Я объяснила, почему хочу, чтобы они были вместе. А теперь ты поведай мне, почему не хочешь их свадьбы.

Из-за ревности, гордости, любви — ведь это достаточно хорошие причины для такого эго-маньяка, как ты. Выбирай.

Карран вздохнул:

— Она слаба, а он эгоистичная задница. Он её использует. Она совершает большую ошибку.

Такого ответа я не ожидала.

— Но это ошибка Мийонг, не твоя.

— Знаю. Хотя до сих пор жду, пока она осознает, что делает.

Я покачала головой.

— Карран, она умоляла бывшую подружку своего жениха договориться об этом браке. Если Мийонг унилась до такого, то она сделает абсолютно всё для Крэста. Она не похожа на ту, которая бы выдерживала давление. Если ты и дальше продолжишь отказывать в свадьбе, то просто снова доведёшь её до суицида.

— Ты видела шрамы?

Я кивнула:

— Люди должны сами принимать решения, не важно, насколько неправильные. В противном случае они не могут быть свободными.

Осторожный стук в дверь эхом пронёсся по комнате.

— Войдите.

В двери показалась голова какого-то молодого парня:

— Оно проснулось.

Карран встал.

— Мне нужно тебе кое-что показать.

Спасибо тебе, Господи, что это не одна из его пикаперских фразочек.

Когда мы шли за оборотнем по коридору, Карран осторожно спросил меня:

— Как твои руки? Болят немного?

— Нет, — соврала я, — а как там твоё колено?

Через несколько шагов я усмирила беспокойство.

— Ты ведь шутил насчёт тех «спасибо» и «пожалуйста», да?

— Я говорил абсолютно серьёзно, — в его глазах танцевали искорки, — детка.

Нет.

Карран засмеялся.

— Ты бы видела своё лицо.

— Не зови меня так.

— Тогда тебя лучше называть «дорогая»? Или, может, «кексик»? — он подмигнул.

Я сжала зубы.

Мы спустились по винтовой лестнице во внутренний двор Башни. Я так и не поняла: то ли она похожа на средневековый замок, то ли на тюрьму XXI века. Её главная башня была высокой и устрашающей — громадное прямоугольное здание, оно казалось грубым. Однажды Джим сказал, что они возвели её своими руками, практически без помощи техники, и это строительство заняло около десяти лет. Мне казалось, даже больше. Под Башней было ещё много этажей.

Сплошная каменная стена огораживала главную башню, образуя внутренний двор. Я никогда прежде не бывала во дворе, огромном и почти пустом. У дальней стены располагалось какое-то тренировочное снаряжение. И огромный склад, покрытый навесом. И водяная башня. Справа от нас группа оборотней стояла возле огромного резервуара с жидкостью. В последний раз, когда я видела такой резервуар, он был наполнен тёмно-зелёным исцеляющим раствором, который наколдовал Дуллитл, и Карран плавал там совсем голым.

Но в этом резервуаре находилась чистая вода. Внутри виднелась клетка для диких оборотней: решётки толщиной с мое запястье и покрытые серебром. Что-то темное двигалось в клетке. Оборотни ходили взад и вперёд. Среди них было трое чудовищ ростом около семи футов — оборотней, принявших звериную форму, чьи лохматые головы закрывали весь вид.

— Что это? — я кивнула в сторону клетки.

— Увидишь.

Карран выглядел довольным, словно кот, который стащил сметану и при этом избежал наказания.

Как только мы пересекли двор, темная фигура заслонила звёзды. Очертания длинного тела с огромными перепончатыми крыльями тихо пролетели над нами и исчезли за линией деревьев.

Этого не может быть. Даже во время Всплеска возможность увидеть такое создание ничтожно мала.

Оборотни расступились перед Карраном. В клетке двигалось знакомое светящееся тело. Рива.

— Как ты?..

Карран пожал плечами.

— Она явилась сюда, вынюхивая твой след, после того, как ты ушла. У нас возникли разногласия, и я вырвал риве руки. Она не умерла, поэтому мы заточили её в клетку для диких оборотней и привезли сюда.

Рива плавала в воде, её глаза были широко раскрыты. Крошечные щели жабр дрожали на шее. Обе руки уже отросли и прекрасно функционировали. Она регенерировала.

Волосы сомкнулись на прутьях клетки и снова отпрянули.

— Она не любит серебро, — Джим появился среди толпы как по волшебству.

Карран кивнул:

— Клетка для диких оборотней была хорошей идеей. Я сам до этого никогда бы не додумался.

В следующий раз, когда Гильдия снова даст мне дополнительное задание, я потрачу заработанные деньги на то, чтобы сделать себе домой решетки для окон из такого же сплава. Те, что использовались сейчас, содержали в себе приличное количество серебра, но, видимо, недостаточное, чтобы оттолкнуть рив.

Я вытащила монисто из ремня. Рива рванулась к прутьям, её лавандовые глаза уставились на него.

— Ты хочешь это, да? — я передвинула руку с монисто влево, взгляд ривы последовал за ним.

Развязав один из многочисленных узлов, я вытащила первую монету и кинула её на несколько сантиметров в траву. Рива всё равно не отрывала глаз от монисто. Я вытащила

вторую монету и кинула её туда же. Никакой реакции.

— Какая-то из них особенная? — спросил Карран.

— Да, только вот не знаю, какая именно.

Третья монета. Четвёртая.

— Эй, ребятки!

Я узнала бы этот голос из тысячи. Бран, стоя на верху стены в добрых двадцати пяти ярдах от нас, помахал арбалетом.

— Какая прекрасная вечеринка, а меня не позвали.

— Снимите его оттуда, — мягко сказал Карран.

Два оборотня в звериной форме отделились от группы и двинулись к стене.

Бран состроил гримасу.

— Так, значит, это ты — большая шишка? Я думал, ты будешь выше.

— Достаточно высокий, чтобы сломать тебе спину, — ответил Карран; на его лице читалось типичное «проваливай», такое же многозначительное, как кусок гранита. — Спускайся со стены, поговорим.

— Нет, спасибо, — Бран внимательно посмотрел на монисто в моей руке, а затем на оборотней, окружавших меня. Он очень хотел заполучить ожерелье, но обстоятельства складывались не в его пользу.

Бран пожал плечами и увидел риву.

— Что она здесь делает? Давайте я вам помогу.

Арбалет щёлкнул, и два болта вонзились в голову ривы, остриями вылезая через глаза.

Она превратилась в жидкость.

Дверь, ведущая в башню, широко раскрылась, и оборотни начали заполнять двор. Кто-то закричал:

— У него наши исследования!

— Нужно бежать! — Бран помахал нам пачкой бумаг. — Спасибо за карты!

Туман закружился, и нахал с арбалетом исчез.

Карран зарычал.

КОГДА РЯДОМ С ТОБОЙ РЫЧИТ ЛЕВ, СНАЧАЛА КАЖЕТСЯ это раскат грома. Первый звук, глубокий, пугающий, живому существу такое не под силу. Он раздражает нервы, заставляя застыть на месте. Разум покидает сознание, и ты становишься беспомощным жалким существом без когтей, зубов и голоса.

Постепенно рокот ослабевает, и ты думаешь, что все закончилось, но рычание сшибает тебя с новой силой, словно какой-то жуткий кашель, один рык, затем второй, он набирает скорость, нарастая и превращаясь в непрерывное оглушающее рычание. Ты борешься с желанием закрыть глаза. А чтобы повернуть голову, требуются все остатки самоконтроля.

И ты видишь чудовище ростом в семь футов. С головой и шеей льва. Он серый, лохматый, а черные полосы на огромных руках и ногах, похожи на следы от кнута. Монстр может выпотрошить тебя одним быстрым движением, а его взгляд опалает золотым огнем.

Рев сотрясает землю. От него съезживаются монстры поменьше, и ты чувствуешь запах мочи, а чтобы не оглохнуть, затыкаешь уши.

Наконец рычание Повелителя Обратной пошло на убыль. Слава Богу. Я хотела указать на то, что Бран не мог слышать его, а даже если бы смог, то, вероятно, не упал бы в обморок от страха, но момент был не самый подходящий момент. Морда льва задрожала и обратилась в знакомую смесь человека и животного, известную как промежуточная форма Каррана. Его голос прогремел на весь двор:

— Общайте Башню. Выясните, как он проник внутрь и что еще стащил.

Оборотни исчезли с рекордной скоростью, все, за исключением Джима.

Мне требовалось добраться до Брана. Времени оставалось мало, нас почти накрыло всплеском, а я хотела найти Джули и ее мать до того, как он достигнет апогея. Но нельзя было соваться в туман с монисто в руках: пес Морриган желал получить его. И уходить без ожерелья не следовало, потому что фомориане тоже искали его.

Что делать?

Джим посмотрел на Каррана.

— У нас есть приманка, которая ему нравится. Он может прийти навестить ее.

Сволочь, подставляет меня снова и снова. Какого черта я всегда этому удивляюсь? Я взглянула на Каррана. Он обдумывал услышанное — я почти видела, как под гривой вращаются шестеренки.

— Не делай этого. Мне нужно найти Джули, я не могу сидеть здесь и ждать, пока этот идиот снова выскочит из ниоткуда.

Джим протянул ко мне руку.

— Опусть или лишишься ее, — я даже не позаботилась взглянуть на него. — Ты знаешь меня. Ты знаешь, я сделаю это.

— Мы не нуждаемся в чьей-либо помощи, — сказал Карран.

Джим отдернул руку.

Я глубоко вздохнула. Из всей этой неразберихи был лишь один выход, но на него мог осмелиться лишь отчаявшийся дурак вроде меня. Это было либо невероятно умно, либо невероятно глупо.

Я протянула монисто.

— Это нужно лучнику. Я видела, как он смотрел на него. Я доверяю Стае беречь эту

вещь до тех пор, пока она мне не понадобится, — я положила ожерелье в когтистую руку Каррана. — Я верю, что у тебя оно в безопасности. Не знаю почему, но это очень важная штука: и лучник, и ривы придут за ней. Я не могу позволить себе потерять такую ценность. Ты обещаешь сохранить её?

Это был жест абсолютного доверия. Все знали, что Бран трижды посрамил Стаю, нарушив ее границы. Тот факт, что я доверила Каррану монисто, значил для него больше любой мести. Я перевела это в разряд личных взаимоотношений. Если он примет эту вещь, то умрет, защищая её.

Золотые глаза внимательно смотрели на меня.

— Я даю тебе слово, — сказал Карран.

— Это все, что мне нужно.

Я была вольна поступить так, как считала нужным. Ни одна рива не сможет превзойти Каррана, а я отвлеку Брана, найти бы его.

— Я собираюсь в дом боуд, проведать мою подругу, а потом отправлюсь искать Джули.

— Тебя проводят до территории гиен.

— Я сама могу найти дорогу.

Карран замотал головой.

— Не спорь со мной сейчас.

Две минуты спустя я скакала верхом в дом боуд в сопровождении четырех мрачных вервольфов. Они оставили меня у невидимой границы. Как соизволил объяснить один из них, каждый клан оборотней Стаи рассчитывает на приватность в месте своих встреч. И члены других кланов не могут нарушать эту приватность.

На крыльце ждала та же боуда, что обещала улыбаться, пока будет обглаживать кости Джима. Она наблюдала за тем, как я спешила и забрала книги Эсмиральды из повозки, все так же брошенной у дома.

— Ты вернулась, — сказала гиена. — Я заглядывала к твоей малышке, пока тебя не было. Она горячая штука. Ей нравятся девушки?

— Не знаю, правда.

— И на чем она повернута? Сладости, музыка? Что ей нравится?

— Пушки.

— Пушки?

— Ага.

Боуда нахмурилась.

— Ничего не понимаю в пушках. Кажись, не складывается, да? Облом. Даже и не знаю теперь, нужно ли мне заморачиваться.

Она снова напомнила мне о Карране.

— Все мужики-козлы, — констатировала я.

Гиена покивала.

— Женщины не лучше. Большинство из них — ноющие сучки, — она задумалась. — А с парнями может быть весело. Рекомендую Рафаэля. Он у нас самый терпеливый, поэтому ему везет чаще других. Хотя, думаю, сейчас все его внимание занято твоей малышкой.

Я нашла Андреа и Тетушку Би на кухне у маленького круглого стола, они пили чай. Вид того, как Андреа подносит чашечку к своей гиеновой морде, чуть не довел меня до истерики. Я зажала рот рукой, стараясь не рассмеяться. Нервы.

Если бы она попросила печенюку, то добила бы меня.

Андреа заметила меня и напряглась.

— Как прошло?

— Что?

Тетушка Би вздохнула:

— Она хочет знать, идет ли Карран ее убивать.

— Ааа. Нет, он не заинтересован в твоей смерти. Поверь, сейчас ты — наименьшая из его проблем.

Андреа выдохнула.

— Пожалуйста, скажите, что у вас есть кофе.

Тетушка Би скривилась:

— Они и так ненормальные. Если я позволю им пить кофе, они будут носиться по стенам. У нас чай из трав.

Я положила книги на стол.

— Выглядишь уставшей, тебе надо поспать, — Андреа поставила передо мной чашку, над которой клубился пар.

Мне надо найти Джули и ее маму, уговорить социопата, чтобы он поделился кровью на благо человечества, разобраться с чудовищем, в балахоне и с щупальцами, и с его бешеными русалками. Мне требовался кофе.

Парень-боуда медленно вошел в кухню, одетый в черные кожаные штаны и такой же жилет, мало скрывающий рельефную грудь. Он не был красив в традиционном понимании этого слова, скорее наоборот: слишком длинный нос на достаточно узком лице, но насыщенный синий цвет глаз и черные волосы, расчесанные до сияющего совершенства, — парень умело пользоваться всеми своими достоинствами. Какой-то природный женский инстинкт уверял, что он будет хорош в постели, поэтому, когда парень смотрел на тебя, сразу возникали мысли о сексе.

Взглянув на Андреа со странной тоской на лице, он тут же переключил внимание на меня и протянул руку.

— Прошу прощения за нашу... стычку в повозке. Я всего лишь шутил. Я Рафаэль.

— Это который любит боль, — я подошла ближе, чтобы пожать ему руку, но парень развернул ее и поцеловал пальцы, опалив меня взглядом полным огня.

Я отняла руку.

— Ты меня заводишь.

Он улыбнулся, и его улыбка была точно, как с картинки.

— И давно ты?..

По какой-то непонятной причине захотелось ответить:

— Два года. И я была бы признательна, если бы ты не улыбался так. У меня слабеют колени.

Рафаэль отступил. На его лице появилось то же озабоченное выражение, которое я видела у Дулиттла, когда убеждала его, что в порядке.

— Два года? Это слишком долго. Если хочешь, мы с этим разберемся, после двух лет — это терапия чистой воды.

— Нет, спасибо. Карран уже предлагал мне помощь, и, поскольку я его отшила, не хотелось бы вызвать трения между вами.

Последнее, что мне было нужно, — настроить гиен и Каррана друг против друга.

Рафаэль отступил, стратегически подняв руки в воздух и вставая за Андреа.

— Без обид.

— Без проблем.

— Карран делал это всерьез? — спросила тетушка Би.

Она хотела знать, насколько деликатно нужно вести себя со мной. На этот раз я была рада разочаровать.

— Нет, просто вел себя как мудака. Видимо, каждый раз, когда он называет меня «детка», у меня такое лицо, будто мне в зад засунули раскаленную кочергу. Это бесконечно его веселит, — я отпила чай.

Тетушка Би странно посмотрела на меня.

— Знаешь, — сказала она, помешивая чай, — самый быстрый способ отвязаться от Каррана — переспать с ним. И сказать, что ты его любишь. Желательно в постели.

Я прыснула, и чай чуть не полился у меня из носа.

— Он сбежал бы, словно ошпаренный.

Рафаэль положил руки на плечи Андреа.

— Все еще немного напряжена? — его пальцы начали нежно разминать мышцы.

— Ты сделаешь это? — Тетушка Би поглядывала на меня поверх края чашки.

— Пока жива, нет. Погодите, забираю свои слова обратно. Это должно быть «никогда в этой чертовой жизни».

— Он приглашал тебя поужинать, милочка? Подарки, цветы, прочее?

Мне пришлось поставить чашку, руки слишком тряслись. Отсмеявшись, я сказала:

— Карран? Ну, вообще-то он не Мистер Галантность. Вручил мне тарелку супа, вот насколько мы продвинулись.

— Он тебя кормил? — Рафаэль перестал делать массаж Андреа.

— Как это случилось? — Тетушка Би уставилась на меня. — Будь точна — это важно.

— Вообще-то Карран меня не кормил. Я была ранена, а он просто вручил мне тарелку с куриным супом. На самом деле, думаю, две или три тарелки. И назвал дурой.

— И ты взяла? — спросила Тетушка Би.

— Да. Я жутко хотела есть. Почему вы трое на меня так смотрите?

— С ума сойти, — Андреа поставила чашку, разлив немного на стол. — Повелитель Обратной кормил тебя супом. Задумайся на секунду.

Рафаэль кашлянул. Тетушка Би подалась вперед.

— В комнате был еще кто-то?

— Нет. Он всех выставил.

Рафаэль кивнул.

— Хотя бы пока не заявил об этом публично.

— Карран может никогда не заявить, — сказала Андреа. — Это поставит под угрозу ее положение в Ордене.

Лицо Тетушки Би стало строгим.

— Это не выйдет за пределы этой комнаты. Слышишь меня, Рафаэль? Никаких сплетен, постельных разговоров — ни слова. Нам не нужны проблемы с Карраном.

— Если вы сейчас же мне все не объясните, я кого-нибудь задушю.

Рафаэлю, конечно, это может понравиться...

— Еда имеет особое значение, — начала Тетушка Би.

Я кивнула.

— Еда — показатель иерархии. Никто не начинает есть перед альфой, пока не получит

разрешение, и ни один альфа не ест в присутствии Каррана, пока не начнет Карран.

— Есть еще кое-что, — произнесла Тетушка Би, — животные выражают любовь через еду. Если кот любит тебя, он оставит мертвую мышь у тебя на крыльце, потому что охотник из тебя паршивый и он хочет о тебе позаботиться. Когда мальчику-оборотню нравится девочка, он приносит ей еду, и если она отвечает взаимностью, то может приготовить ему обед. Когда Карран хочет показать свой интерес к женщине, он покупает ей ужин.

— При всех, — добавил Рафаэль. — Отцы-оборотни всегда кладут первую порцию своим женам и детям. Это знак остальным: если они претендуют на женщину или ребенка, сначала им придется столкнуться с женщиной.

— Если всех подружек Каррана выставить в ряд, можно парад устроить, — продолжила Тетушка Би. — Но я никогда не видела, чтобы он физически положил еду в руки женщине. Он очень скрытен, но даже если бы все это происходило в интимной обстановке, я бы в конце концов узнала. Такое в Башне не утаишь. Теперь ты понимаешь? Это знак, свидетельствующий об очень серьезной заинтересованности, дорогуша.

— Но я не знала, что это значит!

Тетушка Би нахмурилась.

— Это не важно. Теперь тебе нужно быть очень осторожной. Когда Карран хочет чего-то, он не отвлекается, преследует это и не останавливается, пока не заполучит свое, чего бы это ни стоило. Именно это упорство и делает его альфой.

— Вы меня пугаете.

— «Пугаете» — может, слишком сильно сказано, но на твоём месте я бы наверняка побеспокоилась.

Мне захотелось оказаться дома, где была припрятана бутылочка сангрии. Это однозначно расценивалось как экстренная ситуация.

Как будто прочитав мои мысли, Тетушка Би встала, достала маленькую бутылку из шкафа и налила мне стопку. Я взяла и выпила одним глотком, позволив текиле обжечь горло.

— Лучше?

— Помогло.

Карран довёл меня до пьянства. По крайней мере, я не помышляла о самоубийстве.

Я ПОБЛИЖЕ ПРИДВИНУЛА ПОТРЕПАННЫЙ СБОРНИК МИФОВ И ЛЕГЕНД перешла к указателю. Если я собиралась встретиться с Браном, необходимо было подготовиться и получше разобраться в ситуации. К сожалению, мозг настаивал на воспроизведении в памяти того момента, когда Карран предлагал мне суп.

Рафаэль поморщил нос:

— Твои книги пахнут цыпленком.

— Они не мои.

— Если ты собираешься искать Джули, я помогу, — Андреа сбросила руки Рафаэля со своих плеч. — Я за нее в ответе.

Я покачала головой.

— Нет, я в ответе за Джули. Пока я ничего не могу для нее сделать, но могу найти стрелка Морриган.

Я рассказала про ковен и книги Эсмеральды, про рив, про необходимость получить кровь Брана, хотя и не уточнила для чего.

— Когда на нас напали ривы, Пастырь упомянул Великого Ворона. Давайте посмотрим...

Я пробежала пальцем по указателю. Никакого Великого Ворона. Куча фомориан, но нет ни Болгоров, ни Пастырей. Что еще? Их всех что-то объединяет. Давайте посмотрим: что тут у меня? Пес Морриган, арбалет, ковен, потерянный котел...

Нашла слова о котле: «Котел Изобилия, см. Дагда». Дагда какое-то время был главным хахалем Морриган. «Котел Возрождения, см. Бранвен». Я перешла на нужную страницу. «Я дам тебе котел особый, если сегодня один из людей твоих погибнет и брошен будет в этот котел, назавтра станет он совершенно здоров, хоть и лишится дара речи».

— Как успехи? — спросил Рафаэль.

— Пока никаких.

А вот это, безусловно, интересно. Ривы были частично нежитью... Возможно, они каким-то образом прошли через Котел Возрождения. Я вернулась к указателю. «Котел Мудрости, см. Рождение Талиесина». Любой, кто имел хоть какое-то представление о кельтской мифологии, слышал, что Талиесин — великий бард древней Ирландии, друид и последователь Мерлина. Я знала этот миф не хуже других, но все равно нашла нужную страницу, чтобы удостовериться. Бла-бла-бла, богиня Керидвен, бла-бла-бла...

И тут меня словно молния ударила.

— Что? — заинтересовалась Андреа.

Я перевернула страницу и показала им иллюстрацию. «Рождение Талиесина. У богини Керидвен родился сын, необычайно уродливый. Она пожалела его и сварила зелье мудрости в огромном котле, чтобы дать ребенку. Мальчик-слуга мешал зелье и случайно попробовал его, украв дар мудрости. Керидвен преследовала его. Он обратился пшеничным зернышком, чтобы спрятаться от нее, но богиня превратилась в курицу, проглотила зернышко и родила Талиесина, величайшего поэта, барда и друида своего времени».

Андреа нахмурилась:

— Да, я поняла, парень переродился через котел, и что?

— Уродливого сына богини звали Морфран: от валийского «mawr» — большой и «bran» — ворон. Великий ворон.

— Этот тот самый чувак? — спросил Рафаэль. — Который управляет фоморианами?

— Похоже на то. И ещё он ворон, как и Морриган. Очень похожие имена вкупе с ведьмами-недоучками дают...

— Катастрофу, — предложил боуда.

Сестры ворона. Ужасное название для ковена.

Андреа замотала головой:

— Эти сестры-идиотки не могли быть настолько невежественными. Проколотся с заклинанием — да, но накосячить так, чтобы начать поклоняться не тому божеству? У Морфрана и Морриган даже пол разный.

— Может, они сначала молились Морриган, а потом напортачили так, что выпустили Морфрана. А может, Морфран смог заключить сделку с Эсмеральдой. Она хотела знания, он их предложил. Талиесин, сводный брат Морфрана, служил друидом королю Артуру после Мерлина. Из этого следует, что и Морфран мог также быть друидом. Кто еще мог обучить Эсмеральду их обрядам?

Андреа подалась вперед:

— Ладно, но с какой целью? Зачем так себя утруждать?

— Не знаю. Будучи божеством, чего бы тебе хотелось?

Я долила чаю в чашечку Тетушки Би, затем себе.

— Жить, — сказал Рафаэль.

— Прости, что?

— Я бы хотел жить. Все, что богам остается, — посматривать на нас оттуда, где они существуют, но они никогда не принимают участие. Никогда не играют сами.

— Это не так работает, — заметила Андреа. — Пост-Сдвиговая теория гласит, что истинное божество не может явить себя в нашем мире.

— Мы постоянно слышим рассказы о божествах, — сказал Рафаэль. Он снова разминал ее плечи.

Андреа покачала головой:

— На самом деле их нельзя назвать истинными божествами. Они сами — концепция мага, сплетенная воображением человека. В основном эти боги — магия, преобразовавшаяся в определенную форму. У них нет самосознания.

Мой мозг с трудом переваривал тот факт, что боги существуют. Я знала теорию, как и любой другой: магия обладала силой материализовать мысль и волю. Вера была одновременно и волей, и мыслью, а молитва служила тем механизмом, который сливал их воедино и усиливал магию, воплощая её так же, как устное заклинание воплощает волю заклинателя. Практически это значило, что если у множества людей имеется достаточно определенный образ их бога, и они будут усердно взывать к нему, то магия может сделать одолжение и явить им их божество. Христианский бог или нео-Викканская^[25] «богиня», вероятно, никогда не получают определенной формы, поскольку верующие слишком по-разному их представляют и их сила слишком размытая. Но что-то более значительное, как Тор или Пан, теоретически может проявиться в реальной жизни.

Этим «теоретически» я, как щитом, отгораживалась от Морриган и Морфрана. Мало что пугает больше, чем мысль, что твой бог может ожить. Между божеством и его последователем нет понятия приватности. Нет секретов, нет промахов, которые можно приукрасить. Только данные обещания, которые сдержали или нет, только грехи, совершенные или надуманные, и голые эмоции. Любовь, страх, благоговение. Сколькие из нас готовы к суду над своими жизнями? Что случится, если мы не выдержим испытания?

В мои мысли проник голос Андреа:

— Во-первых, большинство представляет свое божество, обитающим в каком-то особенном царстве. В смысле, какой почитатель Зевса представит, что тот бродит по улице с молнией в руке? Чтобы появиться на земле, требуется независимая воля самого божества. Это довольно большое препятствие. Во-вторых, для бога вера его паствы то же, что и бензин для машин. В тот самый момент, когда волна магии уходит, прерывается поток веры. Нет горячего, нет энергии. Кто знает, что происходит с богом? Может, они впадают в спячку, может, умирают или их просто выбрасывает из этого мира...

В моей голове прозвучал голос Саймана: *«Это время магии. Время богов».*

— Магия еще не настолько сильна, а переходы слишком частые, чтобы божество могло явиться в наш мир...

— Если только не во время всплеска, — добавила я.

Андреа открыла было рот и со щелчком закрыла его.

— Во время всплеска, когда в течение нескольких часов магия находится на пике, бог может явиться и исчезнуть обратно в свое укромное место до наступления техноволны.

Тетушка Би поставила чашку на стол:

— Если так, это не сулит ничего хорошего. Боги не должны вмешиваться в наши дела.

Плохо ли, хорошо ли, но мы поступаем по своему разумению.

Я взглянула на Андреа:

— Пару минут назад ты сказала что-то умное про паренька, переродившегося через котел. Явление в наш мир и есть своеобразное перерождение. А что, если котел — это дорога Морриган в наш мир? В месте сбора Сестер Ворона пропал котел. Я видела отпечатки ножек, и он был огромным. Сомневаюсь, что Карран мог бы его поднять. Кто возьмется таскать гигантский котел, не будь это действительно очень важно?

Андреа вздохнула:

— Полагаю, в этом есть смысл.

— С данной теорией существует большая проблема. Понятия не имею, как сюда вписываются Пастырь и монисто Рэда. Всем нужно это монисто, но никто не говорит для чего.

— Где оно сейчас? — спросила Тетушка Би.

— Отдала Каррану. Он обещал сохранить его, — я встала. — Собираюсь поболтать со стрелком Морриган. Андреа, ты не присмотришь за моими вещами, пока я буду устраивать ритуальные пляски?

Она поднялась, со скрипом задвинув стул:

— Даже и спрашивать не нужно.

— Почему бы просто не спросить у стрелка? — осведомился Рафаэль.

Я улыбнулась:

— Потому что он вор и лжец. Оракул ведьм — нейтрален, они скажут мне правду.

ЗА ДОМОМ БОУД БЫЛО ПРЕКРАСНОЕ ШИРОКОЕ ПОЛЕ. центре рос старый массивный дуб, ветви которого раскинулись настолько широко, что почти касались земли, в лунном свете он отбрасывал густую тень. Идеально.

— Это несложно, — я направилась к дубу, держа в руках большую керамическую чашу и кувшин с водой. — Я собираюсь устроить кое-какие странные пляски. Если все пойдет хорошо, я должна исчезнуть.

— Что значит «исчезнуть»? — Андреа шла за мной, а Рафаэль следовал за ней.

— Попасть в туман. Призыв — очень старое заклинание. Используется ведьмами для обнаружения своих фамильяров^[26], обычно проводится в лесах. Ведьма танцует, и магия притягивает самое подходящее для нее животное. Существует много вариаций данного заклинания, некоторые переделаны для привязки мужчин, хотя, по моему опыту, из этого ничего хорошего не выходит. Кто-то обращает заклинание к определенному человеку. Оно не срабатывает на простых людей, иначе сейчас я была бы уже с Джули, однако Бран настолько пропитан магией, что должен притянуть меня к себе.

Я расстегнула кожаный жилет, положила его под дуб, затем отстегнула ножны с Убийцей и передала их Андреа. Ботинки и носки последовали за жилетом. Технически танец лучше срабатывал, если все проделывать обнаженной, но мне не хотелось прыгнуть в объятия Пса Морриган абсолютно голой. Уверена, он был бы рад, встретив меня в таком виде.

Я встала, пальцы ног касались холодной скользкой травы, и глубоко вздохнула. Я знала, как делать призыв. Кто-то научил меня этому очень давно, так давно, что я даже не могла

вспомнить кто и когда, и пару раз видела, как это делается. Но сама никогда не делала.

Андреа села на траву. Рафаэль опустился рядом с ней.

Я налила воду в чашу, отстегнула ремень и из кармашков на нем достала травяные порошки: женский папоротник, зола для ясновидения и щепотка полыни, чтобы свести к минимуму вмешательство любопытных. Немного дуба для привязки к мужчине. Дуб я перемолола паршиво, и теперь вместо мелкого порошка по поверхности плавали кусочки листиков.

У меня не было с собой вращателя^[27], но несколько недель назад мне попался замечательный посох, сделанный из европейского ясеня, и я оперативно изуродовала древко, вырезав маленькие кусочки и распихав их по кармашкам в поясе. Европейский яшень лучше всех прочих видов дерева удерживает чары. Я бросила одну его щепку в воду и прошептала заклинание.

Импровизированный вращатель задрожал. Задергался, как рыболовный поплавок, когда рыба объедает приманку, и закрутился на месте, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее.

— Это для чего?

— Это соединяет травы и магию, — я вытащила метательный кинжал и отдала Андреа. — Если что-то пойдет не так, брось кинжал в чашу. Только, пожалуйста, не пытайся её переворачивать и не вытаскивай вращатель.

— А как я пойму, что что-то пошло не так?

— Я начну кричать.

Я сняла щиток с левой руки, вслед за ним — серебряные иглы. Еще один нож для метания, три акульих зуба и регнабор...

— Сколько снаряжения ты с собой таскаешь? — Рафаэль поднял брови.

Я пожала плечами:

— Да это почти всё, что есть.

Я вошла в тень дуба. Разделась до футболки и трусов, ни пояса, ни меча, ни ножа. У меня не было с собой ничего, кроме комплекта для забора крови и прямоугольного кусочка ткани, связанного из волос и крапивы. Я представила широкий круг в тени дуба и бросила лоскут в центр.

Вернулась к границе воображаемого круга и начала свой танец.

Шаг за шагом я продвигалась по кругу, согнувшись в танце. На середине второго круга из маленького вязаного лоскута взметнулся тугой столп магии и охватил меня. Он прошел через голову до самых пят, распаясь на маленькие ручейки там, где кожа касалась земли, будто я превращалась в дерево. Он направлял меня.

Я смутно видела, как из теней выходят боуды, тянущиеся ко мне словно мотыльки к пламени. Они смотрели на меня горящими глазами, покачиваясь в такт тихой музыки танца. А потом я услышала ее, простую далекую мелодию. Она нарастала с каждой секундой, разрывая сердце, грустная, но дикая, чистая, но не совершенная. Она зацепила меня, пробралась к моему сердцу, наполнив его тем, что мой русский отец называл тоской, унынием, столь сильным и причиняющим боль, что мне физически стало плохо. Мелодия вызывала слабость в ногах, подрывала волю до тех пор, пока не осталась одна лишь меланхолия, которая заставляла скучать по чему-то, я не была уверена по чему именно, но знала, что без этого не сделаю и вдоха.

Я танцевала, и танцевала, и танцевала. Зачарованные боуда растворились. Вокруг

закружился туман, во мгле мимо меня пробежал темный пес. Туман медленно редел, и сквозь белую пелену я видела нежное, манящее желтое свечение.

Под ногами я ощутила влажную траву и камни. Услышала тихий плеск и треск дров, сгорающих в костре. Меня привлек резкий солоноватый дым.

Через несколько шагов я ступила на берег озера. Глянцевое, черное и спокойное в лунном свете, словно поверхность монеты, опущенной в деготь. Около воды, в каменном углублении, горел маленький костерок. Над огнем, на вертеле, висела тушка какого-то небольшого животного, возможно, кролика.

Я повернулась. За спиной простирался лес, темный и иззубренный. Туман отполз к деревьям, будто его засосало в чашу.

Нападение было внезапным, я среагировала инстинктивно. Бран набросился на меня справа, я отступила в сторону и, не задумываясь, подставила подножку, используя его инерцию. Я практиковала этот прием так часто, что даже не осознала, что сделала, пока не увидела, как противник пролетел мимо меня и плюхнулся в озеро.

Он повернулся в воде и улыбнулся мне. Черт, какой же красивый засранец! Я вдруг поняла, что Бран наполовину раздет. Синие завитки татуировок красовались на его груди. Бог специально создал эту грудь, чтобы соблазнять женщин.

— В этот раз без меча.

Я пожала плечами:

— Да, но ты не сможешь исчезнуть.

— Мне и не нужно, — он выпрыгнул из озера, с черных волос капала вода, и снова накинута на меня.

Я увернулась, пнула его в колено и отпрыгнула в сторону. Противник нанес быстрый удар ногой, которая просвистела в миллиметре от моего лица. Я крутанулась вокруг него и врезала ему локтем в бок.

Бран зацепил меня быстрым ударом. Попал прямо в плечо, оно болело, и в ответ я сбила его ударом по ногам. Противник вскочил на ноги и отпрыгнул в сторону. Он резвился как разыгравшийся щенок. Подбегал, игриво покусывал, при этом позволяя себя отшлепать.

— Так с любовником не обращаются.

— Я пришла сюда не для того, чтобы переспать с тобой.

— Зачем тогда все эти сложности?

— Мне нужна твоя кровь, чтобы помочь одной девочке.

Бран согнул правую руку. Вены вздулись.

— Эта кровь?

— Да.

Он подмигнул мне:

— Уверен, мы сможем договориться.

— Никаких сделок. Кровь должна быть даром, иначе это не работает.

— Согрей меня сегодня ночью, и, возможно, утром я буду щедрым.

Я отрицательно качала головой:

— Никаких сделок.

Бран посмотрел в небо:

— Ты, правда, не будешь спать со мной?

— Да.

Он задумался.

— Прикидываешь, не изнасиловать ли меня? Ты настолько отчаялся?

Бран дернул головой, отбросив волосы с глаз:

— Я никогда не принуждал женщин. Мне это не нужно. Они сами на меня слетаются.

Ой.

— Так мило осознавать, что ты джентльмен.

— С чего бы мне давать тебе свою кровь? Мне-то какая выгода?

— Никакой. Кроме, возможно, понимания, что ты сделал доброе дело. Ты говорил, что ты герой. Так сделай что-нибудь героическое.

Он подошел к костру и сел:

— Ты думаешь, я герой — христианин, голубка. Я не христианин.

От холодного ветерка по озеру пошла рябь. Я обхватила себя руками. Хотелось спросить Брана о Джули и многом другом, но полученной от него информации нельзя доверять. Забрать кровь и свалить отсюда.

— Просто из любопытства: что во мне заставляет тебя думать, что я голубка?

— Готов поспорить, ты воркуешь в постели? — черные глаза блестели, отражая пламя костра. — Идем, посиди со мной.

— Только без дурацких шуточек.

— Я обещаний не даю.

Разве у меня был выбор? Я подошла и опустилась рядом с ним, наслаждаясь теплом от костра.

Бран откинулся на спину, положив голову на согнутую в локте руку. У него были мышцы как у мастера боевых искусств или как у воина, привыкшего к бегу: тугие и твердые. И от него пахло... пахло мужчиной так, как пахнет от молодых спортивных парней: потом, раздевалкой и солнцем.

Где-то вдалеке ухнула сова, и этот звук завис над черной, как смоль, водой.

— Что это за место?

— Убежище Морриган. Это ее дом.

— Она здесь?

Бран кивнул:

— Просто не смотрит сейчас. Она спит.

— Морриган когда-нибудь спускалась на Землю?

— Почему бы тебе со мной не переспать? Боишься своего дружка — Рэмбо?

— Рэмбо — книжный персонаж. Он ненастоящий. Ты не ответил на мой вопрос.

Он обнял меня:

— Поцелуй, и я обещаю, мы поговорим.

Я сняла с себя руку Брана:

— Я так не думаю. Это скользкая дорожка.

Он ударил меня по руке:

— Ааа, так ты хочешь меня?

— Возможно, совсем чуть-чуть.

Бран улыбнулся:

— Я все еще не собираюсь спать с тобой.

— Но почему?

Мне вспомнился Сайман, танцующий на снегу:

— У меня есть друг, который может менять свое тело. Представь любое тело, он может

в него трансформироваться. Он приглашал меня в свою постель.

Бран нахмурился:

— А этот твой друг может стать девушкой?

— Да.

— Хотел бы я на это взглянуть.

Мужики остаются мужиками, даже если живут в тумане.

Он сел, снял тушку с огня и воткнул вертел в землю. Блеснул нож, и Бран предложил мне половинку зажаренной ножки.

— Держи. Покормлю тебя, раз ты рассказываешь сказку. Не хочу быть негостеприимным.

— Спасибо, — я откусила кусочек мяса с ножки и прожевала. Сладкое послевкусие. Кролик.

— Ну так в чем дело? Хранишь себя до свадьбы?

Я расхохоталась:

— Слишком поздно для этого.

— Почему бы тогда не уступить твоему другу? Мне кажется, парень очень старается. Сколько он уже за тобой ухлестывает?

— Около года. Он просто меняет тела как перчатки, но как бы ни выглядел, я знаю, что это он.

— Парень тебе так не нравится?

Я пожала плечами:

— Он мне не подходит. Было время, когда он заявлялся ко мне с чем-то, что могло бы быть забавным, если бы это был не он. Но, в конце концов, я всегда помнила, что я его не интересую. Если бы я была безумно счастлива, он бы не разделил это счастье со мной, если бы я находилась на грани самоубийства, ему было бы все равно. С тем же успехом можно переспать с резиновой куклой. Он заинтересовался только потому, что с самого начала я сказала «нет».

— Все мужчины именно поэтому и заинтересовываются.

— Это правда, но для него на моем теле все заканчивается. Нормальные мужчины в конечном счете ищут партнера.

Бран отрицательно покачал головой:

— Нет. Это женщины ищут. Мужчинам нужна постель.

Я улыбнулась:

— Если бы это было так, зачем предлагать мне посидеть с тобой?

— Я думал, что смогу заставить тебя передумать.

— Не заставишь.

— Так почему?

— Когда в последний раз ты обедал с кем-то еще?

Он пожал плечами:

— Не помню.

— Так ты всегда ешь один? В одиночестве?

— А тебе то что? — в голосе Брана появились враждебные нотки.

— Да ничего, просто любопытно.

Он ткнул длинной палкой в угольки.

Я доела свой кусок мяса и легла на спину, вытянув ноги к костру. Это был долгий день.

Я потеряла Джули и до сих пор понятия не имела, куда делась ее мама. Хорошо хоть Андреа не погибла.

Я осознала, что Бран смотрит на меня. Наши взгляды встретились, и он опустил для поцелуя, но я положила руку на его губы.

— Не хотелось бы ударить тебя в третий раз. Поверь мне, если я передумаю, ты узнаешь об этом первым.

Бран сел, поднял веточку, отламывая маленькие щепки, и одну за другой побросал их в огонь.

— Я тебя не понимаю. У меня с этим не было проблем. Не было проблем с женщинами. А теперь... У тебя какая-то беспардонная манера общения.

Я нахмурилась:

— Не думаю, что я настолько нахальна.

— Ты такая. Большинство женщин теперь такие. Раньше было время, если женщина вот так села рядом с тобой, и ты угостил ее, она ложилась под тебя. Иначе зачем заморачиваться? А сейчас женщины — бесстыжие. Нахальные. Будут сидеть рядом в обтягивающих одеждах и не станут с тобой спать. Им надо поговорить. О чем там говорить?

Я села и обняла свои колени:

— Бран, я ведь не нравлюсь тебе по-настоящему, не так ли? Так же как мой друг не может понравиться мне.

Он уставился на меня:

— Почему ты так думаешь?

— Просто чувствую. Ты пытаешься залезть ко мне в трусы, потому что я — женщина и ты не знаешь, что еще со мной можно делать. Ты не считаешь меня такой уж привлекательной.

Бран вздохнул и посмотрел на меня. По-настоящему посмотрел.

— Нет, — сказал он, — не считаю. Не пойми меня неправильно, у тебя хорошее тело и вообще. Я бы не отказал тебе, если бы ты согласилась раздвинуть ноги, но да, у меня были и лучше.

Я кивнула:

— Так и думала.

— Что меня выдало?

— Поцелуй.

Бран закатил глаза:

— Да я целуюсь, как сумасшедший!

— Это был поцелуй отчаявшегося человека с уязвленной гордостью. В нем не было огня, — я вручила ему еще одну веточку. — Просто поговори со мной. Притворись, что я путник, который остановился у твоего костра. Готова поспорить, что у тебя бывает не так много гостей. Ты проводишь все время в тумане?

— Во время всплеска выхожу поиграть, — он широким жестом обвел озеро и лес. — А так рыбачу, охочусь. Игра никогда не заканчивается. Это хорошая жизнь.

— Так, значит, ты можешь выйти в реальный мир только во время всплеска?

— Да.

— Но всплеск случается раз в семь лет или около того. А между всплесками ты здесь один?

Бран свистнул. Из темноты выбежало нечто лохматое и плюхнулось у его ног. Огромная

черная собака.

— У меня есть Конри.

Собака подняла лапы вверх, поворачиваясь так, чтобы ей почесали живот. Бран послушался.

— Если мне становится скучно, я сплю. Годами, пока она меня не разбудит.

Я протянула собаке обглоданную мной кость. Пес очень нежно взял ее и уселся грызть рядом. А я думала, что одинока. У меня, по крайней мере, была возможность выйти на улицу и поговорить с другими людьми.

— Ты тут давно, но говоришь без акцента.

— Дар Красноречия. Один из трех даров, которыми она меня одарила. Дар Красноречия: говорю на любом языке, на котором пожелаю. Дар Здоровья: мои раны быстро заживают. И Дар Меткости: я попадаю туда, куда посмотрю. Четвертый дар — мой собственный. Я с ним родился.

— Какой?

— Признай, тогда был самый лучший поцелуй из всех, что у тебя были, и я скажу.

— Прости, но я припоминаю парочку получше, — ну или по крайней мере один такой...

— Тогда зачем мне тратить с тобой время?

Я покачала головой. Бран был ненастоящим. Всего лишь чья-то тень, у которой нет ни воспоминаний, ни обязательств — ничего, кроме полового инстинкта, меткости и диких глаз.

— Откуда ты?

Он пожал плечами:

— Не помню.

— Ладно, из каких ты времен? Сколько лет уже ты здесь?

— Не помню.

Я постаралась уцепиться хоть за что-то: за ориентир, который должен быть известен каждому.

— Как звали твою мать?

— Не помню.

Я посмотрела на звезды. Миссия была провальной с самого начала. Кого я обманывала?

— Блатин, — сказал Бран. — Ее звали Блатин, — он схватил меня за руку и заставил подняться. — Пойдем! Я тебе покажу кое-что.

По краю озера мы вбежали в лес. Передо мной предстала деревянная хижина, утопающая в зелени, от нее к озеру вел длинный пирс. Бран затащил меня внутрь.

В камине горел огонь. Справа у стены стояла кровать, слева — ряд сундуков. Стены украшала резьба: деревья, руны и воины. Много, много сражающихся, сплетенных в ярости битвы, искусно вырезанных в мельчайших деталях. На столе под ними лежал свиток, на котором был изображен человек с длинным посохом в длинной монашеской рясе. Он восседал на камне. За ним в волнах морских резвились русалки. Пастырь...

Бран схватил меня за руку, потянув к первому сундуку, и откинул тяжелую крышку. Содержимое было покрыто белой тканью. Он сдернул ее. Сундук наполняли головы людей.

— О, Боже!

За единственную прядь волос Бран вытащил из сундука мумифицированную голову и протянул мне:

— Они все мои.

Это самая странная версия приглашения «пойдем, я тебе кое-что покажу», с которой я когда-либо сталкивалась.

Он распахнул еще один сундук. Рядом с черным мотоциклетным шлемом, украшенным языками пламени, я увидела шлем кайзера времен Первой Мировой. Сколько же Брану лет на самом деле?

Третий сундук — мечи. Турецкий ятаган, катана, сабля морского офицера с гравировкой *Semper Fi*^[28] на старом английском...

— Это ничто!

Он швырнул голову в ящик, схватил меня за руку и потянул обратно к двери. Она распахнулась от пинка, и Бран потащил меня на пирс.

За домом возвышалась гора из черепов. Отшлифованная стихией добела, возвышающаяся надо мной, она была испещрена копьями, торчащими из костей.

— Видишь! — он торжествующе взмахнул руками. — У меня их еще больше. Ни у кого столько нет! Отец обосрался бы, увидев это!

Серьезно?

— Я великий воин. Герой. Каждый из них — битва, в которой победил я, — лицо Брана светилось гордостью. — Ты тоже воин. Ты понимаешь, да?

Столько жизней... Гора черепов возвышалась надо мной.

— Сколько тебе лет? — прошептала я.

Он перепрыгнул через перекладину, взял из горы череп и установил напротив меня.

— Это моя первая победа.

На черепе был шлем римлянина.

Я села. Это было слишком.

Он подошел и сел рядом, мы смотрели на черепа. Бран повесил голову.

Я коснулась его предплечья:

— Что такое?

— Никто никогда не узнает, что я совершил. Никто, кроме тебя, этого не видел. Когда я в конце концов умру, меня и все это будет помнить лишь Морриган.

— Она не из сентиментальных? — предположила я.

Бран покачал головой.

— Мы заключили дурацкую сделку. Я спас ее птицу, и она предложила выбрать награду.

— И чего ты попросил?

— Кто-то попросил бы долгой жизни, сильных сыновей. Я же захотел стать героем. Чтобы было много выпивки, сражений и женщин.

В зловещей тишине черепа смотрели на нас пустыми глазницами.

— Если бы ты попросил сильных сыновей, она бы сделала так, что дети, в конечном итоге, убили бы тебя, — ответила я. — Выиграть не выйдет.

— Слабое утешение.

— Да.

Я дотронулась до римского шлема. Метал под пальцами казался ледяным.

— В их времена в мире не было магии.

— Она иссякала, — сказал Бран, — оставался лишь ручеек. Я проспал ее смерть. Когда я проснулся и выпал из тумана, мир был в огне.

Первый Сдвиг... В течение той недели умерло очень много людей.

— Маленькая девочка, Мышка, так ты ее назвал ... Я пытаюсь защитить ее и найти мать. Ведьмы сказали, что помогут мне, но Оракулам нужна твоя кровь, чтобы вылечить одну из них. Было бы хорошо, если бы она выжила. Она многое значит для ковена.

Бран забрал у меня череп и поднес к своему лицу, глазницы к глазам, зубы к зубам.

— А мне то что?

— Оракул Ведьм живет многие века, его члены перерождаются снова и снова. Если ты дашь им свою кровь, ковен будет хранить память о тебе. Всегда. Ты будешь жить. Будешь героем. И тебя не забудут.

Он повернулся ко мне: его глаза были бездонными.

— Тебе это ничего не стоит. Но значит практически все.

ТУМАН РАССЕЯЛСЯ. Я И БРАН ОКАЗАЛИСЬ на каменном полу храма Оракула. Эту телепортацию явно переоценивали. Конечно, она быстро доставила нас в нужное место, но после пребывания в невесомости у меня закружилась голова. В довершении всего пришлось крепко уцепиться за Брана, а он совсем не умел держать руки при себе.

Факелы и фейлантеры освещали храм. Я не ожидала, что кого-то здесь увижу в столь поздний час, но три ведьмы Оракула по-прежнему находились на платформе. Они и глазом не моргнули, когда мы материализовались в центре зала. Вероятно, нас ожидали.

Слева от Оракула стояли ещё четыре ведьмы, две моего возраста и две постарше. У некоторых из них были набиты голубые татуировки — точно такие же, как и у Брана на груди. Ковен Морриган?

Бран наклонился и чихнул:

— Ненавижу эту грёбанную черепаху, — он поднял голову и улыбнулся ведьмам. — Милые леди.

У двух ведьм, что помладше, озадаченное выражение лица в мгновение ока сменилось кокетливым.

Я взошла на платформу и вручила ещё теплую пробирку с кровью ведьме-матери. Она взяла её.

— Он отдаёт кровь добровольно, — сказала я. — И ничего не ждёт взамен. Но я надеюсь, что вы навсегда запомните его подарок.

Ведьмы Оракула поднялись и одновременно поклонились.

— Видишь? — Бран тыкнул пальцем в них. — Вот как женщина должна относиться к мужчине. Я хочу, чтобы в следующий раз, когда ты увидишь меня, сделала то же самое.

— Только после того, как ад замерзнет, — ответила я.

Ведьмы опустили на свои места.

— У нас была сделка, — напомнила я.

Старуха пристально посмотрела на меня:

— Сделка с такими как ты ничего не значит.

— Мне кажется, или я вам не нравлюсь?

Её крючковатые пальцы сжались на подлокотниках кресла.

— Мария, — прошептала самая молодая, — такая грубость неуместна. Оракул никогда не нарушает сделки.

— Вы могли обмануть меня.

Она указала на четырех ведьм, стоящих сбоку.

— Они представляют старший ковен Морриган. Здесь они свидетели. Скажи, что ты хотела бы знать, и я отвечу на все вопросы.

— Вот что я подозреваю: Эсмеральда захотела силы и сформировала собственный ковен, но ей не доставало знаний и навыков. Возможно, ковен начинал с поклонения Морриган, но, либо случайно, либо специально, Эсмеральда разрешила Морфрану участвовать в их обрядах и прийти к власти.

Семь ведьм внимательно следили за ходом моей мысли. Атмосфера в храме становилась напряжённой. Я продолжила:

— Подозреваю, что Морриган может являться в наш мир во время всплеска, используя

для этого магический котел. Морфран очень сильно хотел стать живым и либо научил Эсмеральду как сделать такой же, либо заставил украсть котел у настоящего ковена Морриган.

Либо я попала в самую точку, либо у всех четырех представительниц старшего ковена Морриган случился одновременный приступ запора, потому что их лица стали красными и напряжёнными.

— Думаю, Морфран в сговоре с фоморианами, но я не понимаю, зачем ему это. Я хочу знать, что произошло после совершения обряда, что случилось с мамой Джули и для чего нужно ожерелье, которое носит маленький шаман по имени Рэд.

— Где сейчас ожерелье? — внезапно всполошился Бран.

— Я не собираюсь тебе этого говорить.

Он развел руки в стороны:

— Почему бы и нет? Я здесь хороший парень!

— А вот этого я не знаю. Это вопрос на доверие. Но пока кто-нибудь мне всё не объяснит, ожерелье не получит никто.

— Я объясню, — средняя ведьма Оракула откинулась назад. Фреска над ней сдвинулась. Черные линии начали медленно двигаться. Очертания Гекаты тускнели, в то время как котел перед ней становился всё четче.

— Два поколения назад, в самом начале Сдвига, Морриган доверила своему ковену магический котел.

— Уж они о нем позаботились, — вставил Бран.

Ведьма-мать осадил его взглядом:

— Замолчи.

— Мы не знали, — сказала одна из ведьм старшего ковена Морриган, — со времени последнего всплеска она не говорила с нами.

Средняя ведьма заставила её замолчать взмахом руки:

— Теперь же котел — единственный способ вернуться в наш мир. Но его магия проявляется только во время всплеска. Морфран захотел отнять его, чтобы познать все прелести жизни, и заключил сделку с врагами Морриган — фоморианами, морскими демонами. В обмен на помощь он обещал высвободить их из Иного мира, используя котел. Но фомориане не боги, и им нужна магия, чтобы существовать здесь. Поэтому они станут первыми почитателями Морфрана.

— Но я убила по меньшей мере десятерых из них. Сколько тогда вырвалось?

— Ты не можешь их убить, — сказал Бран. — Демоны не могут умереть, если только я не всажу в них одну из моих стрел. Пока магия всплеска подпитывает котел, они будут возвращаться к жизни. Чем ближе они к котлу, тем сложнее с ними справиться.

Замечательно. Потрясающе.

— А ты раньше мне об этом сказать не мог?

— Это вопрос на доверие, — сообщил Бран, пародируя мой голос. Как же хотелось ему врезать.

— Ладно, но как фоморианам вообще удалось захватить котел?

Ведьма вздохнула, складывая руки на коленях:

— Уже много лет Псы Морриган охраняют котел, и только у них есть сила управлять им.

Псы на стене подняли морды в неслышном вое. Такие же люди, как и Бран, вырванные

из человеческого мира из-за дурацкой сделки.

— Ковены думали, что котел достаточно защищен, потому что никто, кроме Пса, не мог перенести его из места общего собрания. Но они не знали, что несколько лет назад один из Псов отбилсЯ от остальных.

Слева пес на рисунке вытянулся и приобрёл человеческий облик:

— Он покинул Морриган ради женщины, но условия сделки вынудили её оставить в живых и его самого, и потомков.

Всё в моей голове встало на места.

— Рэд. Этот маленький ублюдок — потомок Пса, которому удалось уйти.

Ведьма кивнула.

— Это значит, он может перенести котел в любое другое место. Так это он украл его?

Четыре ведьмы кивера Морриган выглядели так, словно хотели провалиться под землю.

— Я видела отпечатки ножек, они огромные, а руки у Рэда вот такого размера, — я коснулась большого пальца указательным. — Но как же, блин, он смог перетащить котел? И как вы могли не заметить перемещение такой огромной штуки?

— Мы так привыкли к тому, что он всё время находился там, что потребовалось время на обнаружение пропажи, — ответила одна из ведьм.

— Но вы же можете уменьшать котел, — заметил Бран, — и делать его достаточно маленьким, чтобы он поместился в карман.

— Или повесить на ожерелье. Вот дерьмо. Стоп, вы же сказали, что котёл поддерживает фомориан живыми — получается, он у них. Что же тогда на монисто?

Бран пожал плечами:

— Крышка. Мальчишка стащил котёл, но я наведалься на вечеринку прямо в тот момент, когда они закончили ритуал и самый первый фоморианец выполз на свободу. Пока я брал на себя обязанности героя, вор смылся с крышкой.

— Но какая польза от крышки?

— Она контролирует котёл.

У меня зачесались руки — до такой степени хотелось просто взять и выбить из него всю информацию.

— Как?

— Кладёшь одной стороной — получаешь котёл изобилия, кладёшь другой — ключ к царству мёртвых. Сразу после того, как первая группа фомориан просочилась в наш мир, я успел перевернуть крышку, превратив в котёл изобилия. Он всё ещё подпитывает их жизненными силами, но пока они не завладеют крышкой, не смогут снова открыть врата, чтобы выпустить Морфрана.

— А что случится, если вместо Морриган явится Морфран?

Бран сгримасничал:

— Это обычная сделка, женщина. Он получит жизнь и котёл, а фомориане — жизнь и свободу. Если явится Морфран, он выпустит в твой город полчище морских демонов, которые хотят отомстить Человеку. А теперь подумай своей миленькой головкой, что случится, если это произойдёт.

Я посмотрела на Оракула:

— Он говорит правду?

Самая младшая кивнула мне:

— Да.

— Последнее, что я хотела спросить: почему ты продолжаешь красть карты?

Бран вздохнул:

— Котёл должен находиться на перекрестке трёх дорог. Он не уменьшается специально для фомориан, так что им пришлось переносить его. Но есть куча мест, где перекрещиваются три дороги, а котёл изобилия не так светится магией, как котёл возрождения. Тяжело учуять, где он находится. В своих поисках я побывал на каждом перекрёстке рядом с ямой.

Это было целесообразным.

— Ладно. Крышка у Стаи, — сказала я.

Бран усмехнулся:

— Это будет не слишком сложно.

Тоненькие язычки тумана закружились вокруг его ног и тут же рассеялись в воздухе. Пес Морриган стоял на том же месте.

— Ты всё ещё здесь.

— Я знаю! — Бран качнулся вперёд, туман только начал появляться и сразу исчез. Снова. Снова. — Что-то не так. Ты! — он указал на младшую из Оракула. — Найди Пастыря.

Легкая улыбка озарила её лицо, подчёркивая хрупкость. Сначала я подумала, что ведьма смеялась над абсурдностью приказа, но её глаза подернулись поволокой, смотря куда-то вдаль, мимо нас, на горизонт, который могла видеть только она, и я поняла: использование своего дара приносило ей радость. Ведьма наклонилась вперёд и сфокусировалась, улыбаясь всё шире и шире, пока не засмеялась. Музыка её голоса, цветная и сладостная, наполнила храм.

— Я уже нашла его.

Храм задрожал. Поднялся пар, и самая дальняя стена внезапно исчезла. Под серым небом клубился туман, наматываясь на стальные штыри, торчащие из-под земли вперемешку с другим металлическим мусором. Стимфалийская птица приземлилась на изогнутое острие железнодорожных рельсов, сломанных и скрученных вместе, будто какой-то гигант пытался связать их в морской узел. Разлом Осиногo Гнезда.

Туман рассеялся, и я увидела Пастыря Болгора, опирающегося на грудy ржавых бочек. Легкий ветерок развеивал его монашеское одеяние. Сзади стоял огромный неповоротливый силуэт, всё ещё прячась в тумане и держа крест. Полностью регенерировавший Угад. Здорово, теперь я могу убить его ещё раз.

В тумане шагала огромная фигура. Металлический мусор скрипел и трещал, сопротивляясь весу, наконец монстр вышел из своего укрытия. Высокий, широкоплечий, со стальными мускулами, покрытый серой шерстью с полосами более темного цвета.

Карран.

Что он, блин, делает?

— Ты первый, — сказал оборотень.

Его челюсти были достаточно большими, чтобы вскрыть мой череп, клыки — длиннее, чем мои пальцы, но дикция оставалась превосходной.

Позади Пастыря Угад перетащил крест вперёд, опуская его на землю с тяжёлым стуком. Я увидела маленькое худенькое тельце, растянутое на шесте, со связанными ногами и широко распростертыми на поперечной балке руками. Джули. О, Боже.

Я схватила Брана за рубашку и притянула к себе:

— Отнеси меня туда сейчас же!

— Не могу! — огрызнулся он.

Мое сердце готово было вырваться из груди. Убийца задымился. Глаза Джули были закрыты, она выглядела настолько бледной, что казалась мёртвой.

Я бы всё отдала, лишь бы оказаться сейчас там.

Карран поднял руку, демонстрируя талисманы и монеты, болтавшиеся в его когтях.

Бран закричал:

— Что он делает? Остановись, сукин ты сын! Нет!

— Ребёнок в обмен на ожерелье. Как и договаривались, — сказал оборотень.

От шепота Пастыря по моей спине поползли мурашки:

— Тебе не следовало приходить одному, чудовище.

Из-под металлического мусора начали вылезать ривы. Они бросились на него всей толпой, падая друг на друга. В мгновение ока Карран исчез под грудой изворотливых тел.

Я сжала кулаки, ожидая, что он вот-вот вырвется. Сражайся, Карран. Борись. В любой момент тела рив разлетятся в разные стороны, и он высвободится из этой кучи. В любой момент... Моя шея вжалась в плечи, словно на ней стянули веревку. Ривы завизжали.

— Нет, нет, нет! Да чтоб тебя, сукин сын, сделай же что-нибудь!

Бран швырнул в видение арбалет, который пролетел сквозь него и разбился об стену.

На Пастыря налетел ягуар, без предупреждения, без рыка, без единого звука. Только сверкнули огромные клыки, и голова врага упала на грудь со сломанной шеи. Джим остановился на секунду, наслаждаясь убийством, и погнался за Угадом.

Из тумана выбежали ещё четыре чудовища, хватая и кусая ноги великана. Какой-то волк издал короткий рык.

Огромные лапы пробились сквозь стаю рив, раскидав их в стороны. Карран вырвался. На его шерсти виднелись кровавые проплешины. План стал понятен: он специально позволил напасть на себя, чтобы отвлечь противников и дать время другим оборотням освободить Джули.

Ривы снова накинулись на него. Карран схватил одну из них, разорвал на две части и бросил дергающиеся остатки на землю. Они превратилась в лужу, которая тут же закружилась и снова стала ривой, целой и невредимой.

— Почему она не умирает?

— Котёл находится слишком близко, — ответил Бран сквозь стиснутые зубы.

Им не победить. В лучшем случае удастся вырваться.

Карран сильно ударил другую риву, разбивая её голову подобно яичной скорлупе. Она тоже превратилась в жидкость, а затем ожила.

— Прекрати убивать их, идиот! Искалечь! Искалечь их, сукин сын! — орал Бран.

В двадцати четырёх ярдах от них топтался Угад, крутясь и атакуя оборотней огромными кулаками. Они же прыгали на ноги монстра, ведя его прямо на металлические штыри. Гигант закружился. Огромный колючий хвост раскачался туда-сюда, будто дубинка, и резко ударил по лохматому телу. Оно пролетело несколько метров и врезалось в разбитую машину. Оглушенный зверь упал на землю.

Угад прыгнул. Будто в кошмарном сне, я увидела, как его огромная нога наступила на неподвижно лежащего оборотня, послышался хруст ломающихся костей. Кровь брызнула во все стороны. Монстр отошёл, оставляя на земле голое раздавленное человеческое тело. Я увидела, как копна волос цвета электрик испачкалась в крови. Я сжала кулаки, но не могла ничего сделать, не могла всё это остановить. Я просто стояла здесь и смотрела, абсолютно

беспомощная.

Ягуар прыгнул на голову Угаду. Гигант отшвырнул крест в сторону, чтобы заняться новой угрозой. Крест закрутился на своем основании, пошатнулся и начал падать. Джули неподвижно висела на нём, как тряпичная кукла, которая вот-вот будет раздавлена. Хрупкая, песочного цвета фигура прыгнула вперёд и поймала крест прямо в нескольких сантиметрах от зазубренного железа. Андреа сняла девочку с креста.

Её атаковали зелёные щупальца, отдирая шерсть и кожу с бедра. Ободренные мускулы, красные и влажные, проглядывали через рану. Пастырь зашипел. Он снова восстановился, его лохмотья развеялись вокруг худого тела. Андреа попыталась убежать. Щупальца ударили её. Она вскрикнула. Я содрогнулась. Андреа продолжила идти.

Один шаг.

Два.

Андреа упала.

Она впиалась когтями в землю, прижав к себе Джули и пытаясь отползти в сторону.

Щупальца били её снова и снова. Андреа свернулась в клубок, пытаясь прикрыть ребенка своим телом.

Волки вырвались от Угада и бросились к Пастырю. Щупальца закрутились подобно зеленым ленточкам, сопровождаемые испуганными взвизгами боли.

Угад стукнул себя по голове, пытаясь скинуть ягуара, но попал по своим рогам. Огромный кот всё ещё продолжал сидеть на его голове, вцепившись в неё когтями. На массивном лбу проступила кровь. Джим впился когтями ещё глубже, подбираясь к глазам. Гигант, как бешеный, помчался прямо на металлические штыри, ломая ногами железо.

Джим прыгнул вперёд.

Огромное тело монстра напоролось прямо на штырь.

Джим неуклюже приземлился, поскользнулся и скатился вниз по листу гофрированного металла, оставляя за собой длинную кровавую дорожку. Попытался подняться, но ноги его не держали.

Торчащий из спины Угада кусок металла побагровел. Гигант выпрямился и снял себя со штыря, затем повернулся, не обращая внимания на дыру в груди, подошёл к свернувшейся клубком Андреа и пнул её ногой. От такого удара она отлетела и врезалась в металлическую кучу мусора. Угад поднял Джули с земли, на уродливом лице появилось странное тупое выражение удовлетворения... но тут он понял, что смотрит прямо на Каррана.

Шаг за шагом, сражаясь за каждый дюйм и истекая кровью, Повелитель Обратной подбирался к монстру. Он воткнул когти прямо в дыру на груди Угада и вырвал из неё огромный кусок.

Справа от них Пастырь вытянул руки. Его мантия порвалась, открывая худое, неуклюжее тело. Щупальца обвили вокруг плеч и вытянулись вперед, чтобы схватиться за металлические штыри, затем сжались, Пастырь пролетел мимо волков и вцепился в спину Каррана. Ривы, как по команде, обвили конечности оборотня, предоставляя доступ к ожерелью, завязанному вокруг его предплечья. Ледяные глаза Пастыря загорелись голодным огнём, рот открылся, и острые зубы впились в руку оборотня в том месте, где было монисто. Как только лопнул шнур, монеты разлетелись в разные стороны.

Карран закричал, и я закричала вместе с ним.

— Идиот! — Бран ударил себя ладонью по лицу.

Щупальца отступили. На руке Каррана зияла кровавая дыра. Пастырь исчез в ангаре.

Три ривы последовали за ним, забрав Джули из рук Угада, а остальные остались висеть на ногах Каррана. Гигант тупо посмотрел на оборотня, повернулся и побежал к ангару, оставляя за собой кровавые следы.

Волки бросились на рив. Повелитель отряхнулся, как пёс, стряхивающий воду с шерсти.

Угад пробился через металлическую стену, и сквозь образовавшуюся дыру я мельком увидела груды ящиков.

— Нет! — Бран разинул рот.

Монстр головой врезался в ящики. Щепки полетели в разные стороны, открывая взгляду металлический котёл ростом с меня. Бран огрызнулся, словно разозлённая собака.

Магия ударила со всей силы. Ведьмы упали на колени. Видение дрогнуло, а купол пошатнулся.

— Всплеск... — прошептала самая младшая ведьма Оракула. — Он здесь...

Магия ударила в меня, тело начало её впитывать, всё больше, больше и больше. На этот раз никакого головокружения. Никакой заминки. Лишь сила, чистая сила, струящаяся сквозь меня.

Пастырь навис над котлом. Его тело согнулось, и поток жидкости полился изо рта, неся с собой сверкающие монеты. Достигнув котла, одна из них увеличилась, превратившись в огромную крышку. Должно быть, он откусил её с ожерелья и проглотил.

Карран почти достиг их, оставляя за собой след из искалеченных тел рив.

Угад схватился за крышку и отклонился назад, толстые руки напряглись. С горловым воем он сорвал крышку с котла, открывая врата в Иной мир.

Пятно темноты, подобно грозовой туче наделенной собственным разумом, нависло над котлом. Внутри него появилось что-то черное, огромное и уродливое, постепенно обретая человеческие формы. Из сумрака показались две руки, будто приветствуемые овациями. Вслед за ними на краю котла появились ноги в чёрных ботинках. Выпуклые мускулы широких предплечий, пересеченные блестящими полосками шрамов и усеянные бородавками, начали постепенно принимать реальные черты. Темнота отступила, будто ручной зверек, желающий угодить, обнажая сначала грудь в чешуйчатой кольчуге из черной эмали, а затем и бледное лицо.

Его нос сильно выступал вперед, будучи слишком длинным и плоским, словно огромный клюв, покрытый тонким слоем плоти и сужающийся к острому кончику. Массивная челюсть поддерживала два ряда огромных зубов. Один из них сильно выпирал, напоминая кабаньих бивень, и почти касался левой щеки. Глаза, маленькие и белые, были глубоко посажены под неандертальскими бровями. Сквозь кожу между глаз проступал хрящ, формирующий тонкий острый гребень и исчезающий в мясистом лбе.

Это выглядело так, словно черепа лошади и человека каким-то образом скрестили в ужасное единое целое. Растянутое лицо со скудным количеством мышц и кожи, которых едва хватало, чтобы прикрыть кости. Это существо не могло быть человеком.

Темнота за ним сгустилась и приобрела форму, превращаясь в длинные черные волосы и тысячу вороньих перьев, струящихся как мантия.

Морфран.

Он поднял руку и что-то сказал.

В руке появился серый пузырь, который начал расширяться, поглощая руку, потом голову, а затем и ноги. Подсознательно я понимала, что не хочу, чтобы этот пузырь дотронулся до Каррана.

Тот медлил.

— Беги, Карран! — прокричала я, зная, что он всё равно меня не услышит.

Пузырь поглотил котёл.

Моё сердце сжалось:

— Беги!

Повелитель Обратней повернулся и побежал, попутно подхватив тело Джима с земли.

— Андреа! — закричала я, но он меня не слышал.

Пузырь поглотил Пастыря, видение исчезло.

Через три часа мы с Браном ехали в Башню Стаи. Ведьмы одолжили нам лошадей, и мы мчались, пока они не покрылись пеной. Бран негодовал, проклиная меня за то, что не отдала крышку вовремя. Проклинал Каррана за то, что тот потерял её. Проклинал Мориган за отлучение от тумана в наказание за провал. Проклинал Фомориан, подбирая все более и более изощренные ругательства, пока они совсем не утратили смысл. Я молчала.

Спустя полчаса голос Брана стал тише, и река проклятий иссякла.

— Серый пузырь, который мы видели, — защитное заклятие, — наконец произнес он. — Фомориане могут выползть из котла только по одному. Морфран тянет время, чтобы создать свою армию.

— Мы можем сломать это заклятие?

Бран покачал головой:

— Даже Кухулин не смог бы пробиться через него. Через пятнадцать часов оно спадет, и твой город утонет в крови. Мы уже едем в Другом Мире, потому что все они, — он махнул рукой в сторону домов, стоявших вдоль улицы, — все они уже мертвы. Мы едем через город мертвецов. И все потому, что этот сукин сын попытался спасти жалкую попрошайку.

Но Джули была моей попрошайкой. Я бы тоже пошла против орды демонов, чтобы спасти ее.

При нашем приближении ворота Башни Стаи открылись. Толпа оборотней ждала нас во внутреннем дворе. Я искала глазами знакомую фигуру.

Пожалуйста. Ну, пожалуйста.

И тогда я увидела его. Волосы Каррана спадали на спину подобно гриве. Я чуть не упустила их, потому что они были не светлыми, а серыми, такими же серыми, как цвет меха его звероформы.

Лицо Брана исказилось, он соскочил с лошади и большими шагами пересек двор.

— Ты! Это ты, сукин сын!

Вот черт.

— Карран, не убивай его! Он — Пес Морриган. Он нужен нам, чтобы разобраться с котлом!

Я спрыгнула с лошади и поспешила за Браном.

Оборотни расступились, давая проход Повелителю. Белая повязка покрывала его руку. Такое я видела впервые.

Бран толкнул Каррана, но тот не пошевелился.

— Ты отдал им её! Ради чего? Ради тощего уличного ребенка! Всем наплевать, умрет она или будет жить! Ты убил сотни ради нее. Почему?

Глаза оборотня пожелтели:

— Я не обязан оправдываться перед тобой, — он поднял руку и оттолкнул Брана назад. Тот отступил на несколько шагов.

Я поймала его:

— Не делай этого. Ты пострадаешь.

Бран высвободился и рванул вперед на Каррана. Тот зарычал, схватил противника за руку и швырнул его через весь двор.

Пес Морриган снова прыгнул. Жуткий нечеловеческий рев вырвался из его глотки и

воздушной волной ударил по ушам.

Плоть Брана закипела. Мускулы разрослись до непомерной величины, вены вздулись, как веревки, сухожилия скрутились в узлы размером с яблоко. Он вырос, вытянувшись вверх, локти и колени погрузились в надувшиеся мышцы. С гибкостью, будто в нем не осталось костей, тело скрутилось назад, расширяясь, струясь, плавясь, принимая наконец жуткую ассиметричную форму. По нему заскользили выпуклые шишки, как будто под кожей сталкивались друг с другом крошечные машины. Левый глаз выпятился вперед, правый погрузился вглубь; лицо вытянулось, обнажая зубы и огромный впалый рот. Слюна капала с кривых губ. Единственный видимый глаз бешено вращался в глазнице.

Варп-спазм. Ну разумеется. Четвертый дар Бран получил от рождения. Он был варп-воином, так же как и Кухулин. Мне следовало предвидеть это.

— Поиграем, малыш! — бросил Пес Морриган Каррану.

Повелитель Обратной извернулся и нанес удар в искривленный живот противника. Последний схватил его за запястье и швырнул в стену, как котенка.

Карран перевернулся в воздухе и отскочил от стены. Бран изготовился прыгнуть, но то, что врезалось в него, было безумной смесью человека и льва.

Зверь сбил Пса с ног и зарычал, его золотые глаза горели яростью. Огромная доисторическая пасть раскрылась, и трехдюймовые клыки чуть не оторвали сопернику нос. Повелитель обратной был взбешен. Бран отпихнул его двумя огромными ногами и вскочил.

— Ну давай, принцесса! Покажи мне, что у тебя есть.

Карран стремительно прыгнул. Противник махнул огромной рукой, промазал и получил острыми когтями по ребрам, разрезавшим его, как спелую грушу. Раны брызнули кровью и закрылись.

Толпа расступилась. Бран подхватил клетку для оборотня, в которой до этого находилась одна из рив, и врезал ею по Каррану. Тот поймал клетку. Рана на руке Короля Стаи кровоточила, повязка давно слетела. На спине вздулись громадные мышцы, и он, вырвав клетку из рук Брана, отбросил её в сторону.

— По-прежнему отстаешь, — прорычал Карран, его глаза пылали золотом.

Они наносили удары, швыряя и пиная друг друга, захваченные безумной схваткой. Псу Морриган удалось отбросить противника через двор. Обратный прыжок Повелителя Обратной сбил его с ног и швырнул в деревянный навес, стоявший возле стены. Стена не устояла, и Бран провалился сквозь нее, разметав вокруг щепки. Карран прыгнул следом. Мгновением позже другая секция стены взорвалась, покрыв землю обломками, и искривленное тело Пса Морриган вывалилось на открытое место. У него было полдюжины кровоточащих ран, но, видимо, он даже не замечал этого.

— И это все, что ты можешь? — когда ответа не последовало, Бран засунул голову в дыру. — Ну и где ты...

Удар отшвырнул его через весь двор. Проскользив мимо, Пес Морриган вынудил меня отпрыгнуть, чтобы не быть сбитой. Он ударился головой о клетку и отскочил.

Карран показался в проеме. Наполовину лев, наполовину человек, серая грива развевалась вокруг головы, глаза горели, слюна капала с огромных зубов. Он был похож на демона. Рык оборотня сотряс воздух.

Бран поднялся на ноги и бросился в атаку. Карран перехватил выпад, отклонил назад и заставил его остановиться. Они вцепились друг в друга, напрягая мышцы и оскалив зубы.

Я отвернулась. Я сравнительно легко могла бы убить любого из противников, так они

были увлечены, но ничто на Земле не заставило бы их остановиться. Я могла кричать до потери голоса, однако пока эти двое не устанут достаточно, чтобы понять смысл, ни один из них не заметит моего присутствия. Они будут избивать друг друга, пока не устанут. Оба, похоже, нормально справлялись со своими ранами.

Если Джим и Андреа еще живы, то должны находиться в больничном крыле.

КОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, КУДА ПОЙТИ, НЕСИСЬ ВПЕРЕД Долной решимостью. Это был прекрасный девиз, который уже спустя десять минут, после тщетных попыток очистить мысли и плутаний по лабиринту Башни среди разных залов и лестниц, привел меня к двери больничного крыла. Потребовалась всего одна минута, чтобы найти нужную дверь.

В комнате царил сумрак, все лампы были выключены, кроме одного фейлантера, который горел голубым огнем, больше похожим на ночной свет. Его мягкое свечение очерчивало контуры странно знакомого тела, которое застряло между человеческим видом и гиеной.

Я стояла в дверях, не в силах войти.

— Я слышу твой запах, ты ведь знаешь, — произнесла Андреа. — У меня твой меч.

Она подняла Убийцу, вложенного в ножны, рукоятью вперед. Я подошла, присела на край кровати и взяла оружие.

— Даже спасибо не скажешь?

— Спасибо, — проговорила я. — Как ты?

— Я потеряла Джули. Она была у меня в руках, и я потеряла ее.

— Я видела. Ты сделала все, что могла.

— Ты видела? Как?

— Ведьмы показали мне и Брану видение боя.

Андреа вздохнула:

— Если бы у меня были мои пистолеты... они бы не сработали. О Господи, что за дерьмо мы устроили.

— Ты справишься?

Она опять вздохнула:

— Ты беспокоишься обо мне. Почему? Я же сангната. Я быстро исцеляюсь. Всплеск входит в полную силу, а доктор уже применил свою магию. К завтрашнему дню я буду в норме.

— А Джим?

— Кто из них Джим?

— Ягуар.

— Серьезные повреждения мышц, — сказала Андреа. — Связки полностью порваны. Он в соседней комнате.

Я почувствовала себя ужасно. Если я останусь еще дольше, я просто закричу.

Она посмотрела на меня:

— Это был хороший план. Карран отвлек их, задержал на некоторое время, и мы схватили девчонку. Но эти твари не умирали, и наша затея провалилась.

— Вы пытались, — это больше, чем сделала я.

— Кейт, я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь: если бы сама присматривала за Джули, она бы не ушла с Рэдом. И ничего бы этого не случилось.

Что?

— Нет. Вовсе нет.

— Я просто хочу, чтобы ты знала: когда я сняла девочку с креста, она повторяла его имя. Ни ты, ни я не можем нарушить эту связь.

— Андреа, я не виню тебя. Я никого не виню, — кроме себя. — Ты отправилась туда и пыталась сделать невозможное, и тебе почти удалось, в то время как я заигрывала с Браном в тумане.

Я поднялась:

— Мне нужно увидеть Джима, а потом отправить кого-нибудь в Орден, раз уж телефоны не работают.

Она подняла голову с подушки, глаза широко раскрылись.

— Зачем?

После того, как у Пса Морриган закончились проклятия, он снизошел до некоторых объяснений.

— Судя по тому, что сказал Бран, серый пузырь, созданный Морфраном, — что-то вроде друидского защитного заклятия. Он пытается тянуть время, заполняя пузырь морскими демонами. Когда он лопнет, они вырвутся оттуда в Осиное Гнездо, а затем в Уоррен. Нам потребуются рыцари и ВПСО.

Лицо Андреа вытянулось:

— Помощи не будет, Кейт. Никого из них нет. Даже Максин.

— Куда же они, черт возьми, подевались?

— Сложилась непредвиденная ситуация, — сказала она осторожно. — Все рыцари и Военные Подразделения по Сверхъестественной обороне были брошены на ее разрешение.

— Андреа, менее чем через двенадцать часов в Атланте будет полным-полно демонов. Они станут убивать, пожирать и высвобождать еще больше демонов. Какая непредвиденная ситуация может быть более важной, чем эта?

Она колебалась:

— Я не могу говорить об этом. Есть один человек. Его имя Роланд...

Я чуть не врезала кулаком по стене:

— И что же он делает такого важного? Строит еще одну башню? Она рухнет, как и все предыдущие. Или его глаз снова вырос, и он решил начать битву, чтобы отпраздновать это?

Андреа медленно закрыла рот:

— Кейт? Откуда ты знаешь?

Вот черт.

— Даже у меня не хватает ранга, чтобы знать о глазе и башнях. Мне сказали только потому, что я оставалась одна. Ты ведь даже не рыцарь. Откуда ты знаешь об этом?

И что мне с этим делать? Я должна убить ее. Хотя, стойте, я не могу убить ее. Она мой друг.

— Ты собираешь прийти к Теду в офис, когда закончится всплеск, и рассказать ему, что ты сангната?

Андреа скривилась:

— Нет. Он выгонит меня. Орден — все, что у меня есть.

Я кивнула:

— У тебя свои секреты, у меня свои. Я ничего не говорила о Роланде, и ты ничего не слышала. — Я протянула ей руку. — Договорились?

Андреа раздумывала лишь мгновение. Ее пальцы сомкнулись на моей руке, и я была

удивлена их силой.

— А я не сангната. Договорились.

Я нашла Джима в соседней комнате. Он сидел в кровати, приподнявшись на подушке, и затачивал короткий широкий нож точильным камнем.

— Ты чертовски должна мне, — оборотень оскалил зубы в мерзкой ухмылке. — У тебя был друг — сангнат, и ты мне ничего не сказала. Как будто я ничего не смыслю в своей работе. Выставила меня дураком.

Я вошла и присела на край его одеяла.

— Свали нафиг с моей кровати.

Я вздохнула:

— Как твои ноги?

— Док говорит, завтра встану на ноги, — Джим направил нож на меня. — Не смей менять чертову тему.

Такая травма отняла бы по крайней мере две недели на лечение при нормальном уровне магии.

— Ты помнишь, как подсунул шпиона-крысоморфа в квартиру над моей, чтобы следить за мной и Крэстом? — Шпиона, который слышал все, что происходило между нами.

— И что с ним?

— Мы в расчете.

Он покачал головой и вернулся к затачиванию ножа.

— Ты все еще здесь? — спросил оборотень спустя несколько секунд.

— Уже ухожу, — я поднялась. — Джим... Почему ты пошел?

Он пристально посмотрел на меня:

— Он пообещал ребенку, что она будет в безопасности. Альфа должен держать свое слово, и стая всегда стоит рядом с альфой. Так это работает.

Джим вернулся к ножу, показывая, что разговор закончен.

Я ХОТЕЛА НАЙТИ РАКОВИНУ И УМЫТЬицо. Маленькая комнатка слева выглядела многообещающе. Я вошла. Ни ванны, вообще никакой мебели. Просто короткий проход к квадратному балкону, соединенному с внешней лестницей, которая вела влево.

Дверь уже почти закрылась за мной, прежде чем с шумом распахнуться вновь. В проходе стоял Карран. Он вновь был человеком, но только внешне. Пот застилал его лицо. Руки схватились за край двери, словно на пальцах все еще были когти. Желтые глаза горели диким огнем. Повелитель Обратней зарычал, его лицо перекосило, и он быстро прошел мимо меня к балкону. Вышел наружу, обеими руками оперся о каменные перила и уставился вниз.

Замечательно.

Я пошла за Карраном и стала рядом. Лестница вела вверх, к парапету, соединявшему главную Башню с недостроенной башней слева. Когда они полностью закончат это место, им придется переименовать его. Башня не передает и половины. Этому месту больше подойдет что-то вроде Мрачного Бастиона Превосходства Обратней. Возможно, на огромной вывеске, подчеркивающей их отношение, если до какого-то идиота так и не дойдет. *Стая всему остальному миру: «Вы нам не нравитесь. Держитесь подальше!»*

И Карран будет бродить и вышагивать вдоль стен.

— Кто победил? — я знала ответ.

— Я.

— Как?

— Швырнул его в маленькую водонапорную башню. Он не любит воду. Сжимается от нее.

Деревья под нами дрожали от утреннего ветра.

— Хочешь, чтобы теперь была твоя очередь? Скажешь, каким я был идиотом? — от угрозы в голосе Повелителя Обратной по спине пробежали мурашки.

— Подожди, надо убедиться, что поблизости нет водонапорных башен...

Он провел пальцами по каменному бортику. Если бы у него все еще были когти, они оставили бы белые отметины.

— Ты дала мне эту штуку прямо в руки, и я ее потерял. У меня нет ожерелья, нет ребенка, двое из моих людей мертвы, трое в больничном крыле. На разлом Осиного Гнезда наложено заклинание, и разведчики доложили, что он полон монстров. Прекрасная работа налицо. Продолжай. Добей меня.

— Я без сомнения обменяла бы ожерелье на Джули.

Карран взглянул на меня. В следующий момент я оказалась прижата к стене, его зубы очутились в дюйме от моей сонной артерии. Оборотень вдохнул мой запах, его глаза все еще были наполнены расплавленным золотом. В голосе звучал сдерживаемый шторм.

— Даже зная то, что знаю сейчас, я бы поступил так же.

— Как и я. Отойди от меня.

Карран выпустил меня и отступил.

— Если ты не можешь спасти ребенка, какой в этом смысл? — спросила я его. — Джули стоит того, чтобы ее спасти, и я не собираюсь покупать свою безопасность ее кровью. Я скорее умру сама.

Я оперлась на стену:

— Я должна была раньше разобраться со всем этим. Или, еще лучше, мне следовало оставить ее с тобой. Этот мелкий подонок Рэд не смог бы забрать девочку из Башни. Меня уже достало всюду опаздывать на один шаг.

Наши взгляды встретились, и мы замолчали на минуту, объединенные страданием. По крайней мере, Карран понимал меня, а я его.

— Хорошая из нас пара, — произнес он.

— Да.

Во дворе я увидела маленькую фигуру, которая, спотыкаясь, шла от развалин водонапорной башни. Я кивнула в ее сторону.

— Он тоже облажался. Бран телепортировался, куда только можно, как последний кретин, пытаюсь найти котел. А он находился прямо там, под грудой ящиков. В первую очередь надо было посмотреть именно там. Нас всех перехитрил парень с щупальцами и толпой мертвых русалок.

Карран пожал могучими плечами:

— Это никогда, черт возьми, не бывает просто. Хотел бы я, чтобы хоть раз было легко и просто. Но нет, правильного решения никогда нет. Я выбираю то, с чем смогу жить.

Мы оба знали: он обвиняет себя в каждой царапине, полученной его людьми.

Солнце выглянуло из-за верхушек деревьев, затопляя мир светом, но лестница заслоняла нас, и мы остались в холодной голубоватой тени. Карран оттолкнулся от каменной стены.

— Я так понимаю, этот серый пузырь над Разломом скоро лопнет?

— Через пятнадцать часов после появления. Если верить Брану.

— То есть около семи вечера. Вор...

— Бран.

— Мне плевать на его имя. Ты сказала, он может закрыть котел. Что это даст?

— Как много ты знаешь о том, что происходит?

— Все, что ты рассказала Андреа.

Я кивнула:

— Котел принадлежит Мориган. Морфран, тот уродливый бог, украл его, чтобы возродиться. Существо со щупальцами, ривы и великан — все они служат Морфрану. Это передовая группа перед приходом Фомориан, морских демонов, которые сейчас вылезают из котла. Закрыв его, мы остановим приход новых демонов. А те, кто уже вышли, станут смертными. Мориган снова обретет власть над котлом, что станет концом Морфрана и его счастливого уголка воскрешения Фомориан.

Карран обдумал это:

— Жители Осиного Гнезда передвигают свои трейлеры, чтобы помешать демонам перелезть через стену. У врагов есть только один путь: на юго-запад, через дно Разлома. Стая заблокирует Разлом, и мы примем на себя главный удар. Джим говорит, что есть туннель, ведущий в разлом из Уоррена.

— Я знаю это.

— Этот идиот и небольшая группа моих людей могут пройти через туннель в Разлом, пока демоны будут заняты нами. Это приведет их в тыл Фомориан. Если повезет, они даже ничего не заметят. Вор сможет удержать приступ гнева до того, как достигнет котла?

— Я не знаю. Ты не очень впечатлен его варп-спазмом, не так ли?

Карран скривился:

— Это отвратительно. Полная потеря контроля. В этом нет ни красоты, ни гармонии. Его глаз висел на щеке как сопля. Так что нет, я не впечатлен.

— Я могу попытаться удержать его.

— Нет.

— Что значит нет?

— Нет, ты не идешь с ним.

Я скрестила руки:

— И кто так решил?

На его лице появилось выражение «я альфа, и последнее решение за мной».

— Я решил.

— Ты не можешь решать это. Я не в твоей власти.

— О да, в моей. Без тебя бой может пройти, но без меня и без Стаи его не будет. Я команду наибольшей силой, поэтому я главный. Ты и твоя армия из одного человека может подчиниться мне или гулять отсюда.

— Ты считаешь, что я этого не сделаю?

— Нет, я хочу, чтобы ты была там, где я могу тебя видеть.

— Почему?

Его губа задрожала перед оскалом. Но затем лицо расслабилось: Карран взял себя в руки.

— Потому что я так хочу, — сказал он медленным терпеливым голосом, которым обычно умирляют упрямых детей и буйных душевнобольных пациентов. Это вывело меня за

грань разумного. Мне очень хотелось его ударить.

— Просто из любопытства, как ты собираешься не дать мне пойти вместе с Браном?

— Я свяжу тебе ноги, засуну кляп и поставлю троих оборотней следить за тобой во время боя.

Я собиралась сказать Каррану, что он не посмеет, но его глаза убедили меня в обратном. Я не добьюсь своего. Не в этот раз. Подходящий момент для новой стратегии.

— Хорошо. Я буду вести себя хорошо, но при одном условии. Мне нужно пятнадцать секунд перед боем. Только я между рядами Фомориан и твоими людьми.

— Зачем?

Потому что у меня возникла безумная идея. Я собиралась сделать то, что заставит моего отца и Грега перевернуться в своих могилах. Мне нечего терять. Все равно мы можем умереть.

Я не ответила. Только взглянула на оборотня. Он либо будет доверять мне, либо нет.

— Они у тебя есть, — ответил Карран.

У СТАИ ВМЕСТО НОРМАЛЬНЫХ КЛИНКОВ БЫЛО ОДНО ДЕРЬМО. ЭТО НЕУДИВИТЕЛЬНО: ИМ они не требовались. Я обошла всю оружейную, но так ничего и не подобрала. Я хотела второй меч, и Карран сказал, что мне можно взять любой.

С бронёй дела обстояли лучше. Я нашла хороший кожаный мундир, в уязвимых местах укрепленный ромбовидными стальными пластинами, чёрный и отлично подходящий мне по размеру. Самым лучшим было то, что у него была шнуровка для подгонки по фигуре. Но мне понадобится помощь, чтобы надеть и снять его. Я никогда не участвовала в настоящей битве, но пережила несколько серьезных драк и парочку бунтов. И из своего опыта знала, что чересчур увлекусь битвой и, даже не заметив, скину броню, чтобы она не сковывала движения. Так что мне требовалась что-то трудно снимаемое. Всё, что держалось на липучках, не подходило.

Уже готовая сдать, я увидела его: однолезвийный клинок, около пятидесяти сантиметров в длину, удивительно похожий на Убийцу, но более широкий. Идеально сбалансированный, сужающийся к концу, этот меч был изготовлен из цельного куска упругой стали с гладкими деревянными вставками вместо рукоятки. Он был простым, без украшений, и практичным, модель современная, а не копия средневековой, и не какая-нибудь чушь. Идеален.

Я повертела его в руке несколько раз, привыкая к весу.

— Два меча, — сказал Бран из дверного проёма.

В приступе гнева он разорвал одежду, поэтому обрезал её и превратил остатки рубашки и штанов в импровизированный килт, выставляя напоказ самую лучшую в мире грудь. Этот килт напомнил об убийце Грэга: он носил похожий.

— Ты можешь орудовать двумя мечами одновременно?

Я вытащила Убийцу из ножен, сделала выпад в сторону Брана, проводя классическую «восьмёрку» вокруг его тела, и заблокировала руку плоской стороной короткого клинка, когда противник попытался нанести мне встречный удар.

— Надо же, не попала, — сказал он.

— Ты что-то хотел?

— Я тут подумал: мы ведь завтра можем умереть, как на счет покувыркаться по-дружески?

— Это я могу умереть. А ты исцелишься.

Бран покачал головой:

— Я не бессмертный, голубка. Если мне быстро нанести достаточный урон, то я умру так же, как и все вы.

Я высвободилась и прошла мимо него к двери.

Килт упал.

— Я целую вечность сшивал его! — Бран подобрал с пола килт, который сразу же развалился на куски прямо в руках. Я разрезала его в трех местах.

Я вышла в коридор и чуть не врезалась в Каррана, сопровождаемого группой оборотней. Бран последовал за мной в своем нагом великолепии.

— Эй, это значит «никакого секса»?

Лицо Каррана застыло. Я обошла его и продолжила идти.

Бран следовал за мной, пробираясь через группу оборотней.

— Уйдите с дороги. Вы не видите, что я пытаюсь поговорить с женщиной?

Я совершила ошибку, оглянувшись как раз в тот момент, когда Карран потянулся к шее проходящего мимо Брана. Усилим воли, наверняка стоившем ему года жизни, Карран заставил себя сжать пальцы в кулак и опустить руку.

Я хихикнула про себя и продолжила идти. Вселенная доказала, Карран не прав: человек, раздражающий его ещё больше, чем я, существует.

Бран догнал меня на лестнице:

— Куда ты идешь?

— На балкон. Мне нужен свежий воздух.

И, может быть, немного вздремнуть. Хотя спать уже не хотелось. Магия кипела во мне, желая высвободиться. Надеюсь, это случится до того, как наступит техноволна? Я не была уверена, что смогу контролировать такую неукротимую силу. Мне приходилось сдерживать себя, словно я скакала галопом на сумасшедшей лошади, а поводья выскользывали из рук.

Бран вышагивал рядом, не обращая никакого внимания на отсутствие одежды. Я вошла в первую попавшуюся комнату и вытащила из комода пару серых спортивных штанов — они имелись почти в каждой комнате Башни, так как люди, постоянно меняющие форму, считали удобным иметь поблизости запасную одежду — и протянула ему.

— Уже не можешь сдерживаться? — Бран натянул штаны.

— Конечно, — пробубнила я, стащив ещё одеяло и подушку, и покинула комнату.

Он проследовал за мной до балкона, где я соорудила кровать в углубленном дверном проёме и свернулась в ней. Камень загораживал меня от солнца, но не закрывал обзор, поэтому мне было видно всё: небо, сияющее солнечным светом и покрытое пятнышками облаков, яркую зелень деревьев, шевелящуюся от ветра, каменные стены, ещё мягкие и тёплые на ощупь. В воздухе чувствовался аромат медовых цветов и лёгкий запах волков на ветру. Я впитала всё это в себя.

Бран сел на каменные перила.

— Тощий уличный ребёнок. Отвергнутый обществом человек. А теперь ты идёшь из-за неё на войну.

— Войны начинались и из-за худших причин.

Он уставился на меня:

— Я не понимаю.

Как можно объяснить, что такое гуманность, человеку, у которого нет никакой ценностной ориентации?

— Это связано с добром и злом. Ты должен сам для себя решить, что это такое. Для меня зло — рваться к цели несмотря ни на что.

Бран покачал головой:

— Лучше выбрать меньшее зло, чтобы предотвратить большее.

— И как ты определишь, что есть меньшее зло? Допустим, ты спасешь многих, ценой жизни ребёнка. Этот ребёнок самое главное для своих родителей. Смысл их жизни, который ты уничтожил. Большого зла причинить им ты не сможешь. Так разве можно это назвать «меньшим» злом?

— Потому что теперь еще больше таких же дураков, как ты, умрет.

— Мы вызвались добровольно. Мы свободны в выборе решений. Я сражаюсь, чтобы спасти Джули и убить как можно больше тех ублюдков. Они пришли в мой дом, они

пытались убить меня, и они распяли на кресте моего ребенка. Я хочу наказать их. И хочу, чтобы это наказание было настолько сильным, настолько жестоким, чтобы следующий мешок дерьма, который встанет на их место, надул в штаны при одной малейшей мысли обо мне.

Убийца задымился в ножнах, чувствуя мой гнев. В обычной ситуации мне пришлось бы подкормить его, иначе лезвие стало бы тонким и хрупким, но с такой сильной магией меча хватит не только на битву, но и еще на какое — то время.

Я указала на двор.

— Оборотни сражаются, чтобы противостоять угрозе и отомстить за убитых друзей. Чтобы защитить своих детей, потому что без них у Стаи нет будущего. А за что сражаешься ты?

Бран потрепал свои спутанные волосы.

— У меня в любом случае нет будущего. Я сражаюсь, потому что заключил сделку с Морриган. Без тумана я состарюсь и умру.

— Неужели старение так плохо? Ты не хочешь жить? По-настоящему жить?

Он усмехнулся:

— Если бы я желал получить настоящую жизнь, я бы не просил стать героем. Я хочу умереть сильным, с мечом в руке, вонзая его в тела своих врагов. Вот как должен умереть настоящий мужчина.

Я вздохнула:

— Мой отец служил военачальником у человека невероятной силы. Этот мужчина называл его Вороном, потому что за ним следовала смерть. Меч никогда не побеждал его. Если бы отец остался военачальником, чтобы повести за собой армию, которую он создал и тренировал, мир сейчас был бы совсем другим.

— И какой смысл в твоём рассказе?

— Он всё бросил ради меня.

И сделал это ради чужого ребёнка.

— Тогда твой отец был дураком, и теперь я знаю, в кого ты пошла.

Я закрыла глаза.

— С тобой бесполезно спорить. Дай мне поспать.

Я услышала, как Бран спрыгнул с перил приземлившись рядом со мной, а потом тыкнул в моё плечо пальцем.

— Я пытаюсь понять.

Мне пришлось открыть глаза. Я явно была не сильна в объяснении своих моральных принципов.

— Представь, что тебя преследуют волки. Ты бежишь по лесу, никаких поселений поблизости нет, и тут ты натыкаешься на ребёнка, оставленного на земле. Ты спасешь его или оставишь волкам?

Я увидела нерешительность в его тёмных глазах.

— Я бы оставил этого маленького ублюдка, — заявил Бран громко, — это бы замедлило волков.

— Ты сомневался.

Он поднял руку, но я покачала головой:

— Я видела. Ты сомневался. На несколько секунд ты засомневался. Эта же сила, заставившая тебя усомниться, заставляет сражаться и нас. Теперь оставь меня в покое.

Я свернулася на одеяле и закрыла глаза. Ветер нежно гладил меня по лицу, погружая в спокойный сон.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ДЕРЕК РАЗБУДИЛ МЕНЯ взглянула на небо. Солнце поднялось высоко — наступил полдень.

Я не хотела умирать.

Лицо Дерека было мрачным.

— У Джима внизу есть кое-что для тебя.

Оборотень проводил меня до первого этажа и открыл дверь. Я вошла в маленькую комнату, где в кресле устроился Джим, проверяя кончик того самого ножа большим пальцем. Перед ним на полу сидел Рэд. Он был омерзителен. Левый глаз распух от великолепного фингала. На шее блестела длинная металлическая цепь, тянувшаяся от стены. Не дай Бог оскорбить Стаю, ведь им не нужна помощь службы К-9, чтобы найти тебя.

Я скрестила руки на груди и посмотрела на шамана. Ему было всего пятнадцать. Это не оправдывало предательство, но мешало мне поступить так, как я привыкла поступать в подобных ситуациях. Мальчишка покосился на меня здоровым глазом.

— Хочешь побить меня — так давай.

Я оперлась о стену. Заметив движение, он пригнулся, прикрывая голову.

— Почему ты не рассказал мне о монисто?

— Потому что ты бы его выкрала, — Рэд оскалил зубы. — Оно было моим. Моя сила! Мой шанс.

— Ты знаешь, что случилось с Джули?

— Он знает, — сказал Джим.

— Ты вообще не чувствуешь себя виноватым? — спросила я.

Мальчишка отодвинулся подальше.

— Что ты, твою мать, хочешь от меня услышать? Я теперь должен вдруг стать миленьким, заплакать и сказать тебе, как мне жаль? Я заботился о Джули. Я приглядывал за ней два года. Она должна мне, ясно? Они держали когти у моего горла. Прямо вот здесь! — он сомкнул грязные пальцы вокруг шеи. — И сказали: либо ты выдаешь девчонку, либо умираешь. Так что я выдал её. Любой бы из вас, тупиц, сделал бы то же самое. И если вы собираетесь стоять здесь и вот так на меня смотреть, идите к черту!

Рэд плюнул на пол.

— Если тебе было абсолютно на неё наплевать, тогда зачем ты попросил меня охранять её?

— Потому что она — капитал, тупая ты шлюха.

Он был не человеком, а сгустком ненависти. Мы могли бы избить Рэда, заставить голодать, прочитав ему нотации, но никакие наказания или нравоучения не помогли бы мальчишке понять, что он ошибался. Мы его потеряли.

— Что вы собираетесь с ним делать? — спросила я Джима.

Тот пожал плечами:

— Дам клинок и заставлю сражаться. Он сможет показать, насколько крепок.

— И воткнёт свое оружие нам в спину.

— Я приставлю людей, чтобы следили за ним. Один раз мы уже нашли мальчишку, найдём и второй. А если он в кого-то воткнет нож, тогда я заживо сдеру с него кожу. Кусочек за кусочком, — улыбнулся Джим Рэду.

Большинство людей видело улыбку Джима только один раз — перед тем, как он их убивал. Эта улыбка достигла желаемого результата: мальчишка съёжился и сделался таким бледным, что я смогла увидеть это даже сквозь слой грязи на его лице.

— Возражения? — спросил меня Джим.

— Делай, что хочешь.

ВО ДВОРЕ ЗАРЕВЕЛИ ДВА ОГРОМНЫХ АВТОБУСА, ИХ ДВИГАТЕЛИ работали от магической воды. И в этом была их проблема: они медленные, максимум, что можно выжать — 35–40 миль в час, и шумные, звук, который они издавали мог бы мёртвого поднять и заставить позвонить в полицию. И мне придется ехать на нем к месту битвы. У Вселенной очень хорошее чувство юмора.

Я заметила знакомую стройную фигуру. Мийонг. И рядом с ней Крэст. Те же тёмные глаза, та же одежда, безукоризненно чистая до самой последней складки. Он всё ещё был довольно красивым мужчиной с рыжеватыми волосами и добрыми глазами. Я посмотрела на Крэста и ничего не почувствовала. Смущение перед ним прошло. Я была свободна.

— Карран отпустил их. Освободил её от всех обязанностей перед Стаей. Она не будет участвовать в битве, — Дерек скривил губы. — Если бы я был альфой, я бы заставил ее сражаться. И отпустил бы, только после того, как она показала себя в бою.

Крэст открыл дверь узкой серой машины для девушки.

— Вот они уезжают, счастливая парочка, которую освободили от мести и спасения мира. Неужели это тебя не беспокоит?

Я улыбнулась:

— Дерек, в жизни тебе придется научиться отпускать некоторые вещи.

Мы обошли автобус кругом, и я почувствовала волну вампирской магии. Перед Jeep сидело восемь вампиров, застывших, как статуи. Карран стоял рядом, ведя довольно оживленную беседу с девятым. Последний заметил мое приближение.

— Кейт, — сказал он голосом Гастека, — твоя способность выживать не перестаёт меня удивлять.

— Что ты здесь делаешь? Почему ты здесь вместо того, чтобы запереться в Казино?

— Элементарно, моя дорогая, я пришёл, чтобы отомстить. К тому же Братство хотело понаблюдать за возможностями вампиров во время всплеска в обстановке, где им будет позволено наносить неограниченный ущерб. Но по большей части я здесь, чтобы расквитаться с Пастырем. Думаю, месть — дело стоящее.

Я посмотрела на лицо Каррана и поняла, кто точно будет сопровождать Брана в туннеле.

ПУЗЫРЬ ЗАПОЛНИЛ ВСЁ ПРОСТРАНСТВО РАЗЛОМА. ТВЕРДЫЙ ПОЛУПРОЗРАЧНЫЙ, испещрённый тоненькими трещинками, он не скрывал монстров внутри себя. Со сжатыми от тесноты мордами и расплюснутыми губами Фомориане стояли, прижатые плечом к плечу, упакованные так же тесно, как мятные леденцы Altoid.

Мы приехали на автобусах к Осиному Гнезду и уже пешком спустились по тропинке к нижней части Разлома. Каррана сопровождала сотня оборотней, и все были добровольцами. Эта сотня сможет заблокировать Разлом достаточно долго, чтобы дать Брану шанс закрыть котёл. Ну а если уж они провалятся, то никакое количество оборотней не сможет это исправить. Карран не хотел подвергать своих людей опасности. Я бы сделала по-другому и взяла бы с собой больше бойцов, но моего мнения никто не спрашивал.

Тропинка вела нас по самому краю Разлома. Я увидела закопченные прицепы, тесно прижатые друг к другу, чтобы отгородить Разлом от Осиного Гнезда. За прицепами ждали жители Гнезда, вооруженные дубинками, топорами и клинками. Перед тем как тропа свернула на восток, я успела насчитать четырёх владельцев собак, удерживающих своих металлических зверей на цепях толщиной с руку, и две ручные баллисты. Любые демоны, которые попытаются пройти через этот склон, усеянный острым хламом и кольями, быстро об этом пожалеют.

Оборотни хорошо вычистили дно Разлома, чтобы сделать его достаточно пригодным для битвы. Весь острый мусор скинули у края пузыря. Это должно замедлить Фомориан. Мы спустились в Разлом. Стая сформировала небольшие отряды в сотне ярдов от пузыря. Оборотни держались особняком, чтобы дать друг другу достаточно места. Мимо меня прошла группа женщин, возглавляемая знакомой ведьмой — одной из лидеров ковена Морриган. Они были одеты в кожаные и металлические кольчуги, несли луки и мечи, а лица раскрасили в голубой цвет. Полные грозной решительности женщины подошли к Каррану. Поговорив с ним пару минут, она взобрались на стены, занимая позиции.

Теперь была моя очередь. Я приблизилась к Повелителю Оборотней.

— Пятнадцать секунд.

Его глаза заблестели.

— Я помню. Постарайся не умереть.

— Я выживу специально для того, чтобы потом убить тебя.

— Тогда увидимся утром.

Я отошла в сторону. Сзади Дерек расплылся в широкой улыбке.

— Так это ты будешь моей нянькой на время битвы?

Он кивнул, улыбаясь ещё шире.

Чудненько.

Какой-то бледно-серый кусок, похожий на грязный лёд, прорвался из вершины пузыря, с жутким свистом выпрыгнул наружу и упал где-то в глубине Разлома, вонзаясь в ржавый мусор. Он зашипел, растворяясь в воздухе. Над полем нависла тишина. Оборотни задрожали в предвкушении боя.

Над головами зазвучал голос Каррана:

— У нас есть работа. Сегодня мы отомстим за наших! Они пришли сюда, на нашу землю. Они пытались ребёнка. Они убили наших братьев. Никто не смеет причинять вред

Стае!

— Никто! — ответил резкий хор.

Повелитель указал на пузырь.

— Они не люди. На их костях нет человеческой плоти.

И что он этим хочет сказать?

— Что здесь произойдёт, здесь же и останется. На сегодня Кодекс не действует. Сегодня вы свободны в своих действиях.

Они всегда жили по Кодексу. Следовали ему с фанатичной дисциплиной. Подчиняйся, исполняй, отчитывайся сам за себя. Вечно прилежные. Всегда под контролем. Карран пообещал ту единственную вещь, которую оборотни никогда не могли иметь. Их глаза зажглись жёлтым, а затем налились кроваво-красным цветом.

— Помните: умереть за Стаю — не ваша работа! Ваша работа — заставить других ублюдков подохнуть! Вместе мы убьём их всех!

— Убьём! — вздохнуло поле.

— Победим!

— Победим!

— Вернёмся домой!

— Вернёмся домой!

— Убьём! Победим! Вернёмся домой!

— Убьём, победим, вернёмся домой! Убьём, победим, вернёмся домой! — они повторяли это снова и снова, а голоса сливались в единую лавину звука.

Ещё одна часть пузыря свалилась в траву. Оборотни, все как один, содрали с себя одежду. Люди вокруг меня схватились за оружие. Я почувствовала запах пота и разогретого на солнце металла.

С оглушающим шумом ломающегося льда серый купол развалился, выпуская море Фомориан. Они приблизились на пару шагов и остановились, беспорядочная масса, пестреющая зелёными, бирюзовыми и оранжевыми монстрами, вместе похожими на старую картину ада.

— Трансформируйтесь! — взревел Карран.

Одна за одной вспышки пробежали по отрядам оборотней, словно огонь по взрывному шнуру у динамита. Чудовища и монстры разминали плечи и щёлкали челюстями. Карран зарычал и встал во главе своего войска, восьмифутовый ночной кошмар.

Морфран стоял на маленькой кучке мусора за полчищем Фомориан. Он вскинул свой огромный обоюдоострый топор.

Демоны заревели.

Сотня криков из мохнатых пастей ответила им: волки зарычали и взвыли, шакалы залаяли, гиены загоготали, коты зашипели, крысы взвизгнули, все одновременно, и громче всего этого, неуправляемый и сокрушающий, прозвучал львиный рык.

Фомориане заколебались.

Морфран вскинул свой топор в воздух. У него, похоже, на всё был единственный знак — проделать дырку в небе.

Передние ряды полчища начали двигаться вперед, сначала медленно, с трудом, потом всё быстрее и быстрее. Покрытый мусором участок размером с футбольное поле отделял их от нас. Земля дрожала от топота стольких ног.

— Стоять, — прорычал Карран.

Сзади раздалось низкое женское пение. Магия двигалась и менялась, подчиняясь силе, заключенной в этих голосах. Земля задрожала так, будто в её недрах играли на гигантских барабанах. Внезапно прямо перед рядами Фомориан из земли прорвались вьющиеся стебли и поползли, обвиваясь вокруг их ног, связывая и опрокидывая монстров. Демоны замешкались, обрывая их, чтобы освободиться.

Ведьма завизжала. Ей ответили гортанные крики. Небо оживилось сверкающими фигурами: в воздух взмыли стимфалийские птицы и помчались на орду демонов. Перья свистели в воздухе, и эхом начали раздаваться вопли боли, когда острый металл вонзался в плоть. Тут и там Фомориане превращались в жидкость. Котёл снова воскресит их. Я вспомнила, что кричал Бран, когда наблюдал за битвой в черепахе Оракула. Он кричал: «Калечьте!» Если бы мы смогли искалечить много демонов, вывести их из строя, не убивая, тогда это бы сработало лучше. Нам нужно было привлечь их внимание, окружить Фомориан и истощить их ряды, чтобы выиграть безопасный проход для Брана.

Монстры выпутались из стеблей и снова двинулись вперед, бурлящая масса плоти, зубов и рогов.

Мой выход. Я побежала вперед, двигаясь легко, всё дальше и дальше от оборотней. Впереди на меня надвигались Фомориане.

Я опустила все свои магические щиты. Все ограничения, цепи — всё, что когда-либо сдерживало меня через дисциплину и страх обнаружения, было отброшено. Прятаться не было нужды. Магия текла во мне, опьяняющая, неистовая, соблазнительная. Она смешалась с жаждой крови, и я поняла, как себя чувствовал отец, когда вёл свою армию в бой. Меня воспитал Военачальник Роланда. Я скинула оковы, зная: враги преклонятся предо мной.

Магия пела во мне. Опьянённая её мощью, я уже больше никому не подчинялась и выкрикнула слово силы:

— Osanda! — Преклонитесь.

Магия вырвалась из меня подобно цунами. Земля содрогнулась, когда сотни коленей одновременно ударили по ней. Фомориане свалились на землю с брызгами крови и хрустом сломанных костей, будто какой-то гигант оставил огромный кровавый след среди них. Моя боль была настолько незначительной, что я едва ощущала её. Напор магии внутри наконец ослаб.

Увидев, как авангард корчится на земле от боли, Фомориане застыли в ужасе. Я отчетливо видела Морфрана на другом конце поля, его отвратительное лицо и глаза, застывшие от шока. Я впитала в себя этот шок, я упивалась им. И засмеялась.

— Давай сюда свою армию, маленький бог! Мой меч проголодался!

Морфран дёрнулся, будто его ударили кнутом, и я поняла, что меня все-таки слышали. Он вскинул топор, указывая на меня, закричал, и полчище врагов снова двинулось вперед. Я всё ещё смеялась, испытывая головокружение от такой быстрой траты магии, когда оборотни пробежали мимо, направляясь к изувеченным демонам.

Чья-то рука тряхнула меня за плечо, и я увидела лицо Дерека.

— Кейт! Возьми себя в руки! Кейт!

Я засмеялась и вытащила меч. Ножны упали на землю, и я побежала.

Что здесь произойдёт, то здесь и останется.

Послышался громкий рёв, когда две линии противников столкнулись воедино, словно два корабля врезались друг в друга. Первый демон замахнулся на меня голубым топором. Я разрубила его, просто проходя мимо, и принялась за следующего.

Я резала и рубила, мои клинки походили на двух металлических змей с голодными ртами, и не имело значения, сколько Фоморианской плоти они поглощали, всё равно было невозможно утолить их голод. Я ничего не видела и не чувствовала. Всё слилось воедино: запах и теплота крови, палящее солнце и мой пот.

Демоны продолжали наступать, окружая плотным кольцом. Я бездумно убивала их, даже не осознавая, кого отправляла в глубины котла. Монстры были просто фигурками, препятствиями на пути к Морфрану, и подобно хорошо настроенной машине я косила их, не думая и не раскаиваясь. Каждый манёвр, который я пробовала, срабатывал. Каждый порез находил свою жертву. Любопытный восторг охватил меня — врагов было так много, и я надеялась, что они не закончатся. Именно для этого я была рождена.

Я могла бы продолжать убивать целую вечность.

Земля стала скользкой от жидкости, оставшейся после смерти Фомориан. Кольцо трупов постепенно увеличивалось: мы уже переполнили котёл, убивая демонов быстрее, чем он мог их возрождать.

Внезапно Фомориане дрогнули и побежали от моих ненасытных мечей. Передо мной открылось поле битвы. Воины врезались друг в друга, бросаясь взад и вперед, линии между атакующими и защищающимися уже не были ясны. Разъярённые оборотни вонзались в монстров, их глаза побагровели от ярости. Ведьмы завывали, выпуская заклинания и стрелы. Воздух наполнился запахом крови. Звон мечей, крики боли раненых, вой оборотней и стоны умирающих слились в одну невыносимую какофонию. Над всем этим палило беспощадное солнце, достаточно яркое, чтобы кожа покрылась волдырями. Это был настоящий ад, и я была его яростью.

Я подняла свой меч и, улыбаясь, убила снова.

КОГДА Я ОПЯТЬ УВИДЕЛА СОЛНЦЕ, ОНО БЫЛО У ЛИНИИ горизонта, заливая небо кроваво-багровым светом, пышные облака пропитались красным, словно повязки на открытой ране. Мы сражались почти два часа.

Пара вампиров приземлилась на гору трупов.

— Гольф три, большая толпа на два часа, раскидаем?

— Гольф два, Роджер.

Вампир слева схватил правого монстра, раскрутил и метнул, словно диск. Тот пролетел двадцать пять футов и приземлился на великана с головой акулы. Когти резанули, и фоморианин рухнул вниз.

Вампиры. Значит, Брану удалось.

Мимо меня пролетело тело. Я повернулась и увидела Брана. Гротескного и огромного. Всего в нескольких ярдах от меня он шел через поле.

Слева чешуйчатый демон метнул гарпун, который пролетел по воздуху, ударился прямо о живот Брана и отскочил. Монстр, которым он стал, схватил гарпун рукой размером с лопату и потянул за цепь, выдернув державшего ее с места, где тот стоял. Когда фоморианин пролетал мимо, Пес Морриган пнул его, словно футбольный мяч. Удар пришелся гарпунщику в живот и отправил его лететь дальше.

Демоны нападали на Брана по четверо, пятеро одновременно, он разбрасывал их, раскачиваясь взад-вперед, отрывая врагам головы и растапывая их тела, как буйствующий малыш в поле одуванчиков. Пока Бран гонялся за ними, ломая спины и круша черепа, верхняя часть его тела начала светиться красным, как затухающий уголек.

Что он делает? Разве он не должен оставаться в этой форме, пока не доберется до Морффрана? Я повернулась и увидела последнего, практически рядом со мной. В запале сражения я не заметила, как добралась до него.

Руки Морффрана двигались, губы что-то шептали. Глаза отслеживали Брана. Враг готовил заклинание.

Нет, не смей.

Я, крича, бросилась на гору.

Атака вышла внезапной и жестокой. Морффран замахнулся на меня сверху, передвигаясь легко и со сверхъестественной быстротой. Я отпрыгнула в сторону и обрушила на него шквал ударов, двигаясь вокруг противника все быстрее и быстрее, и сверкая клинками. Сосредоточься на мне, сукин ты сын!

Мимо просвистел топор, один раз, затем второй. Я двигалась слишком быстро, чтобы меня можно было поймать, и слишком точно, чтобы игнорировать. Я следила за глазами врага, за его ногами, наносила удары в лицо, чтобы он не отвлекался. Морффран отбил удар коротким клинком и двинулся в мою сторону. Я видела, как топор прочертил большую сияющую дугу, яркую, как звезда, отражая солнечный свет по краю лезвия. Противник ожидал, что я отпрыгну назад, но я бросилась вперед, вдоль рукоятки топора, и ударила в горло.

Это был по-кошачьи быстрый удар, но каким-то образом я промахнулась. Острие Убийцы лишь нарисовало красную полосу на шее Морффрана, а затем его ботинок врезался мне в живот. Мир подернулся мутной пеленой боли. Я рухнула в грязь. Через секунду противник стоял рядом. Топор вонзился в землю между моих ног.

Я откатилась и рванулась из полулежачего положения, глубоко всадив оба меча врагу в грудь. Моя сталь не встретила сопротивления. Морффран обернулся облаком перьев. Я рубила по ним, издавая неразборчивое рычание, словно собака, а те лишь просочились между моими ногами, устремившись в просвет, образованный фоморианами. Я погналась за перьями, но они оказались слишком быстрыми.

Через мгновение Морффран восстановил свою форму. В его руках сверкал топор. Я приготовилась к атаке и увидела, как за противником восстает Бран. Его голова светилась белым, а на туловище было около дюжины кровоточащих ран — огромных разрезов на изуродованном теле. Жар, исходящий от нег, высушил капли крови, превратив в коричневые полосы на коже.

— Моя о-о-о-о-очередь! — Бранообразное существо хлестнуло рукой и нанесло косой удар по Морффрану. Тот отскочил на противоположную сторону кучи мусора. Бран последовал за ним, в неменяемой ярости размахивая руками и ногами, потрясая огромным копьем, которое, должно быть, отобрал у одного из демонов.

Топор Великого Ворона, с жутким свистом рассекая воздух, разбил древко копья соперника пополам и погрузился в его плечо. Брызнула кровь. Бран крутанулся неестественно быстро, выдернул топор из рук врага и сломал деревянную рукоятку.

Тело Морффрана распалось бурей перьев, которые взмыли вверх перевернутым торнадо и застыли громадным черным вороном. Нас захлестнуло холодной магией, безжизненной, будто выплеснутой из недр самого космоса через дыру в атмосфере в виде огромного ворона. Мороз обжег мою кожу.

Морффран когтем схватил огромный бронзовый котел.

Бран собрал пригоршню металлического мусора и метнул его. Зазубренные

металлические обломки вонзились в птицу, протыкая её шею и спину. Каплями размером с кулак темная кровь потекла из черных перьев. От плоти Морфрана отделились шары и повисли в воздухе, дрожа в свете умирающего солнца.

Бран метнул содержимое другой руки. Единственный предмет сверкнул и вошел глубоко в спину ворона — наконечник топора Морфрана.

Он закричал.

Словно капля расплавленного металла, из когтей ворона выпал котел. Отчаянный крик чистой ярости врезался в мое сознание.

У подножия котла дыхнула земля, распахнув голодный рот, изрыгая еще больше Фомориан на свет Божий. Они окружили Брана.

Я бросилась на демонов. Рядом со мной оборотни рвали их на части, но нас было слишком мало, а их — слишком много. Я больше не могла разглядеть Брана, его он был погребен под горой Фомориан.

И тут гора демонов распалась. Окровавленный и побитый, Пес Морриган поднял из грязи крышку, украшенную орнаментом. Она выглядела такой маленькой в его гигантской руке, не больше чем фрисби. Меня словно придавило огромным прессом. Грудь сжалась. Кости ныли. Вокруг оборотни и фомориане падали, крича от боли.

Бран напрягся. Кровь хлынула из его ран, и он с ужасным воплем водрузил крышку на котел.

Давление исчезло. Бран улыбнулся, стянул крышку и исчез в облаке тумана вместе со своей добычей. И я поняла: вот и все. Он вернул крышку Морриган и был таков. А у нас оставалось еще целое поле демонов, которое надо было зачистить.

— Кейт!

Крик заставил меня обернуться. В тридцати ярдах Дерек указывал окровавленным пальцем мне за спину. Я обернулась и всего лишь в нескольких ярдах увидела знакомую маленькую фигурку на кресте, воткнутом в землю. Джули.

Я карабкалась по телам, чтобы добраться до нее. На меня опустилась тень. Я подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как огромный клюв цвета отполированного металла собирается ударить. Морфран все еще был в облике ворона. Я оказалась зажата фоморианами, мне было некуда бежать. Я упала на колени, готовясь вонзить Убийцу в живот Морфрана. Ворон заслонил солнце и замер, огромные когтистые руки схватили его за крылья.

С ревом, который сотряс всех Фомориан, Карран бросился рвать Морфрана.

— Вперед! — кричал он. — Вперед!

Я двинулась вперед, карабкаясь по телам, разрубая, кроша, кромсая, сконцентрировавшись на Джули. Слева группка фомориан, отцепившись от вампира, чьи конечности они оторвали, бросилась на меня.

— Убейте дитя! — шипение Пастыря прорвалось сквозь шум битвы. Фомориане сменили курс.

Двадцать ярдов отделяло её от меня. Я бы не успела.

Бран материализовался рядом с Джули в облаке тумана, находясь в человеческой форме, и обхватил крест вместе с девочкой. Туман за клубился, и они все исчезли. Фомориане взвыли от ярости.

Пес Морриган выскочил передо мной с пустыми руками, хитро улыбаясь...

Вихрь зеленых щупалец разорвал его грудь. Меня окатила кровь Брана. Его глаза широко

распахнулись. Рот раскрылся.

— Бран!

Он покачнулся вперед и завалился на меня, изо рта хлынула кровь. Позади него триумфально шипел Пастырь. Я перепрыгнула через Брана и ударила мечом ублюдка по лицу. Его рыбы глаза посмотрели на меня с ненавистью, а затем верхняя часть головы соскользнула в сторону и покатила в грязь. Тело покачнулось. Я рубила врага снова и снова, и морской демон рассыпался кусками, чтобы больше никогда не подняться вновь.

Неземной рев раздался над полем. Карран поднялся над кровавой резней с огромной вороньей головой Морфрана в руке. Весь в крови, он поднял голову к небу и закричал:

— Убейте их! Убейте их всех! Они смертны!

Оборотни накинулись на Фомориан. Я обернулась и упала на колени рядом с Браном.

Нет. Нет, нет, нет.

Я перевернула его. Он смотрел на меня своими черными глазами.

— Я спас ребенка. Я спас ее. Для тебя

— Призови туман! Призови его, черт тебя подери!

— Слишком поздно, — прошептал Бран окровавленными губами. — Не смогу исцелить сердце. Прощай, голубка.

— Не умирай!

Он просто посмотрел на меня и улыбнулся. Я почувствовала, как внутри натянулась тонкая нить боли, натянулась до предела, готовая вот-вот разорваться. Было больно. Больно настолько, что я не могла сделать вдох.

Бран напряженно втянул воздух. Его тело стало жестким, и я чувствовала, как уходит жизнь.

Нет!

Я ухватилась за последнее трепыхание жизни. Со всей своей магией, со всей своей силой, со всем этим я держалась за крохотный кусочек Брана и не позволяла ему уйти.

Магия бурлила вокруг меня. Я подпитывалась этой силой, направляя ее глубже в его тело, удерживая жизнь. Она потекла сквозь меня, затопив болью, и таяла в умирающей плоти.

Я не позволю ему уйти. Бран будет жить. Я не потеряю его.

— Глупая девчонка! — мое сознание заполнил женский голос. — Ты не можешь биться со смертью.

Посмотри на меня.

Искорка жизни ускользнула глубже. Больше магии. Еще больше... Завывал ветер, или, может, это моя кровь била в ушах. Я больше ничего не чувствовала, кроме боли и Брана.

Я тянула сильнее. Искорка замерла. Его веки дрогнули. Рот открылся. Глаза смотрели на меня. Я не слышала, что именно Бран говорил. Его сердце остановилось, и я была полностью занята тем, чтобы удержать его.

Бран посмотрел на меня затуманенным взором. До моих ушей долетел шепот, каждое слово звучало слабо, но отчетливо:

— Отпусти меня.

— Так обращают в нежить, — произнес голос.

И я глубоко в себе ощутила, что она права.

Я не стану тем, кем поклялась никогда не быть. Я не стану человеком, которым был мой биологический отец.

— Отпусти меня, голубка, — прошептал Бран.

Я отсекала поток магии. Нить боли внутри лопнула, как порвавшаяся струна, и хлестнула по мне кнутом. Я почувствовала, как искорка жизни Брана растворилась. Магия билась во мне, словно живой зверь, пойманный в ловушку и рвущий меня на части, пытаюсь вырваться.

Бран лежал у меня на руках, мертвый.

Из глаз хлынули слезы и устремились по щекам, капая на землю, унося с собой магию. Почва пропиталась моими слезами, и что-то зашевелилось в ней, что-то полное жизни и магии, но это было не важно. Бран умер.

Позади ко мне подползла фоморианка с клинком, готовая вонзить его мне в спину.

Я, двигаясь плавно, встала, повернулась и нанесла удар. Конец лезвия Убийцы проткнул грудь противницы, разрезал ее зеленую кожу и мягко прошел через тугие волокна мышц и мембран, царапая хрящ ее грудной клетки, утопая глубже под нажимом руки, пока я не достала до сердца. Твердая мышца органа на какую-то долю секунды сопротивлялась проникновению, словно сжатый кулак, а затем клинок пронзил его оболочку и затопил кровью изнутри. Я дернула меч вверх и в сторону, разрывая сердце фоморианки на куски.

Кровь залила мою кожу. Я вдохнула ее запах. Почувствовала липкую теплоту на руках. Кобальтовые глаза противницы расширились, в них отчетливо читался страх. В этот раз перерождения не будет: я убила её. Она была мертва, и осознание этого вселило в нее ужасный, болезненный страх.

Этот момент длился вечность. Я знала, что запомню его навсегда.

Я запомню его навсегда, потому что в ту секунду я осознала, что не важно, скольких я уже убила, и не важно, скольких я еще убью, прежде чем закончится этот день: ни один из них не вернет Брана. Не вернет даже на секунду.

Я выдернула меч. Горечь овладела мной и направила в бой. Я свирепствовала, продвигаясь по полю, убивая всех на своем пути. Демоны бежали, завидев меня, а я догоняла и убивала их до того, как они успевали забрать жизнь ещё чьего-то друга.

НАСТУПИЛА НОЧЬ. ФОМОРИАНЕ БЫЛИ МЕРТВЫх трупы валялись на земле вперемешку с телами павших людей. Перед лицом смерти, будь то ведьма, или оборотень, или обычный человек, все выглядели одинаково. Так много тел. Так много мертвых. Еще утром они говорили, дышали, целовали на прощанье тех, кого любили. И теперь они мертвы. Ушли навсегда. Как и Бран.

Я сидела у его тела. Глаза цвета полуночи закрылись навсегда. Я устала. Тело болело даже в тех местах, о наличии которых я и не подозревала.

Кто-то развел погребальный костер. В надвигающейся темноте он светился оранжевым цветом. Густой вязкий дым испачкал ночь.

Я взяла Брана за руку и потянула его обратно к человечности, обратно к доброй воле и свободному выбору. И именно это убило его, нет, именно я. Пламя потухло в его глазах. Бран больше не подмигнет, не назовет меня «голубкой». Я не любила его, я едва знала его, но Боже, как мне было больно. Почему случилось так, что я убиваю всех, к кому прикасаюсь? Почему они все умерли? Я могла победить почти всё, но каждый раз проигрывала смерти. Какая польза от всей этой магии, если ты не можешь сдержать смерть? Что хорошего, если не знаешь, когда остановиться, если всё, что ты можешь, — убивать и наказывать?

Кто-то подошел и потянул меня за рукав.

— Кейт, — зазвучал тоненький голосок, — Кейт, с тобой все хорошо?

Я посмотрела на обладательницу этого голоса и узнала её лицо.

— Кейт, — жалобно произнесла она, — пожалуйста, скажи что-нибудь.

Я чувствовала себя настолько опустошённой, что потеряла голос.

— Ты настоящая? — спросила я.

Джули кивнула.

— Как ты попала сюда?

— Бран принёс меня, — ответила девочка, — я проснулась на озере. Там повсюду были тела и женщина. Он вытащил меня, дал мне нож и принёс сюда. — Она указала назад — туда, где изначально формировались шеренги. — Я сражалась, — Джули показала мне свой окровавленный нож.

— Глупая девочка, — сказала я. Я не могла выразить никакого гнева и говорила сухо. — Столько людей погибло, спасая тебя, и ты снова участвовала в резне.

— Я видела, как ривы пожирали тело моей мамы. Я должна была. — Я села рядом с ней. — Кейт, я должна была.

Я услышала слабый звон цепей, затем — скрип метала под чьими-то ногами. Сквозь дым приближалась высокая фигура.

Обнаженная, за исключением упряжки из кожаных ремешков и серебряных крючков, волосы окутывали её, ниспадая черными дредами, она стояла, измазанная свежей кровью. Тёмно-красные ручейки смешивались с синими татуировками на коже. Присутствие женщины ударило по мне: ледяная, жёсткая, жестокая, пугающая, словно волчий вой, раздавшийся в ночи на одинокой дороге.

— Это она, — прошептала Джули, — женщина с озера.

Её глаза сверкали, испещренные сияющими искорками. Искры растеклись янтарём по радужке глаза и вдруг стали размером с дом, всепоглощающие, всеильные. Черный бездонный зрачок маячил передо мной, и я знала, что могу утонуть в нем и затеряться навсегда.

Так вот как выглядит глаз богини.

Она посмотрела за нас и подняла палец, чтобы указать за моё плечо. Цепи зазвенели.

— Подойди! — Я узнала этот голос. Его я и слышала у себя в голове.

Рэд вылез из-под груды мусора. Я знала, что он уже довольно долго сидел там, заполз, когда битва почти закончилась. Мальчишка шёл за мной и ждал там, в мусоре, пока я, оцепеневшая, сидела рядом с Браном. Вероятно, поджидал удобного момента, чтобы нанести удар в спину.

Джули вздрогнула:

— Рэд!

Я поймала её за плечо и удержала.

— Ты желаешь силы...

Рэд сглотнул:

— Да.

— Служи мне, и я дам тебе всю силу, которую ты пожелаешь.

Он дрожал.

— Ты принимаешь сделку?

— Да!

— Рэд, а как же я? — Джули вырвалась из моей хватки. Я держала её не слишком жёстко. Это был последний шанс на исцеление. — Я люблю тебя! Не оставляй меня!

Мальчишка поднял руку, отгораживаясь от неё:

— У неё есть всё, что я хочу. У тебя — ничего.

Он перешагнул через ноги Брана и потрусил к Морриган точно пёс, которым он и был.

Цикл завершён: от предшественника, освободившегося от Морриган, сквозь бесчисленные поколения до преемника, который добровольно надевал ошейник.

Тело Брана едва успело остыть. Богиня не выказала никаких признаков печали.

Я посмотрела на неё.

— Ты узнаёшь меня.

Цепи звякнули в знак согласия.

— Мы встретимся снова, и я убью его.

— Отвали. Она слишком могущественна для тебя. Она защитит меня, — сказал Рэд.

— Кровь, что течёт в моих венах, уже была древней, когда она была лишь неясным понятием. Загляни ей в глаза, если не веришь мне.

— Мы не встретимся снова, — пообещала Морриган.

Позади неё туман клубился сплошной стеной. Он скользнул по земле и лизнул ступни богини, затем закружился вокруг Рэда и полностью поглотил их.

Ударила техноволна, разбивая магию начисто. Джули одиноко стояла на поле битвы, усыпанном мертвыми телами и железом, с застывшим от шока лицом.

УТРОМ, КОГДА ВЕДЬМЫ ПРИШЛИ ЗАелом Брана, они нашли его лежащим среди белых цветов. Сверкая подобно маленьким звездам с такими же чёрными серединками, как его глаза, цветы выросли за ночь, выпуская в воздух едкий запах. К концу дня их нарекли «Колокольчиками Морриган», и пошёл слух, будто богиня так горевала из-за смерти своего любимчика, что плакала навзрыд, и цветы появились из её слёз.

Чушь собачья. Я была там, и эта сучка не пустила ни одной слезинки.

Ведьмы похоронили Брана в Сэнтенниал Парк и возвели пирамиду из камней над его могилой. Мне сказали, что я могу приходить к нему в любое время.

Следующие два дня я провела рядом с Андреа, корпея над отчётами Ордену. Мы заделали каждую дырку, сгладили каждую неровность и каждую несогласованность, пока моя подруга не стала настоящим человеком, а я — просто счастливым наёмником.

Оставшись без магии на несколько недель, пришлось прибегнуть к традиционной медицине. У меня имелась куча порезов, парочка из которых были достаточно глубокими, чтобы вызвать опасения, а ещё — два треснувших ребра. Андреа получила глубокую рану на спине, которая при обычных обстоятельствах зажила бы с ошеломительной быстротой. Но после всплеска ей требовалось время, чтобы восстановиться. Андреа не привыкла к боли, поэтому горстями глотала анальгетики.

После того, как Рэд ушёл, Джули замкнулась в себе. Она давала уклончивые ответы и прекратила есть. В четверг я сдала последний отчёт вместе с листком о заявке на отпуск, посадила девочку в свою старую прожорливую Subaru и поехала на юг, к Саванне, где находился дом моего отца. Андреа обещала загладить всё с Орденом, по возвращению рыцарей.

Поездка длилась вечность. Я уже давно не каталась так далеко, поэтому пришлось останавливаться, чтобы передохнуть. Мы проехали поворот к моему дому и продолжили путь по берегу к маленькому городу, называемому Эйлонией, пока не остановились у старого ресторанчика «Пеликан Поинт». Его владелец был моим должником, иначе ресторан оказался бы мне не по карману.

Он находился на краю реки, прямо перед тем местом, где пресная вода пробиралась через грязные тростниковые острова к Атлантическому океану. Мы сели в беседку около причала и наблюдали, как рыбацкие лодки проплывают по лабиринту солёных болот, а затем загружают на борт свой улов. Потом мы пошли внутрь и заняли маленький столик у окна, а позже я повела Джули к буфету с морепродуктами.

Столкнувшись с огромным количеством еды, которой она прежде никогда не видела, девочка будто одеревенела. Я взяла для неё тарелку, положила туда немного крабовых ножек и повела свою спутницу обратно к столу. Она попробовала жареную креветку и черные тилипии.

Когда я сломала второй пучок крабовых ножек, Джули начала плакать. Она плакала и ела крабовое мясо, макая его в расплавленное масло, облизывала пальцы и снова плакала.

На обратном пути девочка была очень угрюмой.

— Что со мной будет теперь? — наконец спросила она.

— Лето почти закончилось. В конце концов ты пойдешь в школу.

— Зачем?

— Потому что у тебя есть дар. Я хочу, чтобы ты начала учиться и познакомилась с другими людьми. С другими детьми и взрослыми, чтобы ты смогла узнать, как они думают. И чтобы никто больше не воспользовался тобой.

— Я им не понравлюсь.

— Возможно, ты удивишься, если это окажется не так.

— Это будет одна из тех школ, в которых я могу ещё и жить?

Я кивнула:

— Из меня очень плохая мать. Я редко бываю дома, и, даже когда прихожу туда, не способна хорошо позаботиться о ребёнке. Но я могу справиться с ролью сумасшедшей тетки. Ты всегда сможешь навестить меня на каникулах. А я приготовлю средненького гуся.

— Почему не индейку?

— Я не люблю индейку. Она слишком сухая.

— А что, если мне там не понравится? — спросила Джули.

— Тогда мы продолжим искать ту школу, где тебе понравится.

— И я смогу прийти жить к тебе, когда мне будет нужно?

— Всегда, — пообещала я.

ЧЕРЕЗ ТРИ НЕДЕЛИ Я ОТВЕЗЛА ДЖУЛИ Вудожественную Академию Макон Као. Магический талант девочки, совмещенный с моим жалким заработком, позволили ей получить стипендию. Это была хорошая школа, находящаяся в тихом местечке, с неплохим кампусом, который напоминал мне о парке, огражденном стеной высотой в девять футов и башнями, вооруженными механическими ружьями и стрелометателями. Я встретила с каждым членом профессорско-преподавательского состава, и все они показались мне очень дисциплинированными. Также у них в советниках был эмпат. Она поможет Джули исцелиться. В этом деле нет никого лучше эмпата.

Уже стемнело, когда я наконец добралась до дома. Как всегда бывает после всплеска, магия ненадолго оставила мир в покое, и мне пришлось ехать в Бетси, которая заглохла на середине пути без определённой механической причины. Когда я добралась до входной двери, то чувствовала себя уставшей, как собака. В темноте я поднялась по ступенькам и увидела букет красных роз в фарфоровой вазе на своей веранде. Маленькая карточка гласила: «Мне жаль. Сайман».

Я выкинула цветы и вазу в мусорный контейнер, ворча себе под нос, вернулась ко входу, потянувшись за ключом и вдруг поняла, что дверь немного приоткрыта.

Я вытащила Убийцу из ножен и открыла дверь кончиками пальцев. Она бесшумно отворилась, благо петли были хорошо смазаны. Через прихожую я увидела, что в гостиной горит лампа. В воздухе витал запах кофе.

Кто вообще врывается в дом, включает там свет и делает кофе?

Я тихонько прошла к гостиной, держа Убийцу наготове.

— Громко и неуклюже, будто маленький носорог, — сказал знакомый голос.

Я вошла в гостиную. Карран сидел на моём диване, читая мою любимую газету. Его волосы снова приобрели нормальную длину. Лицо было чисто выбрито. Теперь оборотень не напоминал то темное демоническое существо, которое трясло своей божественной гривой на поле боя месяц назад.

Я думала, он уже забыл меня. И я была этому крайне счастлива.

— Принцесса-невеста? — сказал Карран, бросая книгу.

— Что ты делаешь в моём доме?

Сам ведь вошёл, не так ли? И уютненько тут устроился, будто хозяин.

— С Джули всё хорошо?

— Да. Ей не хотелось оставаться, но я уверена, она быстро найдет друзей, да и персонал кажется благоразумным.

Я наблюдала за оборотнем, не уверенная, где мы остановились.

— Я давно хотел сказать тебе, но случай не выпадал. Прости за Брана. Мне он не нравился, но погиб героем.

— Да уж. Мне жаль твоих людей. Многих потеряли?

Его лицо помрачнело:

— Третью часть.

Тогда Карран взял с собой сотню. По меньшей мере тридцать человек никогда больше не вернутся. Груз от их потери давил на нас обоих.

Он перевернул книгу в руках:

— Твои собственные слова силы.

Повелительно Оборотней знал, что такое «слово силы». Миленько. Я пожала плечами:

— Взяла парочку отсюда и оттуда. То, что случилось в Разломе, бывает лишь раз. Я никогда не стану такой же сильной снова.

По крайней мере, это возможно только во время следующего всплеска.

— А ты интересная женщина, — произнес Карран.

— Твой интерес замечен должным образом, — я указала на дверь.

Он отложил книгу:

— Как пожелаешь.

Повелитель Оборотней встал и двинулся мимо меня. Я опустила меч, чтобы дать ему пройти, но внезапно он оказался слишком близко.

— Добро пожаловать домой. Я рад, что у тебя всё получилось. На кухне тебя ждет кофе.

Мой рот открылся от изумления.

Карран вдохнул мой запах и придвинулся ещё ближе, собираясь меня поцеловать...

А я стояла, как идиотка.

Он усмехнулся и вместо поцелуя шепнул мне на ухо: «Шутка».

А потом просто вышел за дверь.

О, Боже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Корова миссис О'Лири — по одной из версий эта корова опрокинула копытами керосиновую лампу, чем вызвала крупнейший пожар в Чикаго 8 октября 1871 года. Её хозяевами были Патрик и Кэтрин О'Лири

«Дело сталкера из Ред Пойнт» — название для событий, произошедших в первой книге цикла Кейт Дэниелс «Магический укус».

Рекурв — рекурсивный (изогнутый) лук.

Rmd3 (Лекарство) — антибактериальное лекарство для лечения различных ран.

Кава (Перец опьяняющий) — растение из семейства перечных. Экстракт из корня обладает успокаивающим действием.

Джибанг — небольшое дерево из семейства лиственных. Произрастает на Юге Австралии

Монисто — ожерелье из бус, монет или каких-либо разноцветных камней.

Хилтон-Хед-Айленд (Hilton Head Island) — город на одноимённом острове в округе Бофор, Южная Каролина, США.

Виадук — сооружение мостового типа, возводимое на пересечении дороги с глубоким оврагом, ложиной, горным ущельем

Морской чёрт (Европейский удильщик) — хищная рыба отряда удильщикообразных. Название «морской чёрт» этот вид получил из-за очень непривлекательной внешности.

Кармин — красный краситель, получаемый из карминовой кислоты, производимой самками насекомых кошенили.

Отсылка на диалог Кейт и Дулиттла в первой книге, где доктор процитировал отрывок из детского рассказа американского писателя и художника Мориса Сендака «Там, где живут чудовища» («Where the Wild Things Are»)

Ленокс Пойнт — дорогой квартал в районе Бакхед.

Клиф — обрыв, крутой уступ

Смоки Маунтинс -

Мариетта Стрит — улица, проходящая через центр Атланты и соединяющая ее с городом Мариетта, от чего и получила свое название.

Парк Сентенниал (полное название Centennial Olympic Park) — расположенный в центре Атланты парк площадью 85 тыс. м². Был открыт в июле 1996 года к Олимпиаде, проходящей в тот год в Америке.

Мачете — большой широкий нож для расчистки проходов в джунглях

Кудзу (Пуэрария дольчатая) — лианообразное растение из семейства бобовых, произрастающее в теплом климате, в т. ч. на юге США.

Карапакс — верхняя часть панциря черепахи.

Крипта (от греч. *kryptē* — тайник) — в средневековой западноевропейской архитектуре одно или несколько подземных сводчатых помещений, расположенных под алтарной и хоральной частями храма и служащее для погребения и выставления для почитания мощей святых и мучеников.

Пламя, взвейся и гори! Наш котел, кипи, вари! — строчка из песни ведьм в пещере из пьесы Шекспира «Макбет» (пер. Соловьева), акт IV, сцена 1.

Фабио Ланзони — итальяно-американский актер и модель, накачанный красавчик с длинными светлыми волосами. Долгое время работал моделью для обложек любовных романов.

Кошачья мята (Котовник кошачий) — многолетнее травянистое растение, содержащее эфирное масла, которое обуславливает сильный своеобразный («лимонный») запах, привлекающий кошек.

Викка (англ. Wicca) — западная неоязыческая религия, основанная на почитании природы.

Фамильяр — волшебный териоморфный дух, по поверьям, служивший ведьмам и колдунам. Обладавал разумом на уровне человека и чаще всего принимал форму животного (кошка, сова, собака и пр.).

Вращатель — это компонент зелья, после добавления которого вся смесь начинает раскручиваться.

Semper Fi — девиз морских пехотинцев от лат. *Semper Fidelis* — всегда верен